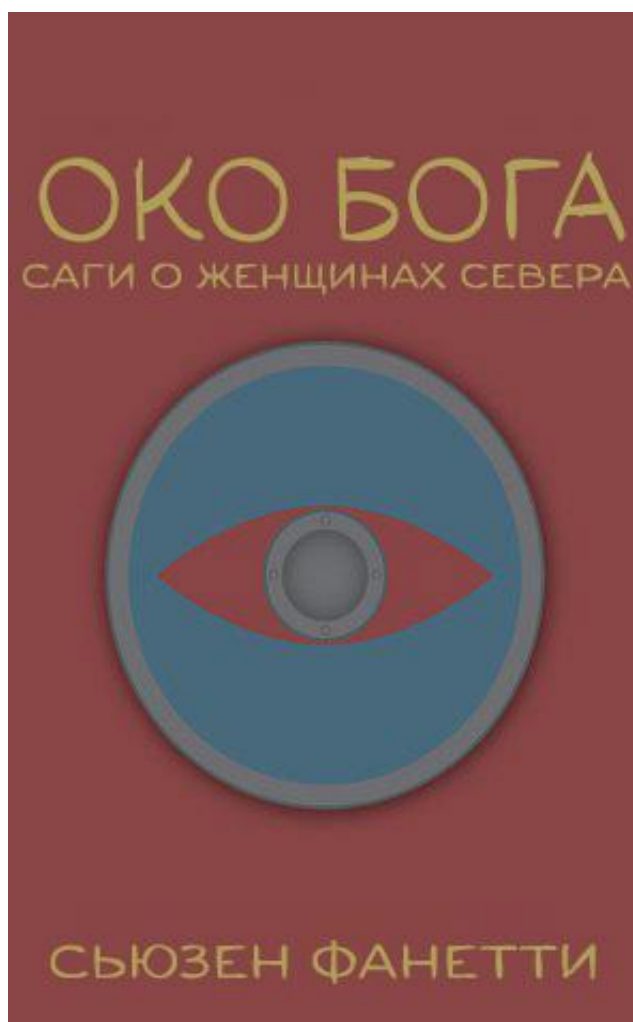

**Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.**

Сьюзен Фанетти

"Око Бога"

Серия: "Саги о женщинах севера" (книга 1)

Автор: Сьюзен Фанетти
Название на русском: Око Бога
Серия: Саги о женщинах севера
Перевод: DisCordia
Редактор: Eva_Ber
Вычитка: Eva_Ber
Обложка: Алина З.
Оформление:
Eva_Ber

Аннотация

Одиночество — единственное, что в этой жизни известно Бренне. Она не ждет ни настоящей дружбы, ни, тем более, любви. Люди говорят, она с рождения помечена Одином, но для Бренны это, скорее, проклятие, нежели благословение. Даже те, кто говорит, что на нее снизошла милость Великого Отца, боятся взглянуть на нее. Люди ее сторонятся. Но Бренна научилась пользоваться данной ей силой и заставила свой дар служить себе. Она — Дева-защитница, ставшая настоящей легендой благодаря своему мужеству и волшебному дару.

Вали — настоящий гигант среди своего народа, всеми любимый и уважаемый. Он — Улфенар, берсеркер, один из элитных воинов Одина, один из самых яростных и храбрых, владеющий топором и копьем. Его называют Грозным Волком, его сила и ярость — дары Великого Отца.

Судьба разлучила двух воинов еще детьми. Вера свела их вместе, как воинов ярла, в походе к Эстландии. Снова и снова Вали ищет Бренну. Он видит ее, он видит женщину, скрытую за облаком сплетен. И он не отведет от нее своего взгляда.

Вали не забыл, что с самой первой встречи он — должник Бренны. Пытаясь найти способ отплатить ей, он неожиданно находит одинокую, красивую женщину, чья спокойная сила завладевает его сердцем.

Но саги не воспевают воинов, живущих спокойной жизнью, или любовь, которая не знает препятствий и испытаний.

Может, они и благословлены богами, но это не защищает Бренну и Вали от появляющихся в жизни каждого из них разрушительных препятствий. Их репутация не может им помочь. Их спасет только любовь, и эта любовь должна стать их легендой.

ГЛОССАРИЙ

Для того чтобы появился этот мир Викингов, я проделала большую работу. Я с уважением отношусь к историческим реалиям скандинавских культур. Но все же я позволила себе некоторую вольность в обращении с великой северной историей, культурой и географией для того, чтобы сделать свой вымышленный мир более богатым. Настоящая культура викингов — это не монолитный пласт, а целое собрание очень похожих друг на друга, но все же разных языков, традиций и ритуалов. В «Сагах о женищинах севера», тем не менее, я позволила себе объединить культурные различия.

Мои персонажи носят имена, соответствующие эпохе и традициям. В любом случае, я использую скандинавские имена в их подлинном написании и произношении — там, где это возможно.

В́икинги — раннесредневековые скандинавские мореходы, в VIII-XI веках совершавшие морские походы от Винланда до Биармии и от Каспия до Северной Африки. В основной массе это были племена в стадии разложения родоплеменного строя, жившие на территории современных Швеции, Дании и Норвегии, которых толкало за пределы родных стран перенаселение и голод. По религии викинги, в подавляющем большинстве, были язычниками.

Хангерок — подобие фартука, одежда, которую носили женщины викингов.

Скауз — мясное блюдо, имеет много разновидностей в зависимости от ингредиентов.

Карфи — самый маленький из кораблей викингов с тринадцатью рядами весел.

Ётун — одна из рас гигантов.

Пинг — собрание для решения политических или социальных вопросов.

Вёльва — провидица или медиум.

Ярл — высший титул в иерархии в средневековой Скандинавии, а также само сословие знати. Первоначально означал племенного вождя, позже стал означать титул верховного правителя страны.

О́дин, или **Вóтан** — верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов, сын Бёра и Бестлы, внук Бури. Мудрец и шаман, знаток рун и сказов (саг), царь-жрец, князь (конунг)-волхв, но, в то же время, бог войны и Победы, покровитель военной аристократии, хозяин Вальхаллы и повелитель валькирий. Супруга — Фригг.

Вальх́алла, также **Валѓалла** — по верованию древних скандинавов, рай, куда могли попасть только павшие геройской смертью.

Асгард — один из трёх космогонических миров германо-скандинавской мифологии, созданных триадой богов-демиургов: братьями Одином, Вили и Ве. Асгард — это мир богов-асов, небо и будущее; Мидгард — это мир людей, земля и настоящее; Хельхейм — это подземье, мир умерших предков и прошлое. За пределами созданного тремя богами

космоса лежит Утгард, «внешнее отгороженное пространство», трансцендентный мир демонической магии, неподвластный законам асов, иногда отождествляемый с Ётунхеймом, королевством великанов.

Берсёрк или ***берсёркер*** — в древнегерманском и древнескандинавском обществе воин, посвятивший себя богу Одину. Перед битвой берсерки приводили себя в повышенное агрессивное состояние, в сражении отличались неистовостью, большой силой, быстрой реакцией и нечувствительностью к боли.

Улфенар — отдельный класс берсеркеров, использующих волка в качестве своего символа. Отличаются свирепостью, и в некоторых сагах упоминаются в качестве элитных воинов Одина.

Иггдрасиль, также ***Игдразил*** — Мировое дерево (дерево жизни) в германоскандинавской мифологии — исполинский ясень (или тис), в виде которого скандинавы представляли себе вселенную.

ПРОЛОГ

ГЛАЗ

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД

К шести годам Бренна уже свыклась с тем, что люди смотрят на нее и тут же отводят взгляд. Идя с матерью и отцом по улицам Холсгрофа — по торговым делам или к ярлу, — девочка с грустью замечала, что люди стараются держаться от нее подальше.

Теперь, в десять лет она научилась использовать людской страх, глядя так, что окружающие пугались, или гримасничая так, что они не спали по две-три ночи, ожидая, когда их настигнет ее проклятье.

Были в деревеньке люди, которые Бренны пугались не так сильно, но теплыми чувствами они к ней тоже не пылали. Даже те, кто знал ее с рождения, говорили, что в ней есть что-то странное, что-то, что нельзя понять. Некоторые думали, она — благословение, другие считали ее отравой, но никто не видел в девочке просто девочку. Только родные не испытывали к ней страха.

Мать и отец называли это «трепет» и говорили, что это он отвращает от нее людей, но Бренна считала, что разницы нет. Страх ли, трепет ли, она была одинока.

Бренна родилась с «Глазом Богов». Она сама этот глаз у себя разглядеть не могла — родители не держали в доме зеркала, а вода отражала обычную девочку — но наверняка, это было что-то страшное.

— Чш-ш, Бренна, — сказала мать, зачесывая назад выбившиеся из косы Бренны светлые волосы и завязывая их тесемкой. — Тебе нужно немного погулять на улице, милая. Ты же знаешь, Сигурд не будет со мной торговаться, если тебя увидит.

Она вложила кусочек серебра в ладонь Бренны.

— Иди, купи себе сладостей. Но оставайся рядом с доками, чтобы услышать, когда позовет отец (*Прим. корабельный док — сооружение, предназначенное для постройки, транспортировки, ремонта и окраски судов, а также для их погрузки и выгрузки*).

— Да, матушка.

Мать похлопала ее по руке и ласково улыбнулась, и Бренна пошла прочь, спрятав серебро в рукаве. Она не будет его тратить. Лотки со сладостями — худшее место для Бренны в Холсгрофе. Все дети собирались там. А дети легко обращали свой страх в жестокость.

Но она оставила мать в уверенности насчет того, что все в порядке. Так было легче, да и знала Бренна, что мать чувствует людской страх так же хорошо, как и она сама.

Девочка знала, что ее отошлют, так бывало каждый раз, когда они приходили в город, и у нее было местечко, где она проводила это время. Вечером Бренна вернет этот кусочек серебра в мамин кожаный мешочек. Они не могли себе позволить потратить даже такую малость, особенно на воображаемые сладости.

Сделав большой крюк, чтобы обойти лотки со сладостями и полную народу площадь перед большим домом ярла Ивара, Бренна направилась к самому дальнему краю города, туда, где снова начинались леса. Если встать на цыпочках на скале, то можно будет

увидеть доки. А голос отца настолько зычный и громкий, что она услышит, когда ее позовут.

Там было дерево, старое сучковатое дерево, корни и ствол которого росли таким образом, что образовывали маленькое углубление, почти пещеру. Бренна отыскивала его несколько месяцев назад. Кажется, никто больше о нем не знал. Она выложила пол мхом, и всегда находила его в том состоянии, в котором и оставляла. Даже лесные звери словно понимали, что пещера принадлежит ей.

Забираясь внутрь, девочка воображала, что спряталась так хорошо, что никто никогда ее не отыщет, и она точно знала, что ее тут не увидят.

Бренна могла сидеть там, в своей уютной безопасной норке, до тех пор, пока не позовет отец. Она закрывала глаза и придумывала для себя истории. Истории о Бренне, Деве-защитнице. О Бренне, Путешественнице. О Бренне, великой Госпоже.

Эти имена нравились ей больше, чем те, которыми ее называли. Бренна-ведьма. Бренна, Странная. Бренна, Проклятая.

Позже в ее историях начали появляться сильные молодые воины. Берсеркеры с фантастическими рисунками на голых торсах. Она не понимала, почему. Ее отец в молодости был берсеркером, но Бренна не думала, что эти молодые воины из ее историй как-то связаны с отцом.

Она рассказывала себе историю о том, как ведет через океан отряд воинов, когда треск и топот тяжелых шагов по лесу нарушили ее раздумья. Кажется, пришло время узнать, так ли на самом деле хорошо ее убежище, как она считала.

Ее сердце заколотилось, когда девочка опустилась на корточки и выглянула сквозь переплетающиеся корни дерева. Мужчина тащил за собой по лесу мальчика — тот выглядел чуть старше Бренны, но мужчиной из-за хрупких плеч и отсутствия щетины на щеках назвать его было нельзя. Мальчик сопротивлялся, его темные волосы трепало по ветру, но мужчина был намного больше, и он швырнул его наземь.

— На колени! — завопил мужчина.

Мальчик кое-как поднялся на ноги.

— Отец, пожалуйста!

— Ни слова больше! Ты сказал свое последнее слово, парень. Я сказал: на колени!

При этих словах мужчина выхватил топор — не боевой, а один из тех, что рабочие обычно носят за поясом — и ударил мальчика в колено.

Тот застонал от боли и упал на колени, ухватившись рукой за ногу, по которой ударил отец. Бренна, скрытая от чужих глаз в своем древесном убежище, ахнула и прикрыла рот рукой. Она ожидала фонтана крови, но ничего не было. Топор остался чист. Наверное, мужчина ударил своего сына обухом или плоской стороной. Малая милость, но все же милость.

Бренна испугалась, ее затошнило — и почувствовала, как в ней поднимается что-то новое, гнев, равному которому она никогда не чувствовала. Это было как огонь в суставах. Это заставило ее кулаки сжаться, а тело напрячься, готовясь оторваться от земли. Она хотела подняться на ноги. Она хотела сделать гораздо больше.

Но Бренна была всего лишь девочкой, сидящей под деревом, и под ее рукой не оказалось ничего, похожего на оружие. Она огляделась в поисках камня или палки, но вокруг не было ничего подходящего.

А потом мальчик издал странный сдавленный звук, и Бренна снова обернулась к нему. Его отец взял его за голову — нет, за язык. Он вытащил язык изо рта сына и зажал его меж пальцев. Мальчик отчаянно бился в его руках, но мужчина, должно быть, был очень силен. Она не понимала, зачем мужчине язык своего сына.

А потом она увидела нож и поняла.

Бренна вскочила на ноги, прежде чем осознала, что делает, и ринулась к ним, маленькая девочка, мелкая для своего возраста, без доспехов, только в легком шерстяном летнем хангероке.

— СТОЙ! — закричала она, двигаясь прямо на них. — СТОЙ.

Мужчина остановился и повернулся к ней. Отвлечшись, он ослабил хватку, и мальчик, вырвавшись, тут же попытался сбежать. Однако раненное колено подогнулось. Он упал и пополз в сторону деревьев.

Мужчина повернулся к Бренне и сделал шаг в ее направлении, подняв руку, которой сжимал язык сына.

— Маленьким девочкам не стоит находиться в лесу одним. Они могут...

Он остановился, глаза расширились. Бренна поняла, что мужчина оказался достаточно близко, чтобы разглядеть ее глаза. Чтобы по-настоящему их разглядеть, в особенности, правый.

Она выпрямилась настолько, насколько могла, и расправила плечи так, как только сумела. Ее сердце колотилось, а колени тряслись, но Бренна сумела сделать свой голос решительным и глубоким.

— Не трогай его.

Мужчина сделал рукой отвращающий колдовство знак и развернулся в сторону города, позабыв о сыне. Он не побежал, но пошел прочь так быстро, как только мог идти, не уронив достоинства.

Бренна повернулась к мальчику, все еще сидящему у дерева, его рот кровоточил, а колено опухало. Она улыбнулась и подошла ближе, чтобы помочь подняться или предложить привести помощь из города. Она хотела помочь ему.

Но его глаза расширились и наполнились страхом — оба ярко-голубых глаза — и он сделал тот же самый отвращающий знак, что и его отец.

Бренне казалось, что она уже свыклась с этим, но на этот раз страх ее ранил. Тяжесть упала на сердце, и она отвернулась.

Бренна вернулась в город и просидела в доках до тех пор, пока родители не решили, что пора домой. Она не стала проверять, ушел ли мальчик из леса.

И не придумала новой истории.

— Ух! — Бренна тяжело приземлилась, и уже без того больной копчик отозвался острой болью.

— Меч вверх, дочь. Ты должна это запомнить. Меч и щит, оба могут защитить, оба могут быть оружием, — отведя щит в сторону, отец протянул руку и помог подняться, потом отступил назад, взмахнув своим мечом. Они тренировались боевыми мечами всего неделю. — Еще раз.

Бренна стала в стойку и закружилась, следя за движениями отца.

— Я хочу работать с топором, — сказала она, блокируя удар щитом.

— Хорошо. Теперь атакуй.

Помня о том, что лучше поворот, чем шаг вперед, Бренна замахнулась мечом, целясь в плечо той руки, которая держала меч. Резать, но не колоть. Но отец легко парировал удар.

— Меч — первое оружие и самое важное, — он сделал движение, она парировала. — Когда ты научишься владеть мечом, ты перейдешь к топору.

Отскочив в сторону, Бренна почти достала его, заставив отца последовать за ней в попытке заблокировать удар.

Ухмыльнувшись, он кивнул и добавил:

— А пока продолжай работать и не попадайся на глаза матери, — отец взмахнул щитом. — Хватит на сегодня. Она будет дома до заката, а у нас до ее прихода еще есть дела.

Он кивнул в сторону дома, и Бренна пошла следом за ним, зная, что первым делом придется почистить мечи. Отец настаивал на тщательном уходе после каждого использования, даже если во время тренировки была пролита лишь капля крови.

Сидя за столом, оттачивая и шлифуя тяжелое лезвие, Бренна ворчала.

— Она должна гордиться тем, что я хочу быть похожей на нее.

Ее мать была великой Девой-защитницей. В историю она вошла как Дагмар Дикое Сердце, легенды говорили, что она сражалась с троллями и даже великанами Ётунхейма.

Бренна знала, что истории о женщине, которая ее родила, приукрашены, но все же в ее величии была правда. Она видела своим странным глазом, как ее мать отражает нападение воинов с яростью и силой берсеркера.

Но Дагмар пока не стоило знать о том, что ее дочь берет в руки меч и щит и ступает на ее путь. Это было все, чего желала Бренна, единственный возможный для нее выход. Ей никогда не узнать любви, никогда не завести семью. Ей было тринадцать, и она уже знала, что никогда никто не полюбит ее, как женщину.

Люди шарахались от нее. В страхе или в трепете, но шарахались. Те из них, кто трепетал, могли оставить на пороге дома подарок, чтобы получить благословение магии, которой, как они думали, Бренна была наполнена, но никто даже не попытался узнать ее.

Так что Бренна смогла бы использовать этот страх, этот трепет. Она смогла бы быть великой Девой-защитницей, как ее мама и бабушка. Она могла бы стать ею, даже если мама не хотела, потому что отец ни в чем не мог ей отказать.

— Ты прекрасно знаешь, почему твоя мать хочет для тебя другой судьбы.

Она знала. У Бренны было четыре старших брата. Трое умерли в бою и вознеслись в Валгаллу. Одного семья потеряла в детстве, он умер от лихорадки. Дагмар Дикое Сердце не была готова потерять еще одного ребенка. Она хотела сохранить в безопасности своего единственного выжившего ребенка, рожденного на закате ее собственной жизни и жизни мужа.

Но ее единственный выживший ребенок был рожден другим. Не совсем, конечно — Бренна была обычной девочкой, молодой женщиной, не наделенной никакими особенными дарами — но другим в том смысле, который люди ее мира принять не могли.

Они считали, что Бренна родилась с оком Одина, Великого Отца, которым тот пожертвовал однажды ради своей мудрости. Они думали, она видела Асгард. Они думали, она принесла с собой глаза богов Мидгарда.

Отец кинул. Он тренировал Бренну, потому что соглашался с ней, и потому что он мог бы гордиться тем, как она сражается. Он и мать Бренны вступили брак не по любви, но они полюбили друг друга, сражаясь бок о бок.

Но поднявшись из-за стола и взяв свой меч, чтобы повесить его на место, на стену, и повернувшись к ней спиной, чтобы она не могла увидеть его лица, он сказал:

— Твоя мать думает, что из тебя выйдет хорошая целительница. Она сегодня поговорит с Оили насчет твоего обучения.

Бренна поднялась.

— Отец, нет!

Оили была старой женщиной, живущей в лесах, даже дальше от центра деревни, чем жили они. Все приходило к ней за лечением и снадобьями, и каждый считал свои долгом удостовериться в том, что она в безопасности, в тепле и не голодает, но никто не хотел бы составить ей компанию. Никто не разговаривал с Оили, когда она приходила на реку. Никто не приглашал ее преломить хлеб за столом. Она была больше, чем целительница, она была вельва — ведьма, пророчица — и ее боялись. Люди считали ее силой, с которой надо было мириться, силой, находящейся вне добра и зла, которая помогала им просто потому, что им нужна была помощь.

Родители Бренны тоже верили в силы Оили. «Интересно, а мать испытывает к Оили страх или трепет?» — подумала она. Иначе, зачем она стала бы искать такой судьбы для своей дочери?

При мысли о том, что она будет навсегда отрезана от деревенской жизни, у Бренны заболел живот.

— Пожалуйста, Отец. Я не могу.

Он повернулся к ней лицом, подошел и забрал меч из ее рук.

— Мы с твоей матерью поговорим об этом сегодня вечером. А теперь пора за работу.

Этой ночью Бренна лежала на своей узкой кровати и слушала, как спорят родители. Животные, не привыкшие к резким звукам, беспокойно вертелись за стеной. Одна из молодых овечек заблеяла и просунула свою морду между прутьями. Бренна погладила темный бархат шерсти.

— Гуннар, нет! Я не потеряю еще одного ребенка!

— Ты хочешь сделать ее отшельницей? Ты думаешь, в таком случае ты ее не потеряешь? Она хочет этого, Даги. Она — дочь воинов. Мы должны позволить ей самой выбрать свой путь. Пусть ее боятся из-за ее силы, а не из-за глупых суеверий.

— А ты уверен, что это суеверия?

— Дагмар, нет. Не надо. *Она* — девочка. Наша девочка. Мы знали бы, если бы в ней было что-то большее.

— Знали бы? Она только-только начинает взрослеть. А что будет, когда она станет женщиной? Не должна ли она быть с тем, кто понимает все это? Кто сможет ей помочь разумно использовать свои силы? Око Бога, Гуннар. Если это правда...

— Это не око бога. Это око *Бренны*. Нашей дочери. Ее глаз просто... разноцветный. Это красиво.

— Настолько красиво, что пугает людей. В нем соединились вода, земля и небо. В нем сам Иггдрасиль. Око Великого Отца. Ты знаешь легенды. Ты знаешь, что они говорят.

— А еще легенды говорят, что Дагмар Дикое Сердце сражалась в Ётунхейме и целую неделю питалась сердцем великана. Каково оно на вкус, а жена?

Бренна слышала ласковую насмешку в голосе отца, знакомую насмешку. Обычно мать тогда смеялась и отталкивала его проворные руки.

Но теперь ее мать сказала:

— Гуннар, хватит. Я не могу. Я не могу позволить ей умереть так же, как умерли наши сыновья. Я не могу.

Она плакала. Когда Бренна слышала, как отец шепотом утешает ее, Бренна поняла, что проиграла. Отец был прославленным воином, бесстрашным берсеркером, но он пасовал перед женскими слезами.

Но Брена не могла пойти в ученики к Оили. Не могла ее судьба быть такой — совсем молодой и в полном одиночестве остаться в лесу.

Когда родители, наконец, заснули, Бренна покинула дом. Она взяла только меч и щит, с которыми тренировалась под руководством отца.

Она надеялась однажды вернуться, но не знала, когда.

ЧАСТЬ 1. МЕЧ

Глава 1

Бренна закричала и прыгнула вперед, на тело эстландского воина (*прим.: Эстляндия — историческое название северной части Эстонии*), который только что пал от ее меча. Земля вокруг была покрыта телами. Жидкое тепло, всегда наполняющее ее суставы и мышцы во время битвы, застучало и начало нарастать внутри. Девушка узнавала этот безумный огонь еще до того, как бралась за щит или меч, и она называла его жаждой крови. Боевой яростью.

Силой.

Налетчики оказались слишком близко к месту предыдущего нашествия, и им пришлось продвинуться вглубь, чтобы найти стоящую добычу. Эстландцы, сломленные и усталые бесконечными сражениями, в которых они снова и снова терпели поражение, все еще решительно сопротивлялись. У них было время, чтобы подготовиться к налетам. Но это были обычные деревенские жители, и у них было мало воинов, чтобы противостоять сезонным набегам. Только несколько человек еще держались на ногах, и пыль превратилась в грязь от крови мертвых.

— СТЕНА! СТЕНА!

Бренна услышала клич и отделилась от своей группки. Развернувшись в сторону Колдера, лидера отряда, она побежала на свое место, к остальным. На бегу она заметила, что в деревне готовится вторая волна сопротивления.

Ряды сражающихся пополнились солдатами в форме, а значит, они подобрались к хозяину земель совсем близко. Тренированные мужчины, новобранцы, те, кто не сможет сражаться без передышки целый день. Бросив на них единственный беглый взгляд, Бренна успела разглядеть, что новобранцев все же больше, чем уставших налетчиков.

То, что землевладелец послал такое количество своих людей против их банды, сказало Бренне, что они подобрались к его сокровищам совсем близко.

По опыту она уже знала, что лорды считают поселенцев на краю своих земель расходным материалом, ведь те, которые могут в случае чего отвлечь внимание налетчиков от настоящих ценностей. Бренна хотела бы продвинуться вглубь этих земель, но ярл Эйк и его сыновья предпочитали грабить прибрежные деревеньки.

Впрочем, Бренна никогда не возражала. Она избегала внимания везде, где только могла, предпочитая давать мечу и щиту говорить за нее.

Девушка закрылась щитом, как и остальные, когда поток стрел взвился в небо и со свистом ударил в их стену из щитов. Стрела впилась в щит Бренны, и дрожь передалась по руке. А потом новая волна воинов накатил на них, пытаясь прорваться сквозь стену.

— ПЛЕЧО!

По команде Бренна прыгнула и подняла щит на плечо. Столкновение с толпой людей, пытающихся пробить стену, было сокрушительным, но стена не дрогнула. Беззащитные берсеркеры, мужчины, сражающиеся без щитов, но с оружием в руках и огнем в сердце, поднялись и начали размахивать топорами, поднимая и опуская их на тела мужчин, пытающихся взять штурмом стену из щитов.

— ОТКРЫТЬ!

В стене появилось пространство, и одна из Дев-защитниц ударила топором в лицо воина, потерявшего свой шлем.

— ЗАКРЫТЬ!

Они закрыли стену над мертвым телом, и берсеркеры заработали снова, нанося жестокие удары по солдатам, ломая острые мечи мощными топорами.

И снова Колдер, старший сын ярла Эйка, закричал:

— ОТКРЫТЬ! — и перед ними выросли солдаты.

По крайней мере, десяток воинов упали в брешь, и их тут же окружили налетчики, когда Колдер скомандовал закрыть стену. Бренна оказалась лицом к лицу с солдатом, юношей, не старше нее самой. Она увидела в его глазах ужас и шок от встречи с женщиной.

Бренна подняла свой меч и вонзила его в мягкую плоть под его подбородком, и глаза его умерли, когда умер он сам.

Когда положение стало более или менее стабильным, стена из щитов распалась, и налетчики и солдаты вступили в открытый бой. Бренна выдернула стрелу, засевшую в щите, и отскочила назад, подальше от схватки. Позволив врагу увидеть, что она — женщина; Дева-защитница всегда получала преимущество, на каком бы берегу моря она ни сражалась. Всегда было удивление в глазах ее соперников, и это удивление заставляло колебаться, пропускать движение, делать или не делать чего-то, что давало ей возможность одержать победу.

Ее собственный народ ждал, что женщина будет сражаться. Дикари же считали своих женщин слабыми и беспомощными, используя их иногда только в качестве подобия племенных кобыл.

Один из солдат вырос прямо перед ней, когда она отпрыгнула в сторону, взмахнув мечом проворно и умело. Он и глазом не моргнул, увидев ее лицо, и она едва успела отразить мечом удар, направленный в шею.

Бренна все же успела поднять свой щит, парируя удар, и сила ее блока удивила солдата. Используя это короткое мгновение удивления, девушка ударила его головой в подбородок. Кровь противника покрыла ее лоб, заливая глаза, смешиваясь с ее собственной кровью. Когда воин покачнулся, она отступила и движением, которому научил ее отец много лет назад, выхватила свой длинный меч и ударила солдата по спине. Но в отличие от деревенских жителей, за которых они и сражались, солдаты носили кольчугу, и удар, который должен был убить, только ранил. Воин упал, а Бренна занесла свой меч для смертельного удара...

...и упала на колени от тупого удара по спине, выбившего из нее дух. Она попыталась повернуться, одновременно заставляя свои легкие наполниться воздухом, преодолевая боль и пытаясь поднять свой меч, но на нее набросились сразу двое солдат. Один из них блокировал ее попытку ударить, а второй ударил сам, снова, но на этот раз по голове, плоской стороной своего железного щита.

Зрение затуманилось, и она упала, не в состоянии заставить свое тело пошевелиться. Щит Бренны вылетел из обессиленной руки, и она приготовилась встретить богов в Валгалле.

Сначала она спросит Одина, он ли на самом деле дал ей глаз, которым когда-то пожертвовал, в обмен на мудрость, и если так, то зачем. Потому что сейчас, в двадцать один год, Бренна не чувствовала себя достойной этого дара.

Он был для нее тяжким бременем в каждый миг ее жизни.

А потом мощный рев расколол воздух, и оба солдата упали замертво в разные стороны, как падают спиленные деревья. На их месте вырос гигант с обнаженной грудью. Свой. Налетчик. Берсеркер, залитый кровью, с бородатого топора (*прим.: вид боевых топоров с прямой верхней гранью и лезвием, оттянутым вниз — «бородой»*) в его руках капала кровь.

Она не знала его имени, он не принадлежал к ее клану. Ярл до наступления сезона охоты заключил союз с другими кланами, и все они сражались вместе. Этот мужчина боролся за добычу для своего ярла.

Берсеркер повернулся и убил другого воина, попытавшегося напасть на них, потом наклонился и протянул ей окровавленную мощную длань. Брена приняла ее и позволила ему поднять себя с земли, закрыв глаза и не открывая их, пока мир вокруг не перестал вращаться.

Открыв глаза, Бренна обнаружила, что мужчина смотрит на нее сверху вниз своими ярко-голубыми глазами, а мир вокруг них вдруг затих. Она огляделась — воины и деревенские жители были или мертвы, или сдались. Воздух пах кровью и потрохами. Мужчина, которого ранила Бренна, стонал, стоя на коленях. Она ударила его мечом в спину, прекратив страдания.

Берсеркер не отпускал ее руки, и Бренна обернулась к нему, чтобы заметить все то же внимательное разглядывание. Его лицо было залито кровью, она стекала с его бороды, и голубые глаза светились на этой темной маске. Она попыталась высвободиться, но мужчина, по-видимому, не желал ее отпускать.

Она не думала, что он хочет ее как женщину — никто не хотел ее как женщину. Ее глаз и предполагаемое происхождение удерживали на расстоянии даже мужчин, известных своей дерзостью и отвагой. Никто не хотел подвергать себя риску быть околдованным.

Но берсеркер чего-то хотел.

— Благодарю, — сказала Бренна, думая, что этого должно быть достаточно.

Она попыталась освободиться снова, и на этот раз он отпустил ее, как будто бы ждал именно слов благодарности. Ее рука была свободна, Бренна оттерла кровь с лица и наклонилась, чтобы поднять упавший щит.

— Ты — Бренна, Око Бога, — сказал мужчина.

Как будто бы сама она этого не знала.

Она кивнула и пошла прочь. Надо было заняться сбором трофеев.

Они разбили лагерь глубоко в лесах, и Колдер послал часть добровольцев к жилищу землевладельца. Большая часть жителей деревни была мертва, но Колдер все же захватил в плен несколько женщин, трех юношей и одного солдата. Солдат должен был дать информацию, юноши могли работать. Женщинам же придется обслуживать налетчиков.

Налетчики после боя сходили с ума. Бренна понимала эту горящую внутри необходимость жестокого освобождения — ведь безумие не проходило, когда с жертвами было покончено. Она тоже это чувствовала. Другие Девы-защитницы могли заниматься сексом с братьями по оружию, если хотели. Но для Бренны такой возможности не было, и она не знала даже, сумело бы ей это помочь. Тот секс, который она видела, был жестоким и грязным даже среди своих, и ей такого уж точно не хотелось.

Когда мужчины скопом навалились на одну из новых рабынь, Бренна поднялась, взяла меч, щит и направилась в лес. Она постаралась отрешиться от криков и мольбы позади нее и шла до тех пор, пока эти звуки не затихли вдали.

Женщины были пленницами. Они были рабынями, лишенными права даже на собственное тело. Бренна убивала и женщин, и мужчин. Она убивала священников и торговцев, солдат и фермеров, богатых и бедных. Жестокость смерти питала в ней какую-то часть ее души, ту, что всегда была голодна.

Даже грабеж деревень она понимала. Ведь там была добыча.

Но Бренне довелось однажды побывать рабыней. Она могла понять убийство другого человека, но никогда не понимала, как можно вести себя с другим так, словно он — ничтожество.

Проклятые традиции и законы.

Держа ухо востро, чтобы в случае чего не пропустить опасность, девушка прошла вдоль ручья, у которого был разбит лагерь, до того места, где он превращался в шумный и бурный поток. Она предпочитала быстрые воды, в бегущей воде не было видно отражения. В зеркале стоячей воды Бренна всегда могла увидеть свое лицо, а она его ненавидела.

У нее была возможность посмотреть в отражающее стекло, и единственный раз она в него поглядела. Увиденное так расстроило Бренну, что она больше не бросила на свое отражение ни единого взгляда.

Не потому что ее глаз был ужасен. Потому что он не был. Глядя на свое отражение, она видела только девочку. Светловолосую девочку с длинными волосами, заплетенными в толстые косы. Девочку с одним голубым глазом и одним — другого цвета. В ее правом глазу сочетались и карий, и зеленый, и голубой, и даже желтый. Коричневый цвет окружал зрачок и расходился от него лучами, как корни дерева.

Она поняла, почему люди говорят то, что говорят.

Но это был просто глаз. И это была просто девочка. Она была Девой-защитницей и никем больше.

Но все же она была одинокой и всегда будет, потому что все остальные видели в ее глазах Иггдрасиль. Они видели мировое дерево. Они видели мир, и они говорили, что она рождена Оком Бога.

Было бы легче справляться с этим, если бы и она этого боялась.

Так что Бренна держалась от своего отражения подальше и позволяла себе думать о том, что все ужаснее, чем на самом деле.

Она слышала водопад. Вода падала с высоты не более двух человеческих ростов, но на верхушке поток буквально ревел. Бренна подобралась ближе к падающей воде, чтобы помыть руки и лицо.

А потом увидела тень и поняла, что здесь был кто-то еще. Бренна потянулась рукой к мечу и застыла, оглядываясь вокруг в поисках других людей.

Но, казалось, она здесь одна. Держа руку на мече, девушка пригляделась пристальнее и увидела на камне, прямо у водопада, в ручье кожаные сапоги и бородастый топор налетчика.

То есть, друг. Или, по крайней мере, союзник. Бренна расслабилась и направилась чуть ниже по ручью, ей не хотелось быть на виду. Угрозы не было.

Умывшись, она растянулась на траве и опустила сначала лицо, а потом и голову в ледяной поток и сделала большой глоток свежей воды. Огонь внутри нее схлынул, принося успокоение. Острый укол боли напомнил о том, что она порезала лоб о зубы убитого ею солдата. Это была ее единственная рана, и Бренна посчитала это удачей. Пятеро из отряда налетчиков отправились в Валгаллу во время битвы.

Она поднялась, потрясла головой, чтобы стряхнуть с лица воду, и уселась, скрестив ноги, положив щит и меч рядом.

— У тебя еще идет кровь.

Бренна подпрыгнула, услышав раздавшийся совсем рядом голос, и схватилась за меч. Позади, в нескольких футах от нее, стоял тот берсеркер, которому она была обязана жизнью. Наверное, это его она видела под водопадом. Он был чист, похоже, помылся под водой. Мокрые волосы и борода казались почти черными. В одной руке он держал тунику из некрашеной шерсти, в другой — свой топор.

Люди в отряде не были маленькими, но этот мужчина казался настоящим гигантом. Он был высокий и плечистый, мускулы валунами перекачивались по его рукам, груди, по шее и плечам. Его борода была темная, длинная и густая. С обеих сторон голова была острижена, а на макушке росли длинные волосы. Они были раньше заплетены в косы, но теперь свободно разметались мокрой массой по спине. Кожа груди и плеч была покрыта искусными татуировками.

Он посмотрел на ее руку, сжимающую рукоять меча

— Я не причиню тебе вреда, Бренна, Око Бога.

Многие в отряде относились к Бренне по-дружески, но люди редко говорили с ней один на один, если только не отдавали приказы, или просили о чем-то, или предлагали обменяться трофеями.

Она проводила свои зимы в одиночестве. Бренна не знала, как вести себя в компании. Не зная, что сказать, она просто молчала. Девушка отпустила меч и повернулась к воде, ожидая, пока воин уйдет.

Но он остался. Уселся рядом с ней.

— Я могу сделать пасту, которая уймет кровь и сделает шрам менее заметным. Травы здесь почти такие же, как дома.

Она хотела возразить, сказав, что рана не так уж и серьезна, но тут капля крови стекла с ее брови прямо на щеку. От воды рана снова открылась. Бренна стерла кровь с лица и промолчала.

Игнорируя ее молчание, берсеркер достал из складки туники узелок, где лежали разные мхи и травы. Бренна узнала некоторые из них, но она мало разбиралась в лечении. Она старательно избегала обучения целительству, словно боялась, что каким-то образом, это приведет ее под кроны леса, туда, куда мечтала послать ее мать.

Мужчина оторвал несколько кусочков, зачерпнул грязь с берега ручья и размял все руками, периодически окуная в воду. Повернувшись, он протянул руки к лицу Бренны, намереваясь прикоснуться. Она отпрянула, воин замер, не опуская рук.

— Я не причиню вреда. Разве я не спас тебе сегодня жизнь?

Спас. Бренна глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, и замерла, позволяя ему намазать пастой ее лоб. Та была холодной и освежающей, и Бренна закрыла глаза. Никто никогда не касался ее так бережно. Во всяком случае, она не помнила.

— Ты спасла меня однажды, — сказал воин. Он был так близко, что Бренна могла ощутить тепло его дыхания на своем лице.

Девушка открыла глаза, и их взгляды встретились. Она точно знала, что не сражалась с ним бок о бок раньше, и точно знала, что не спасала его жизнь сегодня. Бренна нахмурилась.

— Не думаю.

Он улыбнулся. А потом высунул язык.

Бренна была оскорблена и хотела было оттолкнуть его, когда увидела маленький рубчик на языке.

Мальчик в лесу, так много лет назад. Тот самый первый раз, когда она ощутила боевую ярость внутри. А потом она вспомнила и, вспоминая, узнала эти яркие голубые глаза.

Но он оказался таким, как все — испугался, даже когда она предложила ему помощь.

— Ты испугался меня.

Он покончил с процедурой, сел обратно, потом наклонился и помыл руки в воде ручья.

— Я был молод и глуп, и находился под каблуком мужчины еще глупее меня. Прости за это.

— За что? Все боятся. Я — Бренна, Око Бога.

— Да, так и есть. И я вижу твой колдовской глаз. Но почему я должен бояться тебя? Для меня это наоборот, честь.

И снова Бренна отвернулась, переключая внимание на бегущую воду. Она не хотела, чтобы это было правдой. Это неправда. В ней нет ничего необычного, и она не хотела,

чтобы было. Говорили, что ее отвага Девы-защитницы рождалась именно из этого ока. Но это было не так. Она рождалась в ее сердце. Бренна не обладала магией, она обладала силой.

Но все это неважно. Люди верили в то, во что им хотелось верить. Бренна вздохнула. В какой-то момент, пронесшийся вспышкой в ее разуме, она ощутила в этом человеке что-то незнакомое. Он вел себя с ней как с равной. Но он был такой же, как другие, даже если и не боялся ее.

Маленькая рыбка выпрыгнула из ручья, сверкнула и нырнула обратно. Бренне подумалось, что можно было бы вернуться в лагерь за удочкой.

— Ты спасла меня. Не только мой язык. Я ушел в тот день и никогда не возвращался, и моя жизнь стала такой, какой никогда бы не стала, если бы остался. Я хотел, чтобы ты это знала. Я хотел поблагодарить тебя. Я — Вали, и я к твоим услугам.

С этими словами берсеркер поднялся, взял свой узелок и топор и направился в сторону лагеря.

Глава 2

Вали вернулся в лагерь, набрав в узелок мох и различные травы. Он принес их Свену, который заботился о раненых, чья мать, как и мать самого Вали, была целителем.

Вали натянул тунику поверх остальной одежды, завязал пояс и закрепил на нем топор, отправившись отдыхать. Лагерь был уже укреплен. По периметру стояла охрана, и поскольку врага пока не было видно, налетчики использовали спокойное время для того, чтобы восполнить свои силы.

Только что освежеванный олень уже жарился над костром. После долгих дней на воде и соленом мясе с хлебом — такова была их пища на корабле — мысль о свежем мясе и медовухе заставила живот Вали заурчать. И, похоже, не только его — весь лагерь притих, и, отправившись на поиски воды, чтобы умыться, Вали заметил, что многие сидят у костра и смотрят на оленя так, будто это какое-то чудо.

Пойманные женщины были привязаны друг к другу веревками, охватывающими шею и руки. На некоторых из них не было одежды, а летняя жара уже сменилась прохладой приближающейся зимы, и женщины жались друг к другу в поисках тепла и успокоения. Но о них забыли на время. Мужчин больше волновала близость горячей жирной еды. И Вали был этому рад.

Ему не нравился ярл Эйк и этот его сын, Колдер, который руководил налетом. Оба мужчины слыли жестокими даже среди своих. Они и были жестокими. Ярл Снорри, за которого Вали сражался раньше, не допустил бы того, что творилось на поле боя сегодня. Да, он, наверняка, захватил бы кого-нибудь в плен. И, скорее всего, пленников было бы много. И он бы точно не позволил убивать женщин, детей и стариков и не оставил бы их тела валяться в грязи. Снорри захватил бы их как рабов, а потом продал бы на рынке. Но не позволил бы своим опьяненным кровью мужчинам творить с пленниками мерзости.

Но Снорри был союзником ярла Эйка в этом налете, а сын Эйка руководил всеми налетчиками. Вали не понимал такого союза, но считал, что поймет, когда они пристанут к берегу и продвинутся вглубь материка. И вот они уже разбили лагерь и разведывают местность вокруг, чтобы найти замок хозяина здешних земель, а он все еще не понимал. Это был не просто налет. Здесь было что-то другое.

Вали не знал, как это назвать, и не стал более думать об этом. Он следовал за своим ярлом. Свободные жители имели право высказывать мнение по решениям клана, включая налеты, но идти против ярла было опасно. Вали не видел достаточной причины для такого риска.

Была лишь одна причина радоваться тому, что они теперь воюют под началом ярла Эйка — Бренна, Око Бога, тоже воевала за него. Она изменила жизнь Вали, и он возблагодарил богов за то, что появился шанс сказать ей об этом.

Ее имя было известно по всей округе. Дева-защитница, родившаяся с глазом Великого отца, девушка, которая продала себя в рабство, а потом обрела свободу, предотвратив собственными руками покушение на жену и детей ярла.

Истории о ней обрастали подробностями. Говорили, что убила она не пятерых, а десяток мужчин, что будто бы порубила их на части их же собственными мечами, а то и вовсе зажарила их в очаге. Но все истории сходились в одном — Бренна владела силой богов. Говорили, что она испускала свет. Говорили, что она нависла как гигант над своими врагами и швырнула их оземь.

Он знал, что это истории правдивы. Вали помнил маленькую девочку, которая спасла его, став лицом к лицу с чудовищем, которое он называл отцом, и своим голосом и взглядом заставив того бежать прочь. Она и правда светила. Она и правда становилась выше, расправляясь с врагами. Но не из-за магии.

Это был ее внутренний огонь. Ее воля. Ее дух.

Бренна была невероятным созданием.

Вали наблюдал за ней с того самого дня, как под Гитландом их войска объединились. С тех пор, как они собрались в дома ярла Эйка, с тех пор, как уселись на свои длинноносые корабли, он не спускал с нее своего взгляда.

Наблюдать за ней было просто. Бренна всегда держалась особняком, с краю. Ярл Эйк произнес напутственное слово, поручив богам охранять его войско, и назвал Бренну по имени, и она опустила голову, услышав его слова.

Люди больше не пытались держаться от Бренны в стороне, но никто не отваживался говорить с ней, глядя прямо в глаза. К ней относились как к символу, слишком могущественному, чтобы его можно было коснуться. Она была словно невидимкой среди людей.

Редко говорила. Никогда не улыбалась.

«Нет», — вспомнил он, — «однажды улыбка коснулась ее губ. На море, в тот день, когда за штормовой ночью последовало яркое солнечное утро, и их корабли выстроились рядом, нос к носу». Вали увидел ее на носу, она сидела, обхватив руками голову дракона, и длинные распущенные волосы развевались на ветру. Ему тогда показалось, что она улыбается, отвернувшись от остальных и глядя вперед, навстречу приключениям.

Улыбалась Бренна или нет, но тогда он понял, что хочет не просто сказать ей «спасибо». Что хочет узнать ее.

Она была холодна к нему у ручья, но он не обиделся. Он обязан ей жизнью. Отец, может, и не убил бы Вали в тот день в лесу, он, может быть, просто отрезал бы сыну язык. Но это было маловероятно. Скорее всего, Вали ждала смерть.

Так что он должен был Деве-защитнице гораздо больше, чем просто жизнь. Вали был человеком чести, знаменитым воином, и ему не стоит бояться взгляда маленькой девочки, чей странный взгляд пронзил его дрожью от макушки до пят.

Его друг Эрик уселся рядом и протянул ему рог, полный медовухи. Кивнув, Вали сделал большой глоток. Эрик неожиданно ухмыльнулся и ткнул его локтем.

— Твоя колдунья возвращается.

Эрик кивком указал в сторону дальнего края лагеря. Вали повернулся и увидел Бренну, идущую к костру, где на вертеле жарился олень. Она взяла два куска хлеба из корзины с деревенским хлебом и, развернувшись, направилась обратно. Кожаная складка туники на ее бедре была наполнена водой. Наверное, Бренна набрала ее в ручье. Как всегда, люди расступались перед ней, словно это ее сила заставляла их расходиться в стороны.

Хлеб и вода. И это в то время, когда воздух наполнен запахом жарящегося мяса и есть сладкая медовуха.

— Будь осторожен, друг мой, — сказал Эрик ему на ухо, когда Вали повернул голову и проследил взглядом за Бренной.

Она отошла от остальных и уселась на краю лагеря у корней деревьев.

— Она красива, но красивых женщин много, и далеко не все они настолько опасны. Кто знает, что может сделать с тобой ее колдовство. Она не просто Дева-защитница. Она — Око.

Вали вздрогнул.

— Если не дар Одина, то правосудие Мимира (*прим.: Мимир (исл. Mímir) — в германо-скандинавской мифологии великан, охраняющий источник мудрости*). В любом случае, ты можешь лишиться себя самого. Я не стал бы так сильно рисковать.

Вали казалось, что ее глаза прекрасны, а вовсе не полны угрозы. Данные богами или нет, они были для него по-настоящему красивыми. А тот глаз, на который никто не обращал внимания — небесно-голубой — он тоже был прекрасен.

Она была прекрасна. Длинная благородная шея, высокие скулы, полные красные губы. Ее распущенные волосы были длинными и непокорными. С тех пор, как они покинули Гитланд, волосы Бренны были собраны в тугие косы, но иногда, на вольном ли ветру или в лихом бою она теряла свои завязки, и локоны светлым ореолом обрамляли ее лицо. И если на них падали лучи солнца, волосы светились.

Пусть Бренна и была маленькой, когда они встретились впервые, сила ее тела, обтянутого кожаной туникой и штанами, не укрылась от его взгляда. Она была сильной как меч. Она была невероятной.

Эрик приглядывал за другом с тех самых пор, как в зале ярла Эйка заметил взгляд Вали, обращенный в сторону Бренны. Эрик считал, что Вали не стоило так настойчиво ее разглядывать, ведь другие наоборот старались на нее не смотреть.

— Ну, значит, я более мужчина, чем ты, — сказал Вали с ухмылкой и поднялся, отобрав у друга рог.

Игнорируя увещевания, он наполнил оба рога медовухой и направился через весь лагерь к тому месту, где сидела Бренна.

При его приближении она подняла взгляд и уставилась на него своими колдовскими глазами. Паста, которой он обмазал ее рану, уже застыла и побелела, и пошла трещинами, когда она нахмурилась.

Бренна, как и большинство налетчиков, раскрашивала перед битвой лицо. Этим утром, когда группа высадилась на пляже, она подвела черной краской свои глаза. Линии, расходящиеся от ее знаменитого правого глаза, казались лучами черного солнца. Эффект был ужасающим и только подчеркивал, что глаз — что Бренна — была не просто человеком.

Но умывание в ручье смыло почти всю краску, оставив на ее лице лишь серые потеки, из-за которых она казалась усталой.

— Вода — совсем не то, что нужно после хорошей драки.

Он присел на корточки рядом с ней и протянул рог. Бренна не взяла.

— Тебе не нужно прислуживать мне.

Все еще держа рога в руках, Вали уселся рядом.

— А я и не прислуживаю. Я хочу присоединиться к тебе.

Она нахмурилась.

— Почему? Что тебе нужно?

— Только твоя компания. Разве тебе не нужны друзья, Бренна, Око Бога?

— Нет.

Вали не поверил ее решительному ответу. Возможно, в этом мире не было человека, которому дружба была бы нужна так же сильно, как девушке, сидящей рядом с ним. Это чувство ему было знакомо. Мужчина улыбнулся.

— Ну, а мне нужны. Выпей со мной.

Пристально глядя на него, Бренна, наконец, взяла рог, подозрительно приняхавшись к содержимому, прежде чем попробовать. Как будто бы она могла отравиться медовухой.

Помолчав, Бренна начала:

— Если тебе что-то нужно...

— Нет. Как я сказал, только твоя компания. Ну, может, немного общения.

Теперь в ее взгляде подозрение сменилось тревогой.

Но она не успела ничего сказать: до них донесся звук настоящей тревоги: звук рога, который означал, что приближается враг.

Она оба вскочили, и Вали, повинуясь инстинкту, встал перед Бренной, загородив ее собой.

Она громко фыркнула и встала рядом, меч и щит уже были в ее руках. Вали схватился за топор, когда рог проревел снова.

Их люди были людьми войны и битвы, и ленивое безделье в лагере за пару мгновений сменилось напряженной готовностью. Все воины и Девы-защитницы позабыли об отдыхе и приготовились к сражению. Бренна проследовала вперед, к центру лагеря. Вали направился за ней, подняв на ходу лежащее в траве копьё.

Врага пока не было видно, но уже слышался вдалеке топот копыт. Значит, конница. Ни одна стена из щитов не сможет выдержать натиск всадников.

Словно в ответ на топот копыт налетчики начали стучать топорами и мечами в щиты. Бренна не стала. Она заняла свое место позади Колдера, наклонила голову и устоялась вперед, держа щит и меч наготове. Вокруг нее, словно это она была средоточием силы и опасности, сразу же образовалось пустое пространство.

Вали, самый крупный воин в отряде, встал рядом с ней. У него не было щита, но вибрация от копья, которым он с силой ударял в землю, была такой громкой и тяжелой, что, казалось, воздух задрожал вокруг.

Меж деревьев, наконец, показались всадники. Впереди были лучники, и они начали стрелять сразу же, как оказались на открытой местности. В воздух взвились стрелы. Они дождем осыпали лагерь, но щиты уже были подняты над головой. Вали укрылся за одним из них и оглядел поле боя, намечая себе первую жертву.

Лучник в центре определенно был самым метким из всех. Он выпустил три стрелы и уже вкладывал в лук четвертую, когда Вали выскочил из-за щита и понесся вперед. Подпрыгнув, он метнул копьё изо всей силы. Оно пролетело сквозь линию лучников и поразило мужчину, скачущего позади них.

Мужчину, который и был его целью.

Мужчину, который носил кольчугу и алый плащ.

Мужчину, которого защищал самый меткий лучник в отряде.

Он полетел со своего вороного скакуна на землю, и лучники, оказавшиеся уже слишком близко, чтобы стрелять, уступили место мечникам, ринувшимся вперед.

— ВАЛИ! — услышал он крик Эрика.

Зная, что друг не отвлек бы его без причины в самый разгар боя, он обернулся и вытянул руку. Эрик швырнул ему второй топор, и Вали поймал его.

Теперь он был готов. Когда первая волна конных мечников нахлынула на них, Вали взревел и поднял оба своих топора.

Десятки всадников обрушились на лагерь. В сражении пеших против конных жизненно важным было выбить всадников из седла — не убивая лошадей без надобности, но иногда все же лишая их жизни, чтобы потом съесть.

Но всадников уже было слишком много, и сражение было жестоким. Так что Вали подскочил к первой лошади и рубанул топором по ее ноге. Когда лошадь свалилась, пронзительно крича, он поднял второй топор и отрубил мечнику руку, державшую меч. Как и те, с которыми они сражались ранее, этот солдат носил кольчугу, так что Вали ударил его по шее, когда тот повалился навзничь. Поток крови плеснул в лицо.

Оттерев кровь с глаз, Вали резко обернулся — позади него солдат как раз поднимал свой меч. Им уже овладела боевая ярость. Он блокировал удар одним топором и ударил вторым в бок.

Сражаясь тем эффективным способом, которому он научился и который отточил до совершенства, Вали поворачивался и взмахивал мечом, убив еще четверых. Из его горла рвался боевой клич, враги валились с первого удара.

Жажда крови, боевая ярость — так его товарищи описывали песню крови, звенящую в их жилах, боевой жар в их головах. Вали понимал это. Но для него все было немного иначе. Он становился кем-то другим, становился не совсем человеком. Каждый удар топора насыщал его силой, словно с каждым ударом жизненная сила врага перетекала в его собственное тело. Им овладевал чудовищный голод, обострявший чувства и зрение. Все, кроме боя, переставало существовать.

Но сегодня он вдруг обнаружил, что постоянно оглядывается на Бренну. Его глаза сами искали ее в бою, и он точно знал, где она находится каждый раз, как вспоминал о ней. Она сражалась с огнем и яростью, используя меч и щит с мастерством, которого он не видел ни у одной женщины.

Но он не мог позволить себе восхищения, не сейчас. Он нашел ее, увидел и понял, что ей не нужна помощь, и вернулся к своему собственному бою.

Вскоре Вали расчистил небольшое пустое пространство в сердце хаоса, убив всех тех, кто окружал его. Он огляделся вокруг в поисках боя, к которому мог бы примкнуть. Лошадь, которую он подрезал, кричала от боли. Прежде чем пойти вперед, в сторону Бренны, Вали остановился и облегчил ее страдания, перерезав горло.

Он как раз вытаскивал топор из горла лошади, когда на него навалился эстландский воин. Вали едва успел уклониться от удара, который должен был лишить его головы, но вместо этого только рассек спину. Не чувствуя боли в пылу схватки, он попытался поднять руку, чтобы самому нанести удар, но вдруг она его не послушалась. Топор выпал из его хватки и упал на землю, пропитанную кровью из горла лошади.

Он никогда не терял топора. За все эти годы сражений никому не удавалось его обезоружить.

Вали растерялся лишь на мгновение, а затем вспомнил об оружии в другой руке и попытался заблокировать им следующий удар. Но топор вылетел из этой руки.

Эстландец ухмыльнулся. Его зубы были выкрашены черным, наверняка для того, чтобы навести ужас. Но Вали был берсеркером. Его самым сильным оружием было бесстрашие, и даже встретив смерть лицом к лицу, он видел перед собой только воина с черными зубами.

А потом потусторонний крик разорвал воздух, и горящий огненным пламенем дух возник над эстландским воином и ударил его мечом. Голова эстландца покатилась с его плеч, потеряв на пути шлем. Тело рухнуло, сначала на колени и потом плашмя.

Вали тоже упал на колени, а потом и лицом вниз на все еще теплую от лошадиной крови землю. Он с трудом удержался от вдоха — уже не понимая, почему — но удержался.

Бренна, его пламенный дух, схватила его за руку и оттащила прочь. Не обращая внимания на бой вокруг, она опустилась на корточки рядом с ним и заглянула в лицо. Рукой Бренна оттерла кровь с глаз и лица Вали.

Движение не было нежным, а ее рука огрубела от работы и сражений. Но Вали не чувствовал ничего, кроме удовольствия от ее прикосновения.

— Кажется, мы заколдованы спасать друг друга, Бренна, Око Бога.

Он не знал, произнес ли эти слова вслух или просто подумал, и не знал, спасла ли она его или просто дала возможность умереть более быстрой смертью, но она небрежно ему кивнула и снова присоединилась к бою.

Вали лежал на спине с лицом, испачканным грязью и кровью и ждал, пока валькирии унесут его прочь.

Глава 3

Крови на земле было так много, что ботинки Бренны по щиколотку утопали в грязи при каждом шаге.

Уже после того, как налетчики отделили своих мертвых и раненых от врагов, темное сумеречное небо вдруг разверзлось, и ледяной дождь обрушился на землю, словно сами боги пожелали очистить ее.

Факелы погасли под потоками воды, и налетчики закончили свою работу в темноте, оставив мертвых солдат там, где они лежали, и оттащив тела своих товарищей ближе к лагерю. Они потеряли еще семерых: пять мужчин и двух женщин. Из Дев-защитниц остались в живых только Бренна и еще одна. Отряд потерял в общей сложности двенадцать человек, а шестеро были тяжело ранены. Бренна не могла припомнить налет, в котором потери были бы так велики.

Среди тяжелораненых был и берсеркер Вали, тот, кто, казалось, хотел подружиться с ней — по причинам, которые Бренна пока еще не поняла. На его спине была открытая рана, туника была разорвана надвое. След от удара был глубоким и длинным, от плеча почти до талии. Вытаскивая его из кровавой лужи, она заметила в ране белеющие ребра. После таких ран обычно не выживают.

Оставив мертвых под проливным дождем, Бренна побежала к палатке целителя. И вот уже она внутри. Блеск свечей казался почти ослепительно ярким после глубокой темноты ночной бури, бушующей снаружи.

Целитель и двое его помощников — одним из которых, как заметила Бренна, была плененная женщина — взглянули в ее сторону, когда она вошла. Целитель и его помощник кивнули Бренне, не встречаясь с ней глазами. Пленница же, наоборот, задержала взгляд. Ее брови нахмурились, когда она рассмотрела правый глаз Бренны. Потом и она отвернулась.

И все же во взгляде этой женщины было что-то не такое, как у всех. Несмотря на то, что она была пленницей и, наверняка, боялась за свою судьбу, в ее любопытстве не было страха. Это дало Бренне короткую передышку.

А потом она увидела Вали, лежащего на животе. Его рана была раскрыта. Целитель зашивал разрез костяной иглой, делая большие грубые стежки жесткими черными нитками. Бренна содрогнулась при мысли о боли, которую он испытывал.

Если бы целитель был чуть заботливее, у Вали был бы шанс выжить.

— Как он? — спросила она, удивив и себя, и целителя.

Он поднял голову, ошеломленный, его глаза едва не вылезли из орбит.

— В ране нет внутренностей, так что, если кровотечение остановится, он сможет выжить.

Целители попробовали на вкус кровь в ране на спине, чтобы определить тяжесть ранения. Если бы в крови был вкус потрохов, это означало бы повреждение жизненно важных органов, и в таком случае от целителей было бы мало толку. Но Вали повезло.

— Видишь, Бренна, Око Бога? — прошептал Вали слабым и хриплым голосом. — Мы предназначены судьбой спасти друг друга.

А она и не знала, что он в сознании. Было бы более милосердным, если бы он лишился его, ведь целитель снова и снова терзал его плоть, зашивая длинную рану. Наверняка боль была невыносимой. Бренне было такое знакомо: у нее был уродливый шрам на бедре и другой на плече, и обе раны когда-то были зашиты. Но ей целитель оба раза давал снотворное, так что боль она чувствовала только при пробуждении.

Вали смотрел на нее, отвернувшись от целителя, и на его все еще покрытом маской темной крови лице сверкала улыбка.

— Присядешь?

Бренна развернулась и приоткрыла полог палатки. Дождь шел слишком сильно, и снаружи было слишком темно, чтобы Колдер решил собрать выживших для разговора о том, что делать дальше. Но она не была уверена в том, что может остаться здесь, рядом с целителями.

Но Бренна не смогла отказать ему. Она уселась рядом с его плечом. Целитель перестал работать иглой и разинул рот. Когда он снова принялся зашивать рану, Вали зарычал.

— Очень больно? — спросила она, с трудом подавив желание положить руку на его плечо, чтобы утешить.

Глаза Вали встретились с ее глазами, его улыбка стала шире.

— Было больно. Но потом пришла ты.

И он закрыл глаза. Бренна тихо сидела рядом с целителем. Потом она заметила, что всякий раз, как игла пронзает кожу Вали, он сжимает кулак. Повинуясь импульсу, который даже сама она не поняла, Бренна наклонилась и вложила пальцы в его широкую сильную ладонь. Его рука сомкнулась на ее руке, и Вали затих.

Бренна почувствовала себя в полной растерянности.

— В один день на нас напала такая куча народу. Это означает, что дом хозяина совсем близко, — Колдер повернулся к Леифу, своему ближайшему советнику. — Пока никто не заговорил?

Тот покачал головой.

— Четверо умерли ночью. Двое на грани. Только трое еще могут говорить, но они стойко молчат.

Колдер качнул головой.

— А от лазутчиков нет вестей?

— Нет, — Леиф глубоко вздохнул. — Мы думаем, что они мертвы.

Одним из лазутчиков был сын Леифа, Эйнар, четырнадцатилетний парень. Это был его первый набег. Оба были очень юны, совсем мальчишки, но Галвар, другой лазутчик, уже трижды принимал участие в налетах.

Это утро было ясным и солнечным, и те из налетчиков, кто мог двигаться, сидели в центре лагеря и обсуждали следующий шаг. Бренна сидела с краю, но достаточно близко к Колдеру. Она знала свое место — как защитника и как талисмана. Однажды она спасла мачеху и маленьких братьев Колдера, и с тех пор он предпочитал держать ее поблизости.

Он был неразговорчив. Колдер, как и остальные, держался от нее на расстоянии и редко обращался непосредственно к ней, если только не отдавал приказы. Но он подзывал ее к себе, когда она была ему нужна, и он говорил с ней, глядя ей в глаза, если у него было какое-то дело.

Так и сейчас. Как обычно, она смотрела ему в спину и давала ему то, что ему нужно. Какой бы мистической силой она не обладала, эту силу дал ей ее собственный народ, который проецировал на нее свои ожидания и предрассудки.

Вот такой и была ее роль и судьба, которую она должна была принять: быть воплощением страхов и желаний других.

Получив поддержку от Бренны, Колдер повернулся к остальным.

— Мы должны разузнать, кем был этот мужчина в плаще. Он был большой шишкой. Мы могли бы многое у него узнать, если бы Вали был более терпелив.

— Именно из-за того, что Вали действовал быстро, воины и растерялись. Они были на лошадях. Их было больше, чем нас, и мы уже устали. Нас бы растоптали в два счета, если бы Вали не убил их лидера.

Бренна повернулась к говорившему — низкорослому мужчине с бычьей шеей, воину ярла Снорри. У него были коротко стриженные пламенно-рыжие волосы и густая борода. Бренна видела, как он говорил с Вали, но не знала его имени.

— Эрик правду говорит, — раздался другой голос, и Бренна получила ответ на незадаанный вопрос. — Копье Вали добыло для нас победу.

Колдер казался раздосадованным возражениями, но промолчал. Он повернулся к Леифу.

— Нам нужно это узнать, или мы упустим хорошую возможность. Мы не можем терять время, посылая еще лазутчиков. Наш час настал. Сколько воинов погибло?

— Двести и еще двадцать, — пришел ответ.

— Двести и еще двадцать, — повторил Колдер. — Нас в каждом набеге превосходили числом, и в каждом мы побеждали. Боги с нами, и мы должны принять этот их дар. Мы должны ударить сейчас, пока хозяин этих земель не призвал союзников и подкрепление. Заставь воинов заговорить.

Он развернулся и направился прочь, к своей палатке.

Бренна не понимала, зачем им нужно нападать. Они совершили удачный набег днем раньше, и они уже сегодня отразили две атаки. У них теперь было место, чтобы прийти в себя и перестроиться. Им нужно было собраться, похоронить мертвых и защищать лагерь, пока раненые не подлечатся, и тогда отплыть домой.

Более того, лето уже кончалось. Им нужно было попасть домой.

Леиф, однако, поднялся.

— Кнут, Олаф, идемте. Остальные — готовьтесь. У нас впереди еще бой.

Бренна проводила взглядом троих мужчин, направляющихся к пленным.

Ей не нравилось чувство непонимания происходящего, а сейчас она явно почти ничего не понимала.

~oOo~

Вали спал, когда Бренна заглянула после собрания в палатку целителя. Она оставалась вчера до поздней ночи, осталась с ним даже после того, как рана Вали была зашита. Сидела здесь, пока его рука не расслабилась и не отпустила ее руку.

Они не разговаривали.

Она чувствовала умиротворение, сидя рядом с ним, пока он спал, и просто держа его руку.

Один из раненых умер, пока шло обсуждение планов, и целитель как раз готовил его тело, чтобы унести прочь, когда Бренна подошла и опустилась рядом с Вали. Она положила руку на его лоб. Он был теплым. Слишком теплым.

Когда тело вынесли из палатки, она обратилась к целителю.

— Он горячий.

Не глядя на Бренну, целитель кивнул.

— Да. Заражение в ране. Я приготовлю припарку, но он в руках богов, — он замолчал и посмотрел ей прямо в глаза. — Если он тебе важен, ты можешь использовать свои силы.

У нее не было никаких сил. Но говорить об этом не имело смысла. Так что Бренна просто повернулась к Вали и уставилась на свою руку, машинально поглаживающую

щетинистую кожу его остриженной головы. Кончики ее пальцев легко пробежались по его длинным, слипшимся от крови волосам.

Он дернулся и застонал от ее прикосновения, его глаза широко раскрылись.

— Бренна? — выдохнул Вали, глядя на нее. — Ты настоящая?

Редко когда она слышала свое имя без прозвища, одновременно делающего ее большим и меньшим, чем на самом деле она была. Что-то сжалось внутри. Услышав только имя — «Бренна» — она на короткое мгновение ощутила себя той девочкой, которой когда-то была. Она ощутила себя настоящей.

— Да, я здесь.

Он улыбнулся и закрыл глаза. Бренна сидела подле него, наблюдая, как целитель готовит свою припарку, и слушая крики солдата, которого Леиф пытался заставить заговорить.

~oOo~

Бренна сидела с Вали, когда целитель наложил припарку, и держала его за руку, пока горячая, едко пахнувшая тряпка заставляла его напрягаться и стонать. Она не понимала, что чувствует к нему. Это было что-то физическое, что-то настолько глубокое, что заставляло ее ощущать его совсем близко. Его боль ранила и ее, и мысль о том, что он умирает, заставляла сердце Бренны сжиматься.

Она совсем не знала Вали, но его присутствие ее успокаивало. А еще мысль о том, что ее присутствие успокаивает его.

Возможно, это было из-за того, что уже многие годы никто не обращался с ней просто как с другим человеком. Никто не искал ее общества. Никто, с той самой ночи, как Бренна оставила родительский дом.

Когда целитель закончил, Вали снова уснул, его дыхание было хриплым и прерывистым. Бренне показалось, что лечение не помогло, но она точно не знала и не нашла в себе смелости спросить. Она почти ничего не знала о целительстве, да и не хотела знать, так что целиком и полностью доверилась человеку, который делал свое дело.

Звуки рога отвлекли ее внимание от спящего рядом мужчины. Два коротких гудка и длинный. Посланник.

Уже поднявшись, Бренна вдруг наклонилась, в последнюю секунду осознав, что сделала это, чтобы поцеловать щеку Вали. Резко отпрянув, ошеломленная своим собственным поведением, она бросилась к выходу. Пленная женщина стояла у открытого полога, и их взгляды встретились. Неожиданно женщина тепло ей улыбнулась. Бренна поспешила прочь, не улыбнувшись в ответ. Она не была уверена в том, что не забыла, как это — улыбаться.

Схватив свой меч, оставленный у входа в палатку целителя, она убрала его за спину и заняла свое место рядом с Колдером, глядя, как к ним приблизилось трое всадников. Один из них нес в руках флаг. Они остановились у края лагеря, где ошетинились копьями налетчики.

Колдер выступил вперед, Бренна и Леиф — за ним. Коверкая слова, посланник возвысил голос и заговорил:

— Мой хозяин принц Владимир ищет... ищет переговоры. Он спрашивает вас... м-м... красть... вы *принимаете* его приглашение. Мой хозяин ищет мира.

Колдер оглянулся через плечо, сначала на Леифа, потом на Бренну. Потом он ухмыльнулся остальным.

Повернувшись лицом к посланникам, он на эстландском наречии, с акцентом, который нетренированному уху Бренны казался текучим и безупречным, ответил.

Она не поняла слов, но реакция была яснее ясного. Колдер принял приглашение.

Один из всадников рядом с посланцем, седовласый мужчина в блестящей кольчуге и плаще, выехал вперед и спешился. Он держался прямо, но Бренна увидела в его глазах страх и поняла, что его предложили в качестве пленника — как знак доверия к вражеской стороне в этих переговорах.

Колдер взял мужчину под руку, сказал несколько слов на эстландском наречии и потом повернулся к Кнуту.

— Наш гость. Свяжи ему руки и не спускай с него глаз.

~oOo~

Они захватили много лошадей, и теперь могли добраться до замка на них. В лагере осталось достаточное количество людей, остальные последовали за посланником к замку принца Владимира. Ехать пришлось недолго, всего несколько часов.

Когда они въезжали в замок через открытые ворота, люди — крестьяне и солдаты — останавливались и провожали их взглядами. Не приветственными, но любопытными. И испуганными.

За годы, проведенные в качестве Девы-защитницы, Бренна никогда еще не углублялась так далеко в захваченные земли. Она разделяла любопытство этих людей. Но не их страх.

Спешившись, она поняла, что почему-то пока не заметила ни одного отвращающего колдовство знака. Люди смотрели на нее или отворачивались, но не потому, что увидели в ней что-то необычное. Они не замечали ее необычности, во всяком случае, пока.

Колдер разговаривал с низкого роста мужчиной с длинным кривым носом и черными как смоль волосами. На голове мужчины была украшенная драгоценностями корона, на плечах, несмотря на летний день — подбитый мехом длинный плащ, закрепленный на плечах брошами. Сопровождающие его мужчины носили сверкающие доспехи.

«Наверняка, это принц», — предположила Бренна.

Он развернулся и пошел прочь, взметнув полы плаща, и Колдер последовал за ним через высокие дубовые двери. Бренна и остальные поспешили за Колдером, а вооруженные солдаты — за ними.

Ей не нравилось ощущать позади себя вооруженных воинов. Она положила руку на рукоятку своего короткого меча и посмотрела на Колдера и Леифа. Они тоже казались готовыми к неприятностям. Они все были наготове.

Они очутились в зале, похожем по размеру на большие залы в домах их собственных ярлов и танов (*Прим. Тан — дворянский титул в Средние века в Шотландии*), но каменном и потому более мрачном и холодном. Здесь было холодно, слова и шаги отдавались эхом от каменных стен, хоть комната и была полна людей. Деревянные дома ярлов были теплее и приветливее.

Казалось, все лорды и леди этой земли собрались в зале для переговоров.

В центре комнаты стоял длинный стол, уставленный едой и напитками. Колдер остановился у ближнего конца стола в ожидании. Принц повернулся к нему и один за другим стал выдавать потоки бессмысленной — на взгляд Бренны — речи.

Не имея возможности понять слова, она использовала время для того, чтобы осмотреться. Дюжина солдат стояла у выхода. Еще дюжина расположилась у стен, рядом с женщинами и детьми. Женщина в украшенной драгоценностями короне сидела в дальнем конце зала с ребенком на руках. Шестеро слуг стояли рядом. Принц все говорил.

По другую руку от Бренны стояли еще двадцать человек. Предположения о том, что в этой стране женщины к оружию не допускаются, подтвердились. Она была немного обеспокоена тем, что вокруг было много детей, но постаралась отбросить незваную мысль.

Принц, наконец, завершил свою речь и раскинул руки в жесте, говорящем «добро пожаловать». Двое слуг приблизились к столу, неся в руках тяжелый золотой поднос с куполообразной крышкой на нем. Когда они потянулись к крышке, Бренна почти не удивилась звуку тяжелого «дзынь» позади себя — отгораживая их от выхода, упала решетка. Они попали в ловушку. Их заперли.

Но с ними были заперты и эстландцы.

В это же время с легким металлическим звуком с золотого подноса была снята крышка.

Головы их разведчиков покоились на подносе, украшенные зеленью и фруктами. Увидев голову своего сына, поданную на стол, как блюдо из дичи, Леиф зарычал.

Тут же лорды оттолкнули своих леди в тень позади себя и скинули с плеч плащи, обнажая сверкающие мечи.

Бренна мало запомнила из того, что произошло потом. Только взмахи мечей, только удары, только кровь, только схватка.

~oOo~

Когда в живых остались только женщины и дети — и сам принц — Бренна отступила. Но Леиф, поглощенный лихорадкой гнева — нет, и Колдер не стал его останавливать. Не остановил он и Кнута, и Олафа, которые помогли другу покончить со всеми женщинами, со всеми детьми. Каменные стены содрогнулись от криков.

Только потом, когда они ринулись к дальнему концу зала, разбрызгивая кровь, схвативший принца Колдер закричал:

— ХВАТИТ!

Женщина в короне прижимала к себе орущего ребенка. Колдер сказал что-то принцу на эстландском наречии, и тот, хныча, закивал.

Колдер повернулся к Леифу.

— Его жена и его наследник. Бренна, Око Бога! — позвал он, не оборачиваясь, и она подошла к нему. — Держи его на кончике своего меча. Убей его, если хоть пальцем пошевелит.

Она сделала, что велели, и Колдер отошел прочь. Он приблизился к женщине и взял ребенка у нее из рук. Мать закричала. Колдер ухватил ребенка за лодыжки и с размаху ударил о ближайшую стену. Крики оборвались. Тем временем Кнут заставил замолчать и женщину, вскрыв ей горло.

Принц не издал и звука.

Все случилось так быстро и так неожиданно, что Бренна не сразу осознала. Колдер бросил маленькое тельце на пол и снова ухватил принца за горло. Он потащил его за собой мимо подноса с головами юных Эйнара и Галвара, мимо убитых родственников, солдат и приближенных, а Бренна все стояла на месте и смотрела на тело убитого ребенка. Мать упала на пол с распростертыми руками, словно и в смерти пыталась защитить своего малыша.

Зрение Бренны затуманилось, она заморгала и отвернулась.

— Бренна, Око Бога, — заговорил позади нее Леиф. Его голос был грубым и одновременно тихим. — Нам пора двигаться.

Она кивнула и, развернувшись, последовала за ним к выходу. Колдер вывел принца наружу, все еще держа его за тонкую шею своей мощной рукой. Он говорил на эстландском наречии быстро и резко.

Бренна заняла свое место позади. Слов она не понимала, но знала другое — свое место. Свою роль. Свою судьбу.

Он замолчал и резко провел мечом по горлу принца. Застывшая толпа ахнула — и крестьяне, и солдаты. Кто-то закричал. Потом Колдер отшвырнул мертвое тело прочь и заговорил.

Когда он замолчал на этот раз, люди перед ним один за другим опустились на колени.

~oOo~

Колдер вывел людей из замка и опустил решетку на воротах. Шесть человек остались охранять замок. Остальные вернулись в лагерь. Еще двоих потерял отряд во время боя, и налетчики принесли эти тела с собой. По прибытии Колдер сразу направился к пленнику, которого, как теперь стало ясно, принц просто принес в жертву. Без лишних слов он ударил топором мужчине в грудь. Потом отвернулся и пошел к своей палатке. Один.

Бренна знала — надеялась, что это так — что все это скоро разъяснится, но она замерзла и устала, и ей было не до объяснений. Зрелище ребенка, лежащего на окровавленном полу в объятьях матери, не оставляло ее.

Она видела мертвых детей. Она убивала женщин. И ярл Эйк, и его сын обычно старались убить как можно больше. Никому не хотелось брать на себя заботу о стаде пленников. Предпочитая смерть рабству, Бренна иногда оправдывала убийство.

Это было не ново. Это было ожидаемо. Но такая смерть, такая холодная жестокость, заставила Бренну ощутить что-то другое. Ей стало дурно.

Она направилась прямо к палатке целителя, оставив меч и щит снаружи. Целителя не было. Только пленная женщина хлопотала подле раненых. Бренна не удивилась, увидев, что женщина не связана и оставлена без присмотра. Рабы могли сбежать из лагеря в любое время, но им некуда было идти, и при попытке бегства их убивали без разговоров.

Вали умыли, его лицо, борода и волосы были очищены от крови. Он выглядел лучше, и, когда она опустилась на колени и приложила руку к его щеке, кожа была прохладной. Впервые с момента той ужасной резни в каменном замке Бренна ощутила что-то вроде покоя.

— Он... сильный, твой мужчина. Как медведь. Он выживет, я думаю.

— Он не... — слова «мой мужчина» замерли на ее губах, когда она осознала, что с ней разговаривает пленница. Бренна поднялась и повернулась к ней. — Ты говоришь на нашем языке.

— Да, немного. Мой... брат? Он... — слов не хватило, и женщина изобразила пантомиму, которую Бренна истолковала как лодку на воде.

— Плавал?

Она улыбнулась.

— Да. Далеко. Он учить меня. Я... называлась Ольга.

— Бренна, — она ткнула себя пальцем в грудь.

Разговор с этой чужой женщиной заставил Бренну почувствовать себя более собранной. Менее чужой.

— Все они говорят тебе «Око Бога». Это оно? — женщина коснулась своей собственной щеки под правым глазом.

Бренна насторожилась и нахмурилась. Даже эстландцы боялись ее глаза. Она надеялась, что люди в этом месте не имеют бога, который отдал свой глаз в обмен на мудрость, и, может быть, не найдут его таким ужасающим.

Ольга поняла свою ошибку и опустила голову.

— Прости. Я не хотеть...

Не обратив внимания на ее слова, Бренна повернулась к Вали и снова уселась рядом с ним. Припарку сняли, рана была обнажена. Выглядела она лучше, опухоль уже не была такой сильной, края закрылись. Она положила руку на его плечо рядом с раной и легко погладила по сильной спине.

Поймав себя на том, что очерчивает пальцами контуры его мускулов, Бренна упустила момент, когда Вали очнулся.

— Кажется, я пропустил битву, — когда она подпрыгнула и отдернула руку, он застал. — Пожалуйста. Твое прикосновение... успокаивает.

После легкого колебания Бренна снова коснулась рукой его спины, и Вали вздохнул.

— Глядя на тебя, мне кажется, я пропустил целую войну. У нас все хорошо?

— Мы победили принца.

Она больше ничего не добавила. Не знала, все ли у них хорошо или нет. У нее точно нет.

Позади нее пленница ахнула, и Бренна вспомнила, что та понимает их речь. Еще одна причина не говорить о том, что случилось в замке.

— Как ты чувствуешь себя? — спросила она.

— Как будто кто-то попытался разрубить меня надвое, — он вытянул руку вдоль ее бедра. Хотя прикосновение было легким, оно пронзило ее до глубины души. — Но сейчас все хорошо.

— Вали...

Он оборвал ее вздохом и улыбкой.

— Ты назвала меня по имени.

— Да, — она не понимала, почему это его так обрадовало. — Вали, я тебя не понимаю.

Это она и собиралась сказать, когда он ее прервал, и после его слов реплика обрела более глубоким смысл.

— Ты поймешь, Дева-защитница. Со временем. А теперь ты останешься со мной?

Бренна кивнула, поглаживая его спину.

Через несколько мгновений слабость охватила и ее тело, и без лишних раздумий она вытянулась рядом с ним, лицом к лицу.

— Спи, прекрасная Бренна, — пробормотал он.

Она закрыла глаза, даже не заметив, что их руки переплелись.

Глава 4

— Она ранена? — Свен вздернул бровь, глядя на спящую Бренну.

Вали улыбнулся.

— Нет. Просто спит.

Теперь приподнятая бровь целителя была обращена к Вали.

— Ты счастливчик, раз повернул Око Бога на свою сторону. По-хорошему, тебе бы уже быть в Валгалле сегодня.

Вали и правда чувствовал себя лучше, когда Бренна была рядом, но думал, что тут дело больше в ней самой, нежели в ее даре. Он понимал себя — и свое тело. Сейчас, лежа на животе, Вали чувствовал не сколько неудобство от раны, сколько от кое-чего другого.

Свен опустился на колени с противоположной от Бренны стороны и начал накладывать едкую, только что побывавшую в кипящем отваре припарку на спину Вали, переключая его внимание на возникшую боль. Ему не хотелось стонать слишком громко или напрячься слишком сильно, ведь тогда Бренна проснется, и это сладкая близость закончится.

Она крепче обхватила его руку своими ладонями и уткнулась лбом в его плечо. Если бы только он мог повернуться на бок и притянуть ее к себе. В тот момент это была единственная вещь, которую он хотел больше, чем быстрой и кровавой смерти Свена.

— А она должна быть такая горячая? — едва слышно прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Свен хмыкнул.

— Теперь, когда ты жалуешься, я знаю, что ты выкарабкаешься. И да. Жар высушивает, как ты знаешь, — он закончил и поднялся на ноги. — Мне разбудить ее?

— Нет. Я хочу, чтобы она осталась здесь.

— Ты ступаешь на опасный путь, мой друг, — сказал Свен тихо. — Не потому что она — Око Бога, а потому, что она очень близка к Колдеру. Если этот союз будет расторгнут...

Он не закончил, но это и не было нужно. Вали понял. Если союз ярлов распадется, он и Бренна могут оказаться врагами. И это было не так уж и нереально. Снорри и Эйк были злейшими врагами еще совсем недавно, и Вали знал, что старые воины еще помнят эту пору. Да, Колдер на самом деле держал Бренну подле себя, как будто бы она ему нравилась — и может, так и было. Но это неважно.

Вали улыбнулся, глядя на светловолосую голову рядом с собой.

— Я знаю. Лечи мое тело, Свен. О сердце я позабочусь сам.

~oOo~

К тому времени, как небеса в приближении утра начали светлеть, Вали почувствовал себя достаточно здоровым и полным сил. Лежать на животе больше не было сил, ему нужно было двинуться, и он знал, что в его теле сил для этого хватит. Пусть будет больно — боль никогда его не останавливала.

Останавливала его Бренна, спящая рядом вот уже несколько часов. Хмурое выражение ее лица сменилось умиротворенностью и покоем. В этом мире вряд ли что-то смогло бы заставить его потревожить ее сон.

Он и так проспал большую часть дня. Тело справлялось с инфекцией и начинало восстанавливаться, так что вместо того, чтобы снова заснуть, пока спит Бренна, Вали просто лежал и смотрел на нее, и думал.

Пленница учила Свена своему языку — так она могла быть им полезной. Никто в палатке особенно не рассуждал о происходящем за ее пределами. Вали совсем немного знал о том, что пропустил — разве только, что «принц» был повержен. В нем все буквально зудело от желания узнать больше. Как же он ненавидел лежать вот так беспомощно, пока вокруг кипела битва.

Спящая рядом Бренна носила на себе следы прошедшего боя. Засохшая кровь покрывала лицо, склеивала волосы, скопилась в линиях ладоней. Она даже не помылась после боя — сразу же пришла к нему.

Ему это понравилось — мысль о том, что она направилась прямо сюда, провести его, остаться с ним рядом. Ее тоже к нему тянуло. Ему это очень нравилось.

В прошлом, после того, как Бренна прогнала его отца и побудила Вали самому искать свой жизненный путь, он часто думал о долге перед этой девочкой. А потом она стала известной Девой-защитницей, а он стал просить богов, чтобы они позволили ему отдать ей этот долг. Он просил об этом каждый раз, как молился. Но тогда он думал о ней только как о той, которой должен больше, чем когда-либо сможет отдать.

А потом он увидел ее. Поговорил с ней. Узнал.

И теперь он хотел не просто быть с ней рядом. Лежа рядом с ней, так близко и в то же время так далеко, Вали чувствовал, как его кровь закипает от желания быть с ней. Во всех смыслах. Всегда быть.

Когда Бренна проснулась, в палатке было тихо. Даже Свен не храпел. Утро было пасмурным, водянистый серый свет, проникающий в палатку сквозь щели, сказал Вали, что небо затянуто облаками. Лето подходило к концу. Плавание может стать по-настоящему ужасным, если они не отправятся в путь в ближайшее время.

Бренна пошевелилась и потянулась, выпуская глубокий сонный вздох. Ее голова поднялась, их взгляды встретились — и умиротворенность в ее взгляде сразу же сменилась потрясением и неверием.

Зная, что может случиться дальше, Вали приготовился, и, когда она подскочила, отталкивая его прочь и пытаясь усесться, он перекатился набок и схватил ее. Его рана тут же дала о себе знать, но он не обратил на это внимание.

Движение Вали сместило фокус Бренны.

— Будь осторожен! Ты тяжело ранен.

Тронутый тем, что она даже сейчас подумала о нем, он улыбнулся.

— Не убегай, Бренна. Это ранит меня еще тяжелее.

— Я не... я не собиралась... Прости.

— Не за что. Ты хорошо спала?

Она опустила взгляд на свою руку в его руке и кивнула.

— Как ты себя чувствуешь?

Вали отпустил ее и протянул руку, чтобы коснуться ее щеки. Швы на спине натянулись, причиняя неудобство.

— Намного лучше. Твое прикосновение исцеляет меня.

Не стоило так говорить, и он понял, почему, когда было уже слишком поздно, и слова сорвались с губ. Она отшатнулась от его прикосновения и вскочила на ноги, прежде чем он смог ее остановить. Посмотрела на него сверху вниз своими удивительными глазами, и во взгляде ее было разочарование.

— Бренна, погоди, я не имел в виду...

Но она повернулась и вышла прочь до того, как он договорил.

~oOo~

Вали попытался подняться и догнать Бренну, и даже смог сесть, но вскоре осознал, что в таком состоянии он вряд ли сможет далеко за ней пойти. Свен вовремя проснулся и вскочил на ноги, увидев, что Вали стоит на коленях.

— Чш-ш, дурень. Ты сведешь на нет все мои труды! Ложись! — у Вали не хватило сил сопротивляться, когда Свен заставил его снова улечься на подстилку. — Смотри-ка. У тебя снова кровь. Вот дурень.

— Ты уже говорил.

— Не лишним будет повторить.

Теперь, когда Вали снова лежал, Свен опустил на корточки рядом с ним. Он наклонил голову и снова занялся спиной Вали. Они были одни в палатке, но Свен проверил каждый закуток и заглянул в каждую щелочку — на случай, если там кто-то притаился — и только потом заговорил.

— Колдер собрал всех. После вчерашнего...

— А что случилось вчера? — сорвался Вали. Он уже устал выздоравливать. Он не был из тех, кто будет спокойно лежать, пока вокруг кипит битва, и женщины уходят прочь.

— Переговоры оказались засадой. Но мы выстояли. Наши люди убили принца и всю его семью, и его слуг, и их семьи, и его лучших воинов. Потом Колдер запер замок. Он хочет завладеть этой землей в память об отце.

— Что?

Они были налетчиками, но не поселенцами. У них не было ресурсов для того, чтобы остаться в замке принца на зиму, а лето уже кончалось, и привезти еще людей и припасов они просто не успевают.

Более того, эту высадку провел союз. Фактически лидером был Колдер, но он слишком самонадеян, если думает о захвате владений в честь своего отца с помощью воинов, которых послал ярл Снорри.

Вали снова заставил себя подняться. Если кто из воинов Снорри и имел вес, то это он.

— Мне нужно быть там. Помогите мне встать.

— Вали...

— Помоги мне встать, — повторил он, и Свен, вздохнув, помог ему подняться на ноги. Вали сжал зубы, справляясь с болью.

Свен покачал головой.

— Упрямый дурак.

~oOo~

В лагере такого размера спокойствие было редкостью, даже в те ночи, когда к воинам навевалась смерть, но когда Свен помог Вали выбраться из палатки, тишина вокруг показалась ему почти абсолютной. Все те, кто мог стоять, собрались возле костра в центре: люди сидели на земле, на корточках или поджав под себя ноги. Колдер стоял, возвышаясь над ними.

Свен подал Вали копье, чтобы тот мог на него опереться. Каждый шаг был агонией, но он держался прямо и все-таки сумел добраться к остальным. Свен неотступно следовал за ним как мамаша-наседка, контролирующая первые шаги своего чада.

Бренна, сидевшая рядом с Колдером, увидела его и поднялась на ноги, на лице ее явно отразились потрясение и беспокойство. Она сделала два быстрых шага к Вали, но потом опомнилась и остановилась. Выражение ее лица смягчилось. Все это Вали заметил и обрадовался тому, что она подумала о нем, даже несмотря на то, что такое поведение было против ее правил.

Он удержался от улыбки или еще какого-нибудь признака узнавания. Если Вали хотел быть рядом с этой женщиной, ему нужно было быть терпеливым и даже скрытным. Бренну пугали возникшее между ними притяжение — это было видно. А она ненавидела бояться.

Он это понимал. Но понимал так же, что притяжение есть, и он не отступится. Так что он может сейчас позволить ей побыть настороже, а сам сосредоточится на более важных вопросах.

Эрик поднялся и направился к нему, но Вали отмахнулся от его помощи.

— Вали, — позвал Колдер, заметив его. — Друг. Рад видеть тебя на ногах так скоро.

Выражение его лица отражало совсем другие чувства. Колдер тоже понимал, что Вали — правая рука Снорри в этом набеге, и не имел иллюзий насчет того, почему тяжелораненый Вали сейчас здесь.

— Колдер. Жаль, что вчера я не смог присоединиться к тебе в той битве. Слышал, мы одержали большую победу.

Боль превратила его тело в железный прут, и Вали пришлось собрать все силы, чтобы и голос остался ровным и сильным.

Не упустив слово «мы» в речи Вали, Колдер приподнял бровь.

— Да. И теперь мы обсуждаем, что дальше. Идем, поговорим.

Эрик уступил ему ящик, на котором сидел, и Вали с благодарностью занял его место. Если пришлось бы стоять, или, что еще хуже, сидеть, надолго его точно бы не хватило. Сидя на деревянном ящике, он демонстрировал, что достаточно силен.

— Так что дальше?

— Мы победили принца Владимира и уничтожили всех, кто ему служил. Его земли теперь наши. Как лидер отряда я именем своего отца объявляю эти земли своими. Мы остановимся здесь.

— Отряд не только твой, Колдер. Половина из здесь сидящих людей служит ярлу Снорри Торссону. Добыча должна быть поделена между всеми. Но среди нас нет тех, кто поселится здесь, да и припасов у нас нет.

— Нам не нужны припасы, Вали, — Колдер изобразил презрение к последнему слову. — Если бы ты сражался, то увидел бы. У нас теперь есть замок, полный богатств, и земли, и все, что можно только пожелать.

Эрик выступил вперед.

— Ты думаешь, у принца нет друзей, которые могли бы за него отомстить? У нас в этом набеге большие потери. Мы не выдержим натиск хорошо подготовленного войска.

Колдер повернулся к Эрику и нахмурился, но тут поднялся Леиф, его самый близкий друг и советник.

— Они говорят правду, друг. Это не просто щиты у двери повесить. Но лето приближается к концу, и зимы в Эстланде такие же суровые, как и наши. Зима удержит врагов у залива и даст нам время все обдумать и выработать план действий. Нам нужно вернуться к ярлу, — он посмотрел на остальных. — К ярлам.

Колдер долго глядел на своего друга. Наконец, он кивнул.

— Ну, хорошо. Но мы не можем оставить здесь все без присмотра. Кто вызовется добровольцем охранять замок во время зимы?

Вали тут же поднялся, сжав зубы, чтобы не закричать от боли — и увидел, что и Бренна встала на ноги. Несколько мужчин и оставшаяся Дева-защитница тоже присоединились к добровольцам. У Вали было три причины остаться: во-первых, ему нужно было удержать часть добычи для Снорри, во-вторых, путь домой быть бы для него мучительным и даже смертельным, и в-третьих, у многих дома остались семьи. Его же никто не ждал.

То, что Бренна тоже решила остаться, стало четвертой убедительной причиной. Самой убедительной.

Внимание Колдера было приковано к своей Деве-защитнице.

— Бренна, Око Бога? Нет. Ты нужна.

Он встретился с Бренной взглядом, но тут же опустил его чуть ниже глаз, и Вали это заметил. Каково же это — жить с тем, кто не может даже посмотреть тебе в глаза?

Она покачала головой.

— Мы — захватчики, а он был принцем. Тебе нужны сильные воины, чтобы удержать замок. И я в любом случае не возвращаюсь домой. Здесь я буду полезна. Здесь я смогу послужить твоему отцу.

Это была самая длинная речь Бренны из слышанных Вали.

Леиф, все еще стоявший рядом с Колдером, положил руку тому на плечо.

— Я тоже останусь. Здесь мой сын Эйнар, последний из моего рода, отправился в Валгаллу. Я тоже останусь.

Внимательно наблюдающий за Колдером Вали заметил, что после этих слов тот словно сдулся. Он был великим воином, сыном легендарного ярла. Он не ждал от жизни милостей, но не ждал и того, что сразу ближайший советник и ручная Дева-защитница откажутся следовать за ним. Он посмотрел на Леифа, потом оглядел остальных, пытаясь подобрать слова для подходящего ответа.

Вали тоже окинул группу взглядом. Стояли тридцать или около того воинов, и вызвались явно самые верные. Он все это время наблюдал за Колдером и Бренной и не обращал на добровольцев внимания, но не удивился бы, если бы узнал, что каждый вызвался по своим собственным причинам.

Эрик сидел, и Вали это не удивило. У Эрика дома была женщина и трое маленьких детей.

Но Орм стоял. Он был уже пожилым, но все еще сильным воином. Они с Вали не были близкими друзьями, но поддерживали друг друга.

В конце концов, Колдер заговорил.

— Очень хорошо. Леиф станет во главе замкового отряда. Мы сегодня туда вернемся и заберем все, что сможем унести, на корабли. Те из нас, кто отправится домой, привезут хорошие новости и много добычи. Мы вернемся к началу следующего лета, — он сжал руку Леифа. — Спасибо, друг мой. Брат мой.

Колдер двинулся прочь, и люди тоже начали расходиться. Свен подошел к Вали.

— Ну, ты добился своего, дурень. Теперь иди в кроватку.

— Мне нужно поехать в замок. Нельзя, чтобы ехали только люди Колдера.

— С ними будет Орм. И другие. Ты можешь умереть, и как тогда ты сможешь помочь? — и Свен потянул его к палатке, которую Вали уже начинал ненавидеть.

Но, по правде говоря, он не сожалел о том, что придется снова лечь. Голова просто раскалывалась от боли.

~oOo~

Он снова лежал на животе, когда в палатку зашла Бренна. Вали был единственным пациентом Свена, который выжил, но еще не совсем оправился от ранения. Свен увидел Бренну и взглянул на Вали с ухмылкой. Даже не попытавшись придумать повод, он вышел прочь.

Пленницу отправили работать куда-то еще.

— Почему ты остаешься? — спросила она, остановившись посреди палатки и глядя на него сверху вниз.

Вали повернулся на бок, подавив стон.

— Ты думаешь, я переживу путешествие по морю?

— Как ты переживешь поездку к замку?

— Корабли будут здесь еще день или два. У меня прибавится сил. И несколько часов поездки на спине лошади все-таки не стоит сравнивать с многодневным путешествием на корабле, — он встретился с ней взглядом и протянул руку. — Бренна, подойди.

Она не сдвинулась с места. Даже взгляда не отвела. Он старался удержать ее взгляд так долго, как это только было возможно. На нее нужно было смотреть. Она заслуживала, чтобы на нее смотрели.

— Бренна.

— Ты недостаточно силен, чтобы сражаться. Ты не сможешь нам здесь помочь.

Он бы поспорил. В глубине души вспыхнула обида, но он просто улыбнулся и позволил терпению совладать с гордостью. Но была и другая причина, побудившая его сказать следующие слова, нежели неверие Бренны в его силы:

— Я буду достаточно силен к началу первой же битвы. Почему ты злишься на меня?

Агрессия ушла с ее лица, и Бренна потупила взгляд — только на миг, но когда она снова посмотрела на него, он не отвел своих глаз. Удивление промелькнуло на ее лице.

— Я не понимаю тебя.

Она развернулась и вышла, и Вали снова улегся на живот, одновременно ощущая облегчение в спине и растерянность в душе.

~oOo~

Два дня потребовалось, чтобы перетащить из замка добычу. Умершие и оставшиеся в замке освободили место на корабле, и Колдер использовал его, чтобы загрузить больше добычи.

Вали стоял, опершись на копье как на костыль, и смотрел, как мимо него проплывает поистине невиданное богатство. Даже если бы они не захватили земли, этот набег все равно вошел бы в историю. Имя Колдера все равно зазвучало бы по всей Скандинавии.

Так и будет, и Вали задумался о том, какие последствия для союза будет иметь такое важное решение, принятое Колдером в одиночку.

Он повернулся и посмотрел на Бренну, помогающую складывать палатку. Вчера она вымыла голову и заново заплела косы. Она была такой чистой — наверное, раздевалась догола, чтобы помыться. Он вспомнил, как видел ее стоящей под водопадом в тот первый день. Чресла заныли при этой мысли. О, увидеть бы ее такой...

Полгода она будет с ним рядом. Даже больше, наверное, почти год. Неважно, что и как будет с союзом, но здесь, в Эстландии, они будут отрезаны от мира до тех пор, пока не кончится зима. И они могут создать свой собственный союз.

Он постарается, чтобы это случилось.

~oOo~

Они ехали к замку, и Бренна, скакавшая впереди, уже, наверное, в десятый раз замедлила ход своего большого золотистого коня и приблизилась к Вали.

— Нам нужно остановиться и передохнуть. Ты бледный.

— Нам нужно скакать вперед. Я в порядке.

Конечно, он был не в порядке, и даже не имел уверенности в том, что переживет эти поездки. Кровь текла по спине, боль была ослепляющей. Но правда была в том, что он просто не сможет взобраться на лошадь, если решит спешиться и отдохнуть. Он едва сумел взобраться в седло перед началом путешествия.

— Вали, не будь глупцом.

Он уже уставал от того, что его постоянно называют глупым.

— Если бы мне нужна была сестра милосердия, я бы смог о себе позаботиться лучше, чем ты, — отрезал он, тут же пожалев о своих словах.

Ее лицо стало непроницаемым. С напряженным кивком Бренна послала свою лошадь вперед, оставив его наедине со своим горьким сожалением и острой болью.

~oOo~

— Боги, женщина! Если ты пытаешься меня убить, будь готова отправиться на тот свет вместе со мной!

Пленница подпрыгнула от его рыка, хоть он и был совсем слабым.

— Прости. Пожалуйста, прости. Закончила сейчас.

Он крикнул и улегся снова. Он добрался до замка, до этой чудовищной груды камней. Он даже умудрился спешиться и на своих двоих дойти до пустынного холодного зала, где на полу еще была видна кровь.

Но после этого темная пустая бездна поглотила его разум, и очнулся Вали уже здесь, в холодной комнате, лежа на животе на мягкой кровати, а рядом была женщина, которая помогала Свену тыкать иголками его спину. Снова.

— Ты не сможешь убить ее. Ольга — единственная здесь, кто говорит на обоих языках.

Смеющийся голос позади принадлежал Леифу, и Вали отсалютовал ему — единственная дань уважения, которую он мог отдать в таком беспомощном состоянии. Снова беспомощном. Где Бренна?

— Леиф.

— Вали. Я пришел удостовериться, что ты в порядке. Ты нам нужен, друг мой, — он обошел кровать, чтобы оказаться к Вали лицом и опустился на корточки, так, чтобы смотреть ему в глаза. — Мы все здесь союзники. Союзники и равные среди своих. Главного нет, поправляйся. У нас много работы.

Вали кивнул, и, пожав ему руку, Леиф поднялся. Он уже шел к двери, когда Вали, не в силах совладать с собой, крикнул вслед:

— Бренна. Я бы хотел ее увидеть.

Краем глаза он заметил, как Леиф остановился и обернулся.

— Могу я дать тебе совет?

Вали не нуждался в чьих-либо советах, но было интересно, что скажет Леиф, так что Вали не возразил, молчанием побуждая его продолжать.

— Око Бога стоит на особом счету ярла Эйка. Он считает ее подарком богов. Она спасла его семью. Он приписывает свои успехи и могущество ее дару и часто говорит, что сам Один сидит рядом с ним в ее обличье. Он будет петь ей дифирамбы, когда придет время рассказать о набеге. Ты не просто завладеешь Оком Великого Отца, если сблизись с ней. Ты принес клятву верности ярлу Снорри, и Эйк сделает все на свете, чтобы удержать Око Бога подле себя.

Слова Леифа заставили Вали задуматься. А что, если Бренна — не просто воин и Дева-защитница ярла Эйка? Тлевший внутри уголек ревности вспыхнул пламенем, когда он представил старика лежащим рядом с Бренной, но он попытался подавить эти мысли. Ей, наверное, около двадцати лет. Бренне было около семи или восьми, когда она спасла его там, в лесу, и с тех пор прошло одиннадцать лет. Она служила Девой-защитницей уже несколько лет. Даже притом, что относились к ней в отряде с боязнью и почтением, мужчины есть мужчины. Бренна была красивая женщина, и у нее тоже были свои желания. Было бы глупо считать, что никто кроме него не воспылил желанием вкусить сладость ее тела — особенно, если говорить о ярле, который наплодил с десятков бастардов в придачу к своим законным двенадцати детям.

Конечно, ярл Эйк уже был с ней.

Ревность вспыхнула сильнее. Вали смотрел на Леифа, но слова не шли с его губ, да и тот уже сказал все, что нужно было знать. Оставалось лишь беспомощно наблюдать за вспыхивающими в голове картинками, на которых, довольно хрюкая, Эйк овладевал Бренной.

Наконец, без единого слова, Леиф развернулся и ушел.

~oOo~

Вали проснулся и увидел ее рядом с собой — она сидела на краю кровати и смотрела сквозь узкое окно в каменной стене.

— Бренна.

Его горло пересохло, и имя прозвучало как треск.

Безмолвно она понялась и отошла прочь, исчезнув из поля его зрения. Потом Вали услышал звук льющейся жидкости, и Бренна вернулась, держа в руках золотую чашу. Она поддержала рукой его голову и помогла напиться. Потом поставила чашу на стол возле кровати и уселась в кресло напротив.

— Ольга сказала ты «сильный как медведь», и убить себя у тебя не получилось, как ты ни старался.

Она попыталась изобразить акцент пленницы, и Вали понял, что Бренна шутит, хоть она и не улыбнулась. Он засмеялся больше от радости, чем от самой шутки. Потом

застонал — смех заставил тряхнуться те части тела, которые и так уже много тряслись в последнее время.

Уставший от беспомощности, уставший от ощущения собственной бесполезности, Вали решил идти напролом. Хватит терпения и скрытности.

— Бренна. Ты же чувствуешь это — притяжение, которое есть между нами.

Она попыталась встать, но он выбросил вперед руку и ухватил ее за колено. Боль не значила ничего в сравнении с возможностью прояснить чувства. Ему не удалось бы ее поймать, но удалось удержать ее.

— Не убегай больше от меня. Я хочу быть с тобой. Если ты ничего не чувствуешь, так и скажи.

Ее глаза широко раскрылись, и темнота хлынула из зрачков.

— Я не понимаю, — прошептала она.

Вряд ли это был отпор, особенно учитывая его решимость, накалившая воздух.

Он улыбнулся и отпустил ее колено.

— Значит, не понимаешь. Но я вот он, лежу перед тобой, открываюсь тебе. Позволь же мне помочь тебе понять.

Глава 5

Бренна ненавидела этот замок. Каменные стены и пол оставались холодными, неважно, как долго в них горел огонь, а комнаты с тяжелыми дверями отделяли одного человека от другого и от мира вокруг, как будто все они вдруг оказались в тюрьме.

Несмотря на то, что всю свою жизнь она жила без друзей и товарищей, Бренна не чувствовала себя одинокой, да и в конце концов, вокруг был целый мир. Но здесь, в этой каменной стылой клетке, Бренна ощущала большее одиночество, чем когда-либо. Потолки были высокие, комнаты — просторные, но она все равно чувствовала себя как в каменном мешке. Снова и снова Бренна просыпалась ночами в своей постели, ощущая, как стены нависли над ней, готовые упасть.

На родине, в деревянных домах и залах, всегда было полно людей и животных, там всегда было тепло и уютно. По сути, никто и никогда не оставался один.

Однажды ночью, задолго до рассвета, Бренна как обычно перестала бороться с кошмарами и отказалась от попытки заснуть. Ставив свою одежду для сна через голову — ее Бренна нашла вместе с другой одеждой тут же, в замке — она швырнула ее на подушки. Потом перетянула грудь и надела кожаные штаны и плотную шерстяную тунику. Зима еще не вступила в свои права, но ночи уже стали встречать утро ледяными морозными поцелуями.

Вдев ноги в ботинки, Бренна занялась волосами, сплетя волнистую светлую гриву в одну толстую косу, спускающуюся вниз по спине. Прежде чем выскользнуть из комнаты, она взяла пояс с ножнами и вытащила из петли крепление для меча. Кинжал — единственное оружие, которое Бренна оставила при себе. Большой защиты и не потребуется. После того боя, в котором погибли семья принца, его слуги и воины, эти

недели были тихими, да она и не собиралась покидать пределы замка. Бренна просто хотела посмотреть на небо, подышать воздухом.

Накинув на плечи шерстяную накидку, Бренна направилась к двери. Подняв тяжелый железный рычаг, высвобождающий засов, она открыла дверь. В коридоре девушка старалась двигаться тихо, но даже звук дыхания отдавался эхом в каменных стенах. В этом месте остаться незамеченным точно было невозможно — массивные двери открывались со скрипом, а каменные помещения отражали самый тихий звук.

Пройдя по коридору, Бренна спустилась вниз по каменным ступеням. Никто не встретился ей на пути. Огромное строение занимали когда-то всего лишь принц, его семья и слуги. Когда налетчики захватили замок, они прошли комнату за комнатой в поисках сокровищ и обнаружили, что многие богато обставленные помещения вообще не использовались.

Так много пространства, так много богатства, а люди, жившие за пределами замка, не имели за душой ничего — меньше, чем самый бедный крестьянин на родине Бренны. Даже меньше, чем некоторые рабы. Ольга объясняла это тем, что принц забирал весь урожай себе, а потом распределял между ними то, что они сами же и вырастили. Распределяли совсем понемногу. Зато каждый год селяне видели, как телеги, нагруженные мешками, катились к ближайшему городу — на продажу, чтобы богатство принца все росло и росло.

После того как нагруженные золотом, серебром и драгоценностями корабли отплыли домой, Леиф, Бренна и остальные подготовили для своих людей запасы на зиму, а потом открыли кладовые для нужд деревенских жителей. Это решение помогло настроить жителей дружелюбно, и теперь налетчики могли безопасно ездить по ближайшим селениям — их встречали приветствиями, махали руками и кланялись.

Но, конечно же, даже такой жест не поможет сохранить мир навечно. У принца Владимира наверняка были союзники, которые захотят поквитаться за его смерть и даже захватить его земли. Но пока их не было, и, ступая в ночной воздух и выдыхая облачка пара, Бренна думала о том, что пройдет еще много времени, пока враги появятся под стенами крепости.

Орм и Кнут стояли на страже. Они сидели у разведенного костра, расслабившись и болтая о том о сем. Оба поднялись, увидев вышедшую из замка Бренну, оба ответили на ее кивок, но не пригласили присоединиться. Так было даже лучше — она понятия не имела, о чем стала бы с ними говорить. Кроме родителей, единственным человеком, с которым она говорила о чем-то помимо планов, стратегии и тактики, был Вали.

Вали. Он уже две недели как встал на ноги и стал даже сильнее, чем раньше. Он был настоящим чудом среди людей. Через четыре дня после смертельного ранения, через три дня после того, как его настигла лихорадка, он вскочил в седло и проехал верхом несколько часов. Поездка почти убила его — и вот, спустя несколько дней, он снова на ногах. Уже неделю как Вали был снова в строю.

Бренна чувствовала себя увереннее, когда Вали лежал в постели, и когда она могла просто уйти. Сейчас она ощущала себя неловко, странно. Он сказал, что открыт для нее, но она все еще не понимала его. Он сказал, что хочет быть с ней, но зачем? Для чего? Она вот уже несколько дней изобретала для себя предлоги не находиться с Вали рядом.

Но когда она не была с ним рядом, ей было одиноко. Он ей очень нравился, более того, Бренна им восхищалась. Вали был силен и телом, и духом. Был честным. Добрым.

То тяжелое ранение в битве он получил, потому что пытался избавить свою лошадь от мук. И кажется, она ему на самом деле нравилась. Она. Бренна. Он смотрел ей в глаза и не отводил взгляда. Он не называл ее Оком Бога. Он говорил с *ней*.

Пытался, по крайней мере. Она никогда не находилась с ответом, отвечала что-то совершенно не к месту, да и сама не могла найти подходящей темы для разговора. Общительной ее назвать было нельзя. Если в теле и была мышца, отвечающая за способность вести беседу с другим человеком, она давно уже атрофировалась.

Для них обоих будет лучше, если она станет его и дальше избегать.

Подышав ночным воздухом и полюбовавшись на небо, она направилась в конюшню. Здесь Бренна чувствовала себя почти как дома. Запах соломы, дерева и животных был таким знакомым. Лошади ворочались во сне, и эти звуки вернули Бренне покой и снова навевали приятную сонливость, которой она лишилась в замке.

Но не все лошади спали. Она заметила золотистую голову и густую светлую гриву кобылы, которую выбрала для себя. Лошадь высунула голову за дверь, посмотрела на Бренну и мягко заржала. Наверное, был привычна к таким полночным визитам.

— Фрейя. И тебе не спится? — Бренна приблизилась и погладила мягкий нос. Фрейя отвернулась от ласки и ткнулась носом в плечо Бренны. — Прости, милая. Сегодня для тебя я не принесла лакомства.

Кобыла разочарованно фыркнула, словно поняла сказанное. Лошади в Эстландии были такие же, как дома — массивные, лохматые существа с широкой грудью, толстыми ногами и большими копытами. Это была самая красивая лошадка, которую она когда-либо видела, цвета такого золотистого, что, казалось, он излучает сияние, и с гривой такого чистого белого цвета, что можно было решить, что и на вкус как сливки. Бренна поддалась этой красоте, как и другие. Она увидела эту гриву и просто влюбилась.

Как-то нужно было справляться с мыслями о Вали, постоянно крутившимися в ее голове. Он не был красивым, нет, тут это слово не подходило. И даже привлекательным, наверное, не был. Нельзя было описать его грубоватые мужские качества таким словом. Но Вали был... неотразимым. Его большое тяжелое, мускулистое тело. Его прямой нос и кустистые брови. Как будто бы лицо Вали выточено из камня. Его густая темная борода. Серьезные синие глаза.

Ночью, когда она пыталась заснуть в своей пустой каменной клетке, ее мысли устремлялись к нему и лишали остатков покоя.

Фрейя подогнула ноги и опустилась на землю для сна, носом коснувшись руки Бренны. Бренна наклонилась и уткнулась лицом в гриву кобылы, чувствуя себя совсем сонной. Она открыла дверь и вошла в стойло, заставив Фрейю фыркнуть от недовольства, когда устроилась рядом. В стойле Бренна улеглась в самом дальнем углу, на соломе, укутавшись в волосы. Фрейя легла рядом и ткнулась в нее мордой. Бренна погладила ее нос, и они обе вскоре уснули.

~oOo~

На следующее утро Бренна, Леиф и Вали сидели в зале в компании тех из отряда, кто не был занят делом, и говорили. Не все хотели заниматься стратегией. Многие предпочли бы просто жить и работать, и отложить оружие до того времени, как нагрянет

враг. Все они, двадцать девять оставшихся в замке человек, сидели вокруг стола, где совсем недавно лежали на блюде головы юных сыновей Леифа.

Несмотря на то, что с того момента прошло уже несколько недель, лицо Леифа по-прежнему искажалось, стоило ему бросит взгляд на темную деревянную поверхность.

Ольга, формально — рабыня, но сейчас вставшая во главе замковой прислуги, сидела напротив Леифа. Рядом с ней сидел Ян, молодой фермер из деревни. Все взгляды были обращены к дальнему концу стола — сидящие там Торд, Сигвальд и Вигер докладывали остальным о результатах разведки. Несмотря на горькую участь Эйнара и Галвара, у налетчиков не было другого выхода, как снова послать людей на вылазку. Нужно было быть готовым к возможной опасности. О ней они должны были знать.

Они уже знали, что столица региона находится всего лишь в дне пути на лошадях с обозами. Они знали, что местный городской рынок привлекал покупателей и торговцев сразу из двух соседних владений. Более того, Ольга и другие деревенские жители — их речь она перевела — рассказали, что хозяев этих соседних владений зовут Иван и Тумас. Хотя, конечно же, никто из этих селян не знал, где именно находятся их замки и много ли там войск. Лазутчики должны были разузнать.

— Самое дальнее владение — день пути верхом на северо-запад, — рассказал Вигер. — Голубой флаг с белым летящим драконом.

Ольга заговорила на родном языке с Яном, который кивнул и повернулся к Леифу.

— Тумас, — он поднял кулаки и сделал вид, будто дерется. — Он...

Повернувшись к Ольге, Ян заговорил.

— Тумас большую войну здесь, — сказала Ольга Леифу. — Ян говорил, в городе мужчины... держаться подальше.

Она подняла и развела руки. Местные предпочитали не связываться с людьми Тумаса.

— Он воевали с Владимиром? — спросила Бренна.

Ян повернул к ней голову. В Эстландии женщины не занимались тем, чем занимались Астрид и Бренна. Даже спустя несколько недель деревенских все еще шокировали женщины в кольчугах и с оружием в руках, даже больше, чем их шокировал странный глаз Бренны.

Пока Ян на нее пялился, Ольга снова кивнула и заговорила. Ян тоже кивнул и ответил на вопрос Бренны, не отводя взгляда от Леифа.

— Да. Друзья здесь... нет.

— Не вдохновляет, — высказался Вали. — Он хочет это владение себе и наверняка сейчас готовится к нападению.

Сигвальд ответил ему.

— В замке тихо. Там не слышно бряцания оружия — и снаружи уже идет снег. Если они и планируют нападение, то точно только летом.

Леиф погладил бороду.

— А другой? Иван?

— Далеко на юге, — отозвался Сигвальд. — Владение маленькое и бедное. Мы можем напасть и захватить и его тоже. Опасность нам грозит только от Тумаса.

— Пожалуйста, — прервала его Ольга, и все посмотрели на нее.

Может, она и была для них только рабыней, но теперь от Ольги еще и в какой-то мере зависело настроение деревни. Она учила Леифа языку Эстландии, а пока служила настоящим проводником между местными и чужаками. Понимая, как много они ей доверили, уважая ее решение остаться и помогать, Леиф принял решение освободить ее уже через неделю после того, как они прибыли в замок.

Она была единственной выжившей из пленниц лагеря. Колдер распорядился убить остальных перед отъездом. Убили бы и Ольгу, но за нее вступился Леиф.

Все смотрели на нее, а она — на Леифа.

— Вы будете воевать на юге?

Леиф оглядел остальных, покачал головой.

— Нет. Уверен, Сигвальд имел в виду только, что принц Иван для нас — не угроза, а вовсе не нападение. Мы уважаем зиму. Одна из наших задач — укрепить этот замок.

Улыбка Ольги была полна такого облегчения, что Бренне даже стало любопытно.

— Наши планы остаются прежними, — сказал Вали. — Использовать зимнее время, чтобы подготовиться к войне. Мы остаемся настороже, но пока можем позволить себе насладиться миром.

С этими словами он посмотрел на Бренну и улыбнулся.

Он всегда смотрел ей прямо в глаза. Этот взгляд лишал ее покоя, обдавал жаром. Она не была наивной и знала, что означает этот жар и почему, оставшись одна, она мыслями снова и снова возвращается к нему. Но она не понимала, почему так заиклена на нем. Не понимала, что будет, если она позволит себе окунуться в эти чувства и дать ему то, что он хочет. Почему он этого хотел, она тоже не знала. Почему он хотел ее. Бренна не знала, каково это — когда ее хотят. А когда она чего-то не понимала, она злилась.

Она поднялась и вышла из-за стола. Если они могут насладиться миром, как он сказал, она тоже должна им насладиться. Ей стоит уехать — прочь из холодного каменного замка, прочь от Вали и мыслей, которые она не понимала.

~oOo~

Впервые она уезжала из замка одна. Пока не решилась ситуация с возможным нападением, люди Леифа решили перемещаться парами. Теперь же у них было необходимое знание. Они были в безопасности. Так что Бренна, наконец, могла позволить себе побыть одной.

С тех пор, как ярл Эйк даровал ей свободу, и она стала его Девой-защитницей, Бренна старалась уезжать из Гетланда на зиму. Люди сбивались поближе друг к другу в эти полные смерти месяцы, и от этого она еще сильнее чувствовала себе изгоем. Так что

Бренна проводила зимы в маленькой хижине в лесах, не очень далеко от дома ярла, но достаточно далеко от людской толпы, в которой любой, увидев ее, отворачивался и спешил прочь.

Она никогда не возвращалась в родные края. Гетланд был далеко от Холсгрофа, но она могла бы, если бы захотела, отправиться туда. Вот только она не хотела.

Бренна скучала по дому. Всегда. В ее жизни так и не нашлось места для еще одного дома. До нее дошли известия о том, что отец умер — через год после ее побега. Осталась только мать. Мать, которая хотела сделать ее еще большей отшельницей, чем она стала. Мать, которая так сильно боялась потерять свое дитя, что заставила его сбежать из дома. Стыд и гнев бурлили в Бренне, и домой она не возвращалась.

Сейчас, уезжая прочь от замка, в одиночестве, сосредоточившись только на своих чувствах и пространстве вокруг, Бренна ощутила, как тоска по дому накатывает на нее все сильнее. Этот мир, это бедная деревенька были так похожи на те места, где прошло ее детство. Образы, запахи и звуки были такими знакомыми и любимыми.

Она остановила Фрейю на подъеме и оглядела поля и луга вокруг деревни. Вдохнула запах древесного дыма и аромат готовящегося на огне мяса. Люди впервые имели в домах хорошую еду — и все потому, что налетчики открыли для них склады.

В замке остались припасы — даже больше, чем требовалось отряду Бренны для собственных нужд. Крестьяне ни разу не взяли больше, чем им было нужно. Вели себя скромно, почти застенчиво. Несколько человек потом вернулись, попросив еще. Никому не отказали. Таким образом, они наладили хоть какие-то отношения с местными — и это притом, что те знали, как жестоко расправились налетчики с их собратьями ранее.

Бренна проехала через деревню, кивая занятым своими делами жителям. Ей хотелось обрести душевный покой, но вместо этого в сердце вернулась боль, от которой она — как ей казалось — вроде бы излечилась.

Здесь, вверх по течению от места их лагеря, река была шире и глубже, чище и полноводнее. Она спрыгнула с Фрейи и оставила ту пощипать остатки пожухлой травы, а сама уселась под деревом. Листья дерева уже стали совсем красными и готовы были упасть на землю от малейшего дуновения ветерка.

Одиночество Бренна понимала. Родители ее любили, и дома она была счастлива, но она с детства ощущала свою непохожесть на других. Став взрослой, Бренна поняла, почему люди держатся от нее в стороне, и от этого стало еще больнее. В конце концов, она решила просто смириться, убедить себя в том, что кроме ее собственной компании другая ей будет не нужна. Теперь Бренна знала, как использовать человеческие страх и трепет в своих интересах. Этот отличие от других служило ей щитом.

Здесь, в Эстланде, все неожиданно изменилось, и она не понимала, почему. Теперь она чувствовала себя одинокой. Конечно, отчасти причиной тому был Вали. Он разжег в ней тот огонь, который она погасила в себе уже давным-давно. Но дело было не только в этом. Это место. Эти люди. Все было так похоже на дом, и одновременно так не похоже.

Эстландцы заметили ее странный глаз, но их это не пугало. В их религии ее глазу не придавалось никакого мистического значения. Они не смотрели ей в глаза, но делали это из уважения, а не от страха. Они и в глаза Леифу не смотрели, и Вали. Если только не обращались к ним напрямую.

Странно, то, что эти люди ее не боялись, заставило Бренну чувствовать себя еще более одинокой. Ее собственный народ вел себя с ней как с существом нечеловеческой природы, которого следовало бояться или почитать, но к которому не стоило пытаться приблизиться. Здесь же, на чужой земле, она была просто женщиной. Сильной — но просто женщиной, человеком.

Она ошибалась. Не тоску по дому она ощущала. У нее просто не было дома.

Глава 6

Бренны не было уже достаточно долго, и солнце уже стало клониться к западу. Вали не мог больше сдерживаться. Ему не нравились эти ее поездки в одиночку, пусть даже замок был на данный момент свободен от угрозы, и пусть даже Бренна была Девой-защитницей и Оком Бога.

Она была *женщиной*, и здесь, в этом месте, она была только ей. Эти люди не чувствуют благоговения перед ней, и от неприятностей облик ее не сохранит. Они не знали легенд. И если Бренна поехала за пределы деревни, это означало, что она — просто женщина без сопровождения.

Он оседлал своего коня и поскакал за ней. Не представляя себе, куда она могла бы направиться, он поехал туда, куда вела его интуиция. Он заметил в Бренне особенную тягу к воде, даже большую, чем у большинства знакомых ему моряков. Эта тяга была сильной. Поэтому он отправился к реке, что текла за селом.

Пока Вали лежал в постели, Бренна проводила с ним каждый день, но как только он встал на ноги, она сделала все возможное, чтобы каждый день оказываться подальше от него. Они уже давно не оставались наедине.

Он был раздосадован сверх всякой меры. Пока она сидела рядом у его постели, они могли хоть немного поговорить. Узнавая Бренну, Вали не терял к ней влечения. Совсем наоборот. На самом деле, было неправильно называть то, что он чувствовал к ней, влечением. Чувство его было гораздо глубже.

Она рассказывала о своей жизни в Гетланде, и с каждым словом все меньше походила на Око Бога из легенд, и все больше — на женщину, на Бренну. Он знал, что во время битвы Бренна чувствовала то же, что и он — как будто высвобождала из себя что-то большее, чем человек. Он видел, как она боролась. И он узнал о том, что *на самом деле* произошло в ту ночь, когда налетчики захватили город, и она, рабыня, которой поручили заботу о детях ярла, спасла их и их мать.

Вали казалось, что это ее версия, а не истина, ведь легенд вокруг нее было так много, что и сама она могла уже принимать некоторые из них за правду. Истина была скрыта где-то между. Бренна была смелым и храбрым воином, а еще умным и вдумчивым стратегом и сострадательным человеком. Но как женщина, она была застенчивой и скромной.

Она не говорила о своей семье или о том, как стала рабыней. Говорили, что она сама отдала себя в рабство, и Бренна не отрицала. Но в ответ на многие вопросы у нее было только гробовое молчание.

Он знал, что потому она и сторонилась его присутствия. По мнению Бренны, она рассказала ему все о своей жизни в доме ярла Эйка. Ей было слишком трудно вспоминать о ребенке, которого он когда-то встретил, и теперь она снова убегала от него.

Но теперь он мог попытаться ее догнать.

~oOo~

Его догадка была правильной; он увидел ее стоящей под деревом на берегу реки и глядящей ему навстречу. Бренна взяла лошадь под уздцы и положила руку на рукоять меча, но узнав его, отпустила и то, и другое, и скрестила руки на груди.

Угасающий день становился холоднее — дул ветерок с севера, и выбившиеся из косы светлые волосы Бренны колыхались на ветру. Ее щеки были румяными от холода. Он заметил, что она не захватила с собой одежду. Видимо, уехала прямо после собрания в зале.

Она молча наблюдала, как он подъезжает к ней и спешивается. Как его ноги коснулись земли, еще слабые мышцы спины резко напряглись, и Вали сжал челюсти, стараясь не реагировать. Она, должно быть, заметила это и вздернула брови.

— Если бы в замке были проблемы, за мной послали бы кого-то другого. Итак, почему ты здесь?

Он ослабил поводья и отпустил лошадь пастись рядом с ее кобылой. Животные обнюхали друг друга и ушли вместе, совсем недалеко.

— Чтобы убедиться, что ты в безопасности. Ты не должна ездить в одиночку, даже сейчас.

Бренна хмыкнула. Она умела выдыхать так, что это звучало, как страшное оскорбление.

— Ты думаешь, мне мог бы причинить вред какой-нибудь крестьянин?

— Я думаю, что даже великое Око Бога не всякий раз способно справиться с армией, да и фермеры часто умеют воевать. Многие из наших воинов — крестьяне.

Вали намеренно использовал имя, которое она ненавидела; он был раздражен и устал от погони за ней. Ее лицо потемнело, и она снова повернулась к реке, не отвечая ему.

Сократив расстояние между ними, он встал перед ней.

— Я верил, что мы становимся ближе, но ты снова меня избегаешь. Я ошибся в твоих чувствах?

Он знал, что нет. Он натыкался на ее взгляд достаточно часто, даже когда она садилась далеко от него. Вали знал, что Бренну к нему тянуло. Но он хотел, чтобы она сама это сказала.

Она вздохнула.

— Я не понимаю...

Он нетерпеливо ее перебил.

— Да, я знаю. Ты повторяешь это снова и снова. Я хотел помочь тебе понять меня. Но ты, кажется, не хочешь обо мне ничего знать. Но я знаю, я вижу, что между нами что-то есть. Я это чувствую, и я вижу, что и ты чувствуешь это. Скажи мне, что я неправ,

скажи мне, чтобы я оставил тебя в покое, и я оставлю. Если нет, Бренна, тогда скажи мне, чего ты хочешь от меня.

Она прошла к берегу несколько шагов, остановившись у самой кромки воды. Присев на корточки, опустила в воду руки и вытащила пригоршню блестящих округлых камушков. Затем швырнула их все разом, так что они ударились о воду, словно дождь, образовав маленькие водовороты.

— Мои родители были фермерами. Мы жили в крошечном поселке рядом с Холсгрофом.

Он полагал, что так и есть; они впервые встретились в лесу за Холсгрофом. Но она говорила о своем детстве, и он молчал и не перебивал ее.

— Мой отец сказал мне однажды, что я родилась с открытыми глазами, лицом к миру, и повитуха чуть не уронила меня, когда увидела мое лицо. Она не смогла остаться, чтобы помочь маме, и мой отец позаботился о нас обоих. Прежде чем опустилась ночь первого дня моей жизни, все наши соседи знали, что я родилась с глазом Великого Отца. У моих родителей было до меня четыре сына. Первые три погибли в бою, а четвертый умер от лихорадки. Я родилась поздно. Некоторые люди говорят, что — я дар богов, но кто-то считает меня наказанием.

Она встала и повернулась, ее глаза прожигали его.

— Ты знаешь, что я такое, Вали? Я человек. Я была маленькой девочкой, а теперь я женщина, и это все, что я есть.

Он сделал шаг к ней.

— Я знаю это.

— Почему? Почему ты знаешь, а другие нет? Даже мои родители в это верили. Моя мама хотела, чтобы меня учила вельва (*Прим. Вельва, Вёльва, Вала или Спакуна (др.-сканд. Völva, Vala, Spákona) — в скандинавской мифологии провидица*), чтобы она «научила» меня пользоваться своими «дарами» и заодно искусству целителя. Она договорилась с ней. Она думала, что я принадлежу лесу, деревьям, что я пророчица. Именно поэтому я ушла из дома в середине ночи. Мне было тринадцать. Эйк взял меня в свой дом в качестве раба, потому что он считает, что меня ему подарили боги. Но это неправда. Я вижу своим глазом только этот мир. Тот же мир, который видишь ты. А никто не видит меня такой, какая я есть.

— Я вижу. Бренна, я вижу. Я вижу тебя.

Он сделал еще два шага. Она не отпрянула, и он подошел совсем близко, на расстояние протянутой руки.

— Почему? Вот чего я не понимаю. Что я *не могу* понять. Почему ты видишь меня, а другие нет?

Вали протянул руку и поймал ее руки за запястья.

— Потому что я люблю тебя.

Звук, который она издала, был полон боли и неверия, она дернула руками в его хватке, но он ее не отпустил.

— Бренна, погоди. Девушка, которая спасла меня в лесу много лет назад, была очень храброй. Твое сердце, а не глаза заставило тебя встать и закричать.

— Он сбежал от моих глаз. Так же, как и ты, — она снова дернулась, и на этот раз он потянул ее к себе.

— Я был молод и ничего не понимал. Он был настоящим идиотом. Но это не важно. Важно то, зачем ты встала. Я не верю, что это Один вытащил тебя из укрытия и поставил перед моим отцом. Ты сделала это. Маленькая девочка с большим сердцем.

Она смотрела на него большими и блестящими глазами. Ее волосы танцевали на ветру, целовали ее лицо и улетали, чтобы вернуться снова. Вали отпустил ее руку и приподнял свободной рукой подбородок. Их глаза встретились.

— Бренна. Скажи мне, чего ты хочешь от меня. Если это в моих силах, я это сделаю.

— Я не знаю, — прошептала она. — И не понимаю, как мне узнать.

— Ты хочешь, чтобы я оставил тебя в покое? — он думал, что знает ответ. Он надеялся, что знает. Но она молчала. — Бренна?

Она моргнула и покачала головой.

— Я не...

— Тогда я помогу тебе понять.

Вали наклонил голову и поцеловал ее.

Губы у нее были полные, мягкие и податливые, сначала он позволил себе целовать ее, просто прикасаясь губами к губам. Бренна не ответила, но он чувствовал, как быстрее забился под рукой ее пульс.

Он скользнул губами по ее губам, и его тело отреагировало на ее мягкость и сладость, на осознание того, что и *она* его хотела, хоть и оставалась спокойной. Скользнув другой рукой по ее бедрам и обхватив Бренну за талию, Вали притянул ее вплотную к себе. Она поддалась медленно, почти нехотя, и Вали начал сомневаться, а стоит ли продолжать. Может быть, ей совсем и не нравится.

Но ее дыхание сорвалось и стало быстрее, и Бренна издала легкий стон, который прозвучал для него настоящей музыкой.

Он открыл рот и коснулся ее губ кончиком языка, надеясь на ответ.

Она ахнула и выскочила из его объятий, прижимая руки ко рту. Вали, замерев, подумал, что понял, наконец, где проблема. Он поймал ее руку и потянул к себе снова, отмечая, как вздымается ее грудь, как расширились и блестят глаза.

Заменив руку ртом, он поцеловал бархатистую кожу кончиков пальцев.

— Бренна. Ты девственница?

Вместо ответа она опустила глаза и попыталась высвободиться. Он не отпустил ее.

Вали думал, что она спала с ярлом Эйком. Он пытал себя, представляя, как она совокупляется с этим стариком. И, чтобы сделать мучение невыносимым, убеждал себя,

что ей это нравится. Но неужели она была еще невинной? Невинная во всем, даже в прикосновениях — и даже в поцелуях, ведь реакция ее была красноречива?

О, тогда она будет действительно только его, и он никогда ее не отпустит.

— Бренна, скажи мне. Ты никогда?

Глаз она не подняла, но покачала головой.

— Нет. Кто захочет меня?

Он. Навсегда. Он хотел ее прямо сейчас.

Но они жили в суровом скалистом крае и стояли на холодной каменистой земле, и рядом были лошади. Вали обхватил ее лицо обеими руками и поцеловал Бренну в лоб, в небольшой розовый шрам от раны, которую он вылечил, когда впервые с ней заговорил.

— Мы должны вернуться в замок.

Возможно, он был опьянен открытием — ведь она будет его и только его, — но он не предвидел такой реакции на это простое заявление. Он хотел вернуть ее в замок, к теплему огню и мягкой кровати, покрытой мехами. Он хотел уважать, любить ее. Но Бренна ахнула, как будто он ударил ее, и стукнула его по руке, чтобы освободиться. Затем повернулась на каблуках и пошла к своей лошади с таким яростным намерением, что кобыла шарахнулась от неожиданности и не сразу позволила на себя сесть.

Она думала, что он отвергает ее.

— Бренна, нет! погоди! — он догнал ее сразу, как она вскочила в седло, и стянул ее обратно на землю. — Я бы взял тебя. Я мечтаю об этом. Но я не возьму твою девственность на холодных камнях.

Он провел пальцем по ее щеке.

— Если ты хочешь меня, позволь мне прийти к тебе. Не броди в темноте вечером. Оставайся в своей комнате и позволь мне прийти.

Он снова поцеловал ее. На этот раз она была менее жесткой, но снова не ответила ему. Касаясь ее губ, он прошептал:

— Открой рот, Бренна. Позвольте мне показать тебе.

Она послушалась, и Вали надавил губами на ее губы и скользнул своим языком в ее рот. Когда его язык нашел ее, она подскочила и снова отстранилась. Но в этот раз на ее лице было удивление, а не шок или подозрения. Он улыбнулся.

А потом произошло кое-что удивительное. Она улыбнулась. И это было великолепно. Вали стоял как околдованный. Околдованный храброй одинокой девушкой с изумительной редкой улыбкой.

— Можно мне прийти к тебе?

Бренна кивнула и схватила его за тунику. Потянув Вали на себя, она встала на цыпочки и подставила ему свои губы.

Вряд ли он мог отказаться от такого дара.

Вали еще не привык к жизни в замке. Было холодно и темно, помещение больше походило на пещеру, чем на дом, даже комнаты, полные роскошной мебели и тканей. Длинные коридоры с рядами тяжелых дверей смущали его. Не раз и не два он открывал дверь, ожидая увидеть собственную кровать, и вместо этого видел кое-что другое, что смущало и его, и истинного хозяина комнаты. Один или два раза, перебрав медовухи, он почти убедил себя, что комнаты за дверями сместились.

Но он хорошо знал, где живет Бренна. Она заняла одну из небольших комнат, в конце коридора на восточной стороне здания — так далеко от его комнаты, как только возможно. Не в первый раз Вали шел по этому коридору ночью, и мерцающий свет факелов рассеивал гнетущую тьму. Он здесь плохо спал, и знал, что и ей плохо спится. Он видел, как она бродит. Однажды, и ему было стыдно признаться даже самому себе, он последовал за ней почти в ее комнату. Она чуть было не заметила его. Еще дважды после этого он приходил с четким намерением постучать в дверь, но не смог. Он хотел, чтобы она сама пришла к нему.

Он сомневался, что так когда-нибудь случится. Особенно теперь, зная, что у нее нет опыта, Вали понимал, что вряд ли подобное могло бы когда-нибудь произойти.

И вот теперь, стоя перед тяжелой дубовой дверью, он постучал.

Через пару секунд, собравшись уже постучать снова, он услышал скрип тяжелого засова, и дверь со скрипом отворилась. Комната была теплой, хорошо натопленной, золотистой. И тут он увидел видение в белом. Бренна освободила волосы от косы, и на ней было только свободное белое платье с ниспадающими рукавами.

— Боги, — он едва дышал. — Бренна.

Глядя на него настороженным взглядом больших глаз, Бренна сделала шаг назад и пустила его в комнату. Он закрыл дверь, затем подошел к ней и взял ее за руки, которые она сложила в смущении на животе. Бренна наклонила голову, наблюдая за своими руками, и длинные густые волосы волнами обрушились на ее плечи.

— Ты прекрасна, Дева-защитница.

Она подняла лицо и встретила взглядом с его глазами, и он притянул ее к себе и поцеловал.

Как и на реке, прежде чем они вернулись, она открыла рот навстречу его поцелую и прижалась к нему. Когда язык Вали вошел в ее рот, она скользнула своим языком в его. Он застонал и запустил руки в густую массу ее волос. Волосы были мягкие, тело было мягким, намного мягче, чем он мог себе представить. Вали прижал Бренну к себе, забывая обо всем, и настойчиво атаковал ее рот, вжимаясь в ее тело бедрами, чтобы она могла ощутить его желание.

Просунув между ними руку, она медленно уперлась ею в его грудь и нажимала до тех пор, пока он не пришел в себя и не отпустил ее. Они оба едва дышали. Ее красные губы стали еще краснее, и щеки были румяные от прикосновения его бороды.

— Вали, я... никто... — она фыркнула и сдалась.

Ему и не нужно было большего. Он очень давно не спал с девственницей, и никогда не спал с девушкой, которую бы желал так сильно, но он понял.

— Прости меня. Ты так нужна мне, что я теряю разум, — он снова взял ее руку и поцеловал. — Почему бы нам для начала не показать себя друг другу?

Бренна сглотнула, и Вали увидел, как она на глазах становится Девой-защитницей — это был страх, которому она может противостоять. Сделав шаг назад, Бренна тряхнула золотистой гривой, а затем развязала ленту под грудью. Полы платья широко открылись, и она дернула плечами, позволяя мягкой ткани упасть на пол.

И вот она была голая перед ним, спиной к огню. Бренна стояла, прямая и гордая, как настоящая воительница, позволяя ему глядеть на себя. Вали медленно скользнул по ней взглядом.

Бренна излучала силу. Она была там, в ее осанке, в ее длинной шее и расправленных плечах, в мускулистых руках и ногах, в твердости живота и стройности ее бедер, которые казались чуть шире талии. Была сила и в ужасных шрамах на ноге и плече.

Но была в ней и мягкость: в сливочно-бледной коже, в полной груди с яркими, как губы, сосками, в мягком облаке темного золота в соединении ее бедер, в шелковых длинных прядях, скользящих по плечам и прикрывающих ее грудь. Может быть, ей и правда покровительствовали боги.

Когда он снова встретил ее глаза, эти прекрасные, неповторимые глаза, она вздернула голову, будто чего-то ждала.

Ах, да — он тоже должен был снять свою одежду.

Вали был одет так же, как в последний раз, когда видел ее, в кожаные штаны и сапоги, и подпоясанную шерстяную тунику. В мирное время он спал без одежды. В военное — одетым и вооруженным. Собираясь к Бренне, он оставил свое оружие в комнате. Теперь он расстегнул ремень и уселся на высокий деревянный стул, чтобы стянуть с ног сапоги. Затем встал и стащил свою тунику.

Бренна видела его голую грудь много раз. Он предпочитал воевать с голым торсом, а после ранения она часто видела и его спину. Она жадно смотрела на него, и, когда он отвернулся от нее — сам не понимая, почему — чтобы стащить штаны, она приблизилась, и он почувствовал прикосновение ее маленькой грубой руки к обнаженной спине. Она обвела пальцем новый шрам. Кожа вокруг онемела, и прикосновение ощущалось странно, как слабый разряд молнии.

Штаны упали на пол, и Вали переступил через них. Затем он почувствовал, как Бренна тянет за кожаный ремень, которым он завязывал конец своей косы. Бренна пробежалась пальцами по длинным волосам, распуская косу, насколько могла дотянуться. Он перехватил ее руку и завершил дело сам.

Вали повернулся и наткнулся на ее улыбку. У него перехватило дыхание. Но вот Бренна посмотрела вниз, между ними, и увидела ту часть его тела, которая очень красноречиво свидетельствовала о его желании. Она ахнула.

Подняла глаза к его лицу.

— Я... Я не... я...

Он положил руки ей на плечи, забравшись пальцами под волосы. Она тряслась как осиновый лист на ветру. Воительница исчезла — на ее месте была просто девушка, невинная и застенчивая.

— Разрешите мне лечь с тобой в постель, Бренна. Позволь нам просто прикоснуться и узнать друг друга. Нам не нужно спешить.

Когда она кивнула, он взял ее за руку и повел к кровати.

Они лежали вместе, лицом к лицу, обнявшись. Бренна наклонилась вперед и прижалась губами к груди Вали. Касание послало искры по его телу и прямо к чреслам, Вали втянул воздух сквозь зубы и прижал Бренну к себе.

На долгое мгновение она затихла в его объятиях, ее тело дрожало. А потом дрожь усилилась, и он откинулся назад и ухватил ее рукой за подбородок. Ее кожа была влажная.

— Бренна? — Вали приподнял ее лицо и увидел, что она плачет. — Я напугал тебя?

Она покачала головой, собираясь с силами. Сглотнув и тяжело вздохнув, она ответила:

— Нет. Я не испугалась. Только растрогалась. Я никогда не... никто никогда не прикасался ко мне с... этим.

— С чем, любовь моя?

— С этим. С любовью.

Улыбка, грустная и кроткая, и слезы полились снова. Она уткнулась в его грудь, и Вали держал ее в объятиях, пока его сердце обливало кровью.

Она была невинна в гораздо большем смысле, чем близость.

Вали страдал, представляя себе, как одинока и тяжела ее жизнь, полная сражений и крови, но лишенная доброты и любви. Он не мог взять ее, причинить ей боль — ведь даже самые нежные прикосновения были для нее такими новыми и ошеломляющими.

— Тебя всегда будут обнимать с любовью, Бренна. Разрешите мне прикасаться к тебе сегодня вечером. Пока этого будет достаточно. Спи, а когда проснешься, я буду здесь, любя тебя.

Она не ответила, только крепче к нему прижалась. И постепенно перестала дрожать.

Глава 7

Бренна проснулась в темной комнате, чувствуя себя в безопасности и отдохнувшей. Еще не открыв глаза, она поняла, что что-то изменилось, но, тем не менее, осталось знакомым, и с этим пришло воспоминание о прошедшей ночи.

Вали пришел к ней. Она спала в его объятиях. Она все еще лежала в его руках; и этот запах и ощущение близости его тела — вот, что было знакомо.

Однажды она уже спала рядом с ним, в палатке целителя. Это был последний раз, когда она хорошо спала.

Бренна откинула голову назад, и его борода щеткой прошла по ее лбу. Она была мягкая, гораздо мягче, чем Бренна ожидала, и девушка позволила себе слегка подвигать головой, наслаждаясь прикосновением.

— Ты не спишь, — раздался голос Вали, тихий и глубокий, и она замерла, чувствуя смущение. Затем он склонил голову, посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

Его глаза были яркие, блестящие, их синева была видна даже в слабом свете, отблески огня отражались в них, Бренна подумала, что они похожи на ограненные драгоценные камни из княжеских сокровищ. Его улыбка была яркой, зубы — белыми и прямыми, и его полные губы были окружены темной, пышной бородой.

Кажется, он был красив.

— Ты не спал? — спросила Бренна и подняла руку, проводя пальцами по его бороде.

Он закрыл глаза с хриплым вздохом.

— Я спал. Хотя, признаю, я наблюдал за тобой. Ты красива.

Он говорил так прежде — ей было бы проще притворяться, что она не слышала его. Она не думала, что он врал — не видела смысла для Вали разыгрывать восхищение. Поэтому Бренна опустила глаза и отвела взгляд. Она убрала руки с его бороды и принялась оглаживать контуры широкой груди, прослеживая пальцами линии татуировок — ревущего медведя и волка.

Многие берсерки носили ритуальные татуировки подобного рода. Медведь и волк — каждый символ имел значение. Самых свирепых берсерков, которые воевали с яростью животных, Ульфенаров (*Прим. дословно «волкоголовые» — человек, обращающийся волком в скандинавской мифологии*), считали элитными воинами Одина. Увидев Вали в бою, Бренна поняла, что он и есть Ульфенар. Она заметила на спине изображение головы и хвоста волка, татуировка изображала зверя так, словно он лежал у Вали на спине. Метка Великого Отца, дающая могущество.

Она пальцем очертила контуры медведя на мускулистом плече и руке, обвела его шрамы, задерживаясь в ложбинке у каждой мышцы. Вали казался таким твердым и сильным, но кожа его была мягкая. Бренна была очарована.

Наконец Вали застонал.

— Бренна. Мы лежим голые вместе, кожа к коже. Я не выдержу больше твоих исследований. Прости меня.

Вали взял ее руку и поцеловал, затем наклонился, чтобы поцеловать в лоб. Потом отодвинулся и откинул мех, чтобы подняться с кровати, но Бренна ухватила его рукой за плечо.

— Не надо.

Он остановился и посмотрел ей в глаза глубоким взглядом. Никто и никогда не смотрел на нее так. Она задалась вопросом, что же он увидел в ней.

— Чего ты хочешь от меня?

Бренна хотела придать смысл чувствам внутри нее. Она много раз видела соединяющихся мужчин и женщин; ведь она часто спала в общем доме, полном людей, и в лагере воинов. Воины ярла не отличались стеснительностью. Но то, что она видела, казалось уродливым, поспешным, и мало чем отличалось от спаривания животных. Они фыркали, потели, кряхтели. Ее чувства к Вали не были уродливы. Они жили глубоко —

глубоко внутри ее тела, в местах, о которых она и сама еще не все знала — и они были настойчивыми, заставляя ее чувствовать то, что она никогда не хотела чувствовать, но они не были уродливы. Они были прекрасны.

Она хотела, чтобы он любил ее.

— Я хочу понять, что происходит между нами. Я хочу того, за чем ты пришел в мою комнату.

— А ты уверена?

Нет, она не была. Не хватало понимания, чтобы быть уверенной. Но она знала, что хочет понять. Бренна кивнула.

— Да.

Он снова накрыл их обоих мехом и обхватил ее лицо рукой — настолько широкой и сильной, что он мог бы легко задушить ее одной ладонью.

— Если ты доверишься мне, я помогу тебе понять.

Она снова кивнула, и он наклонился и поцеловал ее. Никто никогда не целовал ее, но, даже не имея опыта, Бренна понимала, что он великолепно целуется. Она была ошеломлена ощущениями, пронзившими ее тело просто от прикосновения его губ. И его язык снова проник в ее рот! Это было что-то! Она почувствовала, почти ощутила вкус маленького надрыва на той стороне языка, где отец Вали хотел оторвать его. Снова и снова Бренна ласкала это место, пока его язык исследовал ее рот.

Она наслаждалась поцелуем, тем, как его борода мягко царапает ее щеку, ощущением дыхания на коже, шелковистостью волос под ее рукой. Вали хрипло застонал ей в рот и отстранился. Бренна почувствовала, как его пальцы пробежали по ее шее и ключице, а затем устремились вниз, на грудь.

Его рука накрыла ее грудь, и Бренна подпрыгнула, хрипло выдохнув и разорвав поцелуй.

Это было... больно. Ее груди заныли от тепла его ладони, соски напряглись, причиняя... больше боли. Но вопреки ее воле тело выгнулась навстречу его руке, жаждая большего. Она хотела большего. И вот рука Вали сместилась, и он коснулся подушечкой большого пальца напряженного пика, и она закричала:

— Стой!

Вали замер, но руки не убрал. Даже в бою сердце Бренны не билось так сильно и быстро, как теперь.

— Доверься мне. Позволь мне помочь тебе понять.

Когда она снова кивнула, он перевернулся, укладывая ее на спину и ложась сверху. Бренна почувствовала горячее прикосновение к своему животу — и ее живот отозвался глубокой пульсацией, ушедшей вниз, между ног. Она заболела?

— Вали, я не...

— Ты «да», Дева-защитница. Поверь мне.

Его руки оставили ее грудь и скользнули вниз, вдоль тела Бренны, и он сам передвинулся ниже. Она всхлипнула, оплакивая потерю этой странной, прекрасной боли в груди. Но потом его губы оказались на ее шее, его язык, дразня, прошелся по ее коже, и она всхлипнула совсем по другой причине, и запустила и другую руку в его волосы, притягивая Вали ближе к себе.

Каждое прикосновение его рук и губ вызывало пульсацию в ее потаенном местечке. Бренна развела бедра и непроизвольно выгнулась, когда он коснулся ее груди, и Вали застонал, когда ее тело прижалось к его телу. Она почувствовала вибрацию его дыхания, высушившего влажный след от губ.

Вали двинулся ниже, и его борода потревожила напрягшийся бутон ее соска. Бренна снова застонала и выгнулась, ощущения были слишком сильные, чтобы терпеть.

Он остановился и отстранился так, что они оказались лицом к лицу. Бренна увидела, что и он словно дезориентирован, его грудь вздымалась так же тяжело, как и ее.

— Ты как откровение, Бренна. Ты мне доверяешь?

Она снова ответила кивком, и снова он опустил вниз, скользя своей кожей по ее коже, и Бренна стала ждать, что он будет делать.

Когда рот Вали накрыл ее грудь, Бренна вскрикнула и вывернулась, пытаясь сесть. Вали остановился и посмотрел вверх, но удержал ее на месте.

— Тебе больно?

— Д... Н... Я... Я не знаю, — теперь, даже когда его рот не касался ее, грудь болела; она все еще чувствовала это шокирующее прикосновение, и она хотела его. Все это было так запутано. — Нет. Прости меня.

Он улыбнулся легкой улыбкой — казалось, так и должно было быть. Улыбнувшись в ответ, Бренна почти почувствовала скрип заржавевших уголков рта — она давно не улыбалась. Он протянул руку и пропустил пальцы сквозь ее волосы.

— Бренна, послушай. То, что ты чувствуешь, это хорошо. Это станет еще лучше, если ты успокоишься и поверишь мне. Верь мне, Дева-защитница. Клянусь, ты не пожалеешь.

На этот раз перед кивком Бренна сделала глубокий вдох и выдох, словно перед битвой, чтобы собраться с силами.

— Скажи словами.

— Я доверяю тебе.

Она доверяла ему. Но все, что произошло между ними с тех пор, как они встретились тогда, на реке, было не по ее характеру. Бренна не привыкла сидеть сложа руки и ждать, что будет.

Вали взял ее сосок в рот и принялся сосать. Дыхание Бренны сорвалось, когда его язык обвел ее тугой сосок, но она заставила себя лежать неподвижно. Она позволила себе по-настоящему почувствовать, что он делает, и сразу же поняла, что это не боль — просто ощущения были настолько острыми, что казались почти болезненными. И все же это было удовольствие. Сильнее, чем любое, известное Бренне до сих пор, сильнее, чем

удовольствие от его поцелуя, сильнее, чем от прикосновения его губ к шее — и даже сильнее, чем от прикосновения руки Вали к соску, который сейчас терзали его губы.

Потом он поднял руку и коснулся ей второй груди, и ей пришлось прикусить губу, чтобы удержать крик.

Она больше не могла оставаться безучастной. То, что он делал, сводило с ума, и ее тело отвечало ему. Прижатая его тяжелым, крепким телом к кровати, Бренна могла только корчиться, задыхаться и стонать. Ей было это так нужно. Ах, как же ей было нужно.

Ее живот ныл. Она еще не понимала, что хочет ее тело, но согнув ноги и прижавшись своим горячим местечком к такому же горячему месту меж его ног, она поняла, что решение близко. Бренна задвигалась, пытаясь достичь того, чего еще не знала, и Вали хрипло рыкнул у ее груди. Его пальцы сжали ее плоть, его губы ущипнули ее сосок, и он вжался бедрами в ее бедра.

Выпустив ее грудь изо рта, Вали снова двинулся вниз, целуя ее ребра и живот. Он протянул руку назад и вытащил руки Бренны из своих волос, и пряди накрыли его, как плащ. Было прохладно, огонь уже потух, оставив после себя тлеющие угли, и в комнате за пределами меха, укрывшего их горячие тела, было холодно и темно.

Бренна так отвлеклась, перебирая его волосы, ощущая прикосновение руки к груди, легкое пощипывание, которое заставляло ее тело извиваться и выгибаться под ним, что не сразу поняла, что Вали делает. Она поняла, что происходит, когда почувствовала его теплое дыхание у своих завитков.

Он не будет целовать ее там, ведь правда? Она никогда не видела такого и не слышала о таком.

— Вали! Что это?

Вали усмехнулся, заставив ее застонать и дернуться под ним.

— Тссс. Поверь мне, любимая. погоди и увидишь.

Она чувствовала его дыхание на самом интимном месте. Он хотел поцеловать ее прямо туда.

Сначала, правда, он этого не сделал. Вместо этого одной рукой он подхватил ее за бедра, а второй чуть развел их. И вот уже его пальцы коснулись ее там, где сама Бренна касалась себя лишь во время купания или месячных.

Бренна и раньше ощущала волнение внизу живота, и совсем юной она как-то коснулась себя там один или два раза, но ощущение было непонятным, и она не стала делать этого снова. Но с Вали было совсем иначе.

Когда кончики его огрубевших от оружия пальцев начали снова и снова касаться этой ноющей точки, все в мире для Бренны перестало существовать.

— Вали! Вали! — выдохнула она, боясь и желая одновременно.

Вот, где ее нужда получит удовлетворение. Вот, где все должно случиться. И когда это случится, все для нее станет другим.

— Ах, Дева-защитница. Ты мокрая от желания. Мне нужно попробовать тебя на вкус.

Его язык коснулся той маленькой точки, на краю которой, казалось, балансировал ее рассудок, и Бренна потеряла контроль над телом и разумом.

Она не могла сказать, что делало ее тело, потому что разум ее улетел на ночное небо, усыпанное звездами. Это было настолько совершенно — это ощущение, в котором были все удовольствия, которые она когда-либо испытала, и вся боль, вся любовь и все потери, все жизни и все смерти. Все сразу.

После нескольких ударов сердца все было кончено, и она медленно пришла в себя. Ее бедра были прижаты к лицу Вали, ее руки вцепились в его волосы. Дыхание было быстрым, как после битвы. Бренна и чувствовала себя так, словно только что закончился бой.

Она расслабленно лежала, все еще дергаясь от прикосновений его языка и бороды, и Вали поднял голову, улыбаясь.

Его борода была мокрой. Даже в полумраке комнаты ей удалось видеть отблеск влаги. Это была ее влага.

— Я даю тебе обещание, моя Бренна. Я постараюсь, чтобы ты очень хорошо почувствовала, что такое удовольствие. Познают любовь и твоё тело, и разум, и сердце. Я буду любить тебя изо всех сил.

Он положил руки по обеим сторонам ее тела и поднялся, опрокинув Бренну обратно на мех, когда навис над ней.

— Но сначала, моя любовь, я должен буду причинить тебе немного боли. Надеюсь, совсем немного.

Он взял ее руку и опустил вниз, пока она не коснулась пальцами влажных завитков своего интимного места. Его интимный орган тоже был там, между ее раздвинутых бедер.

— Почувствуй меня, Бренна. Возьми его в руку. Я хочу, чтобы ты узнала меня, прежде чем я возьму тебя.

Он сжал ее руку вокруг своей длины и застонал, когда она обхватила его и слегка подвигала рукой. Бренна видела других мужчин, но как-то не задумывалась о том, что у них между ног. Некоторые мужчины казались особенно гордыми своими размерами, другие гордились меньше. Вали был тем, кто мог бы гордиться.

Ее пальцы коснулись головки, которая была намного мягче, чем остальная часть, и кожа здесь казалась более свободной и ходила туда-сюда. Бренна с интересом исследовала ее, когда Вали застонал и накрыл ее руку своей.

— Ты меня с ума сведешь. Мое желание велико, Бренна. Ты позволишь мне тебя почувствовать? Мне нужно твоё тепло.

Пытаясь изобразить улыбку, она убрала руку.

— Пожалуйста. Я тоже хочу этого.

Она не была уверена, сможет ли пережить еще один полет к звездам, но подумала, что против такой смерти совсем бы не возражала.

Испустив долгий стон, Вали взял ее за руку и снова опустил к своему органу.

— Держи меня, пока я вхожу в тебя. Я хочу, чтобы ты почувствовала это.

Затем он помог ей обнять ногами его талию. Уложив Бренну так, как было ему нужно, Вали взял ее за руку и снова опустил вниз.

Его лицо нависло над ней, его волосы, накрыли их. Не спуская с Бренны серьезных глаз, он сказал:

— Прости меня, любовь моя. Другого пути нет.

Затем он прижался к мягкой, набухшей нежности ее самого чувствительного местечка — и она потеряла способность дышать.

Она никогда такого не испытывала. Это было вторжение в ее тело, словно сажание на кол. Вали убрал свою и ее руку и навис над Бренной.

— Будет лучше, если я разорву твою девственную преграду быстро. Потом будет хорошо. Клянусь, Бренна.

Его слова заставили ее беспокоиться. Она ощущала растяжение, но не боль, но боль маячила в ее сознании как неизбежное условие вторжения, которое Вали вот-вот совершит. Бренна сделала глубокий вдох и заставила себя собраться с силами. Он увидел, что она готова, и, кивнув, двинулся вперед, — сильно, резко, так, что его бедра ударились о ее...

...и пришла физическая боль, настолько острая, что Бренна охнула и застонала. И все же это было терпимо. Ощущать его большой толстый стержень внутри себя было странно, и это смутило ее. Боль уже проходила, и Бренне почему-то хотелось, чтобы он двинулся в ней.

Она посмотрела в глаза Вали, по-прежнему прикованные к ней. Каждый его вдох казался вырванным из груди, его руки дрожали. Он осторожно толкнулся внутри нее, и ощущение было таким приятным, что глаза ее закатились.

— Ах, Бренна. Теперь ты моя.

Его голос звучал ниже, чем обычно, и был полон напряжения.

Это обеспокоило ее. Он присвоил ее. Уединенная жизнь давала Бренне власть над собственным телом. Даже когда она была рабом, никто не нарушил эту границу. И теперь она была его. Вали. Больше не своя собственная.

— А ты мой? — спросила она, надеясь и страшась ответа.

Он посмотрел на нее напряженным, смущающим ее взглядом. Покраснев, Бренна попыталась отвернуться, но он опустил на локти и поймал ее голову своими руками. Вали заставил ее снова посмотреть на него. Его большой огрубевший палец очертил линию ее скулы под правым глазом.

— Я стал твоим, когда ты заснула со мной рядом, — пробормотал он и наклонил голову, чтобы нежно поцеловать ее. — Я околдован тобой.

Ледяной рукой страх ухватился за сердце Бренны. Не было ничего хуже этого. Всхлип сорвался с ее губ, она уперлась руками в широкие плечи Вали и попыталась освободиться. От ее движения он вошел еще глубже, и тело Бренны затрепетало, хоть она и боролась с собой.

Но Вали не отпустил ее. Навалившись на Бренну, он не позволил ей освободиться, крепко удерживая ее голову. Когда она перестала бороться и устала на него, лихорадочно пытаясь не позволить злости перейти в отчаяние, он сказал с улыбкой на губах:

— Околдован твоим сердцем, Бренна. Не твоим прекрасным глазом. Силой твоего духа. И это не злая сила. Я вижу женщину — я вижу тебя. Я люблю тебя.

Прежде чем она смогла понять смысл этих слов, его губы снова накрыли ее. А потом Вали начал мягко двигать бедрами, входя и выходя из нее. Наслаждение затмевало боль с каждым толчком, и вскоре Бренна уже ни о чем не могла думать.

Глава 8

Бренна извивалась и стонала, вскрикивала и выгибалась с каждым прикосновением Вали. Даже если она и испытывала растерянность, даже если ее разум и задавал вопросы, ее тело давало собственные ответы. Он представлял себе это — ох, как же хорошо он себе это представлял — но не считал, что был с Бренной до конца справедливым. В своей наивности она отвечала ему чистыми инстинктами. Когда же ей успеть понять, что за удовольствие ждет их впереди?

Ее невинность осталась там, на берегу. Теперь, вонзаясь в нее, Вали ощущал, что робость уходит. Она была с ним душой и телом, умом и духом, забывая о себе, как в тот миг, когда он довел ее до экстаза языком. Она была его самым ценным даром.

Бренна подняла вторую ногу и обвила ею его талию, скрестив лодыжки на его поясице, так что Вали мог чувствовать твердые мышцы ее прижавшихся к его бедрам бедер. Ее руки вцепились в его спину, пальцы с короткими ногтями скребли по коже. Ее язык танцевал с его языком так умело, словно она всегда знала этот танец.

Бренна еще была девственно-тугой, ее тело сжималось вокруг него, словно ножны, и жар опалял его до мозга костей. Каждое чувственное скольжение приближало его к собственному блаженству. Но Вали не хотел отпускать себя, пока она не достигнет еще одного экстаза, пока он не удостоверится, что боль, которую он причинил ей, не прошла до конца.

С каждым движением вперед он становился все настойчивее, рвался все глубже, доставляя ей удовольствие. Когда Бренна прервала поцелуй и изогнула шею, со стоном откидывая голову далеко назад, он улыбнулся и прижал губы к бледной коже. Ее пульс бешено бился под его языком.

— Вали... пожалуйста, — она задышалась, ее тело извивалось под ним, ее ноги сжались вокруг него. Она уже не говорила, что не понимает. Теперь Бренна была открыта для ощущений, которые он ей дарил.

Вали уселся на колени и потянул ее на себя, так чтобы он сидел на корточках, а она — на нем сверху. Она застонала — от удивления, а затем от удовольствия, когда уселась на него. Стон словно послал его возбуждение на новую глубину, в горячее тепло ее напряженного до предела тела. Крепко удерживая Бренну, Вали наклонил голову и ухватил ее грудь губами. Зажав сосок между зубами, он принялся сосать, снова и снова вонзаясь в нее. Бренна отпустила его спину и сведенными пальцами схватилась за его волосы.

Бренна выгнулась, так резко и неожиданно, что он выпустил изо рта ее грудь. Ее бедра сжались. Тихие стоны превратились в беспорядочные выкрики, а потом она замерла, застыла словно железная, и сжалась вокруг него так, что Вали сам едва не кончил.

Но он не собирался пока выпускать в нее семя. Сначала Бренна станет его женой. Он до боли прикусил губы и дождался, пока она придет в себя. Как только он почувствовал, что ее тело расслабилось, он вышел. Бренна ахнула и схватилась за него, не желая отпускать, но Вали высвободился. Не успев даже взять себя в руку, он пролился, выкрикивая ее имя в болезненном крике и орошая живот Бренны своим семенем.

Вали уложил ее трепещущее, влажное тело обратно на кровать. Легко поцеловав Бренну в губы, он откинул мех и сел.

Она схватила его запястье, ее пальцы сомкнулись на нем.

— Пожалуйста, не уходи.

Вали снова улегся рядом с ней, опираясь на локоть, и отвел растрепанные светлые волосы с ее лица.

— Бренна, мое единственное желание — никогда больше не спать отдельно от тебя. Я хотел добраться до таза для мытья. Хочу смыть с тебя то, чем я тебя испачкал.

Глядя на свой живот, Бренна свободной рукой коснулась пролившегося на нее семени. С легкой милой улыбкой она кивнула, и он поднялся.

В комнате было уже темно и холодно, и вода в кувшине остыла. Он подошел к очагу и разжег угольки. Когда пламя разгорелось, Вали положил в очаг два небольших полена, затем вернулся, налил холодной воды в таз и бросил в воду чистую тряпку. Отжав ее, он вернулся к очагу и немного нагрел тряпку над огнем. Потом подложил еще одно, уже большое полено, в уже разгоревшийся огонь.

Возвращаясь к кровати, он заметил, что Бренна наблюдает за ним, отблески костра поблескивали в ее глазах.

— Ты добрый человек.

Он улыбнулся и пересек комнату, чтобы сесть рядом с ней на кровать. Откинув мех, он вытер ее живот, слегка поглаживая кожу. Бренна вздохнула и легла, открывая себя для его прикосновений.

Вымыв живот, Вали вернулся к тазу и сполоснул тряпку, отжал ее, уже не согревая, и вернулся. Он взял ее девственность, наверняка она будет рада прохладному прикосновению.

Он осторожно потянул на себя бедра Бренны, побуждая ее раздвинуть ноги, а потом омыл ее самое интимное место. Она подскочила и ахнула от безумно приятного прикосновения прохладной ткани к разгоряченной коже, а потом легко застонала от облегчения.

На ткани осталась кровь. Совсем немного, но достаточно, чтобы заставить его сердце заныть.

— Я сожалею, что причинил тебе боль. Я хочу никогда не причинять тебе боли.

— Ее было не так много. Удовольствия было больше. Его было так много, что я едва не умерла.

Вали бросил тряпку на пол и повернулся на бок, чтобы прижаться губами к ее рту. Она была с ним, и теперь, зная, как идеально они подходят друг другу, Вали возбудился в считанные минуты. Но для второго раза было пока рано. Бренне нужно было время на восстановление. Вали отстранился, перекатившись на спину и уложив ее на себя. Она устроилась головой на его груди, ее прекрасные волосы рассыпались по его руке.

Бренна расслабилась, ее рука лежала на его животе, мягко поглаживая. Она мило зевнула, он усмехнулся и поцеловал ее в макушку, позволив своим губам задержаться там.

— Солнце еще не взошло. Спи, моя любовь. Отдохни тут, со мной.

Бренна вздохнула, и ее тело расслабилось.

Вали никогда не чувствовал себя таким умиротворенным. Он был доволен жизнью, ведь ему удалось убежать от отца-деспота. У него были друзья, у него была честь, дом и место в мире. Его соратники были его семьей, его отцом был его ярл. Но лежа рядом с этой прекрасной одинокой женщиной, он чувствовал себя так спокойно, как никогда раньше. Таким целым, таким наполненным.

После долгого молчания, не зная, спит Бренна или нет, Вали пробормотал:

— Когда ты меня полюбишь так, как я люблю тебя, я хочу, чтобы ты стала моей женой, Бренна.

— Я уже люблю тебя, Вали.

Ее голос был мягким и тихим. Он повернул ее лицо к себе, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Тогда выходи за меня.

Она улыбнулась своей особенной улыбкой.

— Сегодня ты стал моим, а я — твоей. Конечно, я выйду за тебя.

~oOo~

— Я пойду с Ормом и Вигером в город, — сказала Бренна и поднялась.

Вали тоже поднялся.

— Я бы не хотел, чтобы ты шла.

В Мирканди, городе, который служил центром трех княжеств Западной Эстландии, наверняка будет опасно. Но жителям деревни нужно было торговать, как сейчас, до наступления зимы, так и потом, во время посева и жатвы, когда урожай будет нужно вывозить на рынок. Они не могли прятаться в замке, как мыши.

Вали очень хорошо это знал. Именно он предложил послать сначала небольшой отряд, чтобы разведать обстановку. Большой отряд мог бы спровоцировать конфликт. Но он не хотел, чтобы его женщина подвергалась риску, Дева-защитница она или нет.

Бренна проигнорировала его и перекинула меч за спину. Она схватила со своего места теплую накидку, а со стены — щит, и направилась к двери. Орм и Вигер посмотрели на нее, потом взглянули друг на друга, потом на Вали, потом снова друг на друга, а затем снова на Бренну.

— Бренна! Погоди! — Вали длинными быстрыми шагами прошел мимо них.

Бренна остановилась всего в нескольких шагах от двери, но не повернулась к нему, когда он взял ее за руку и потянул к себе. А потом она опалила его взглядом своих легендарных глаз.

— Вали, не надо. Я не твоя служанка, чтобы тихо сидеть в углу, зашивая прорехи в твоих туниках.

— Я знаю. Но не делай этого. Мы хотим пожениться меньше, чем через две недели. Я хочу, чтобы ты дожила до этого времени.

— Я могу сказать то же самое. Ты идешь на север, в земли принца Тумаса. Если его люди нападут...

— Ты поэтому так поступаешь?

Она высвободила, наконец, свою руку и подошла к двери.

— Нет. Я делаю это потому, что я — воин, как и ты, и я знаю свое дело.

Оставив дверь открытой, Бренна гордо вышла. После короткой неловкой паузы Орм и Вигер ушли за ней.

Злой и взволнованный, Вали уставился на закрытую дверь. Через пару минут он осознал, где настоящая опасность. Распахивая двери, он выбежал через зал на территорию замка. Бренна только села на лошадь, на кобылу по имени Фрейя. Он остановился рядом и поднял руки.

— Бренна.

Сначала она одарила его свирепым взглядом воина, но потом поняла. С легкой улыбкой она наклонилась, протягивая руки, и он поймал ее. Стачив ее с седла, Вали прижал девушку к себе.

— Я не хочу, чтобы ты ушла без этого, — прошептал он у ее щеки. — Я люблю тебя, Дева-защитница.

— И я тебя.

Если даже он больше никогда ее не увидит, эти слова будут последними, которые они услышат друг от друга.

Нехотя он опустил ее, и Бренна снова вскочила в седло, даря ему искреннюю улыбку и положив руку себе на сердце. Он вернул жест и направился обратно в замок. Просто не мог смотреть, как она уезжает.

Орм и Вигер сидели в седле, ожидая Бренну, с ухмылками наблюдая за влюбленными. Вали прошел между лошадями и зарычал на них.

— Если она не вернется, лучше и вам не возвращаться.

Ухмылки слетели с их бесстыжих лиц.

Когда он вернулся в зал, Леиф в одиночестве стоял рядом с длинным столом. Остальные ушли.

— Где Торд и Харальд? — Вали повесил топоры на пояс и снял со спинки своего кресла волчью шкуру. — Пора ехать.

— Они помогают собраться Яану и Георгу из деревни. Я хочу, чтобы они шли с тобой. Они будут прекрасными воинами, и они уже наши лучшие союзники. Мы должны обучать их, чтобы они нам помогали.

Вали кивнул; он не возражал. Они должны быть готовы к войне, которая неизбежно начнется весной, и воин с мечом против армии принца всяко лучше, чем крестьянин с косой. Он снова направился к двери, но Леиф окликнул его:

— Вали, погоди.

Вали остановился и обернулся в ожидании.

Леиф подошел к нему и положил руки на его плечи. Он был почти так же высок, как Вали, и они стояли рядом, глядя друг на друга — глаза в глаза.

— Мы с тобой союзники и равные по чину. За эти недели я начал думать о тебе, не только как о равном, а как о брате. Согласен?

В душе Вали не было ничего, кроме восхищения и уважения к Леифу. И любви тоже, но теперь он был осторожен.

— Да. Братья.

Леиф улыбнулся.

— Хорошо. Тогда как брат, пожалуйста, выслушай меня. Ты и Око Бога...

— Бренна, — оборвал Вали. — Называй ее Бренна. И, пожалуйста, *брат*, помни о том, что слова нельзя вернуть обратно.

Он знал про опасения Леифа, и знал, что они заслуживают внимания. Они и правда заслуживают внимания, но это неважно.

— Я должен. Я вижу, что вы счастливы. Око... Бренна сейчас улыбается, и я знаю ее давно, и никогда раньше не видел ее такой. Она достойная женщина. Женись на ней, если хочешь. Никто здесь не скажет и слова поперек. Мы будем праздновать и желать вам милости и благоволения богов. Но Вали, я прошу тебя подумать об опасности. О том, как ты или она, будете жить дальше. Ты будешь жить вдалеке от нее? Или отречешься от клятвы ярлу Снорри и дашь клятву ярлу Эйку? Если нет, если ты собираешься увезти ее с собой, я уверяю, Эйк сделает все, чтобы погубить и Снорри, и тебя. Ты отнимаешь у него больше, чем Деву-защитницу. Что бы ты сам ни думал о ее даре, Эйк считает ее источником своей силы. Он не успокоится, пока не увидит твою голову на пике у своей двери. А потом он снова сделает Бренну рабыней, чтобы быть уверенным, что она никогда не ускользнет.

— Ты должен был сказать все это раньше. Я знаю, ты прав. И я знаю, как и ты сейчас, что это не имеет значения. Она должна быть моей. И потом пусть будет, как будет, на все воля богов.

Леиф испустил глубокий разочарованный вздох и сжал плечи Вали, прежде чем отпустить его.

— Как скажешь. Может, боги сделают безмятежной историю Бренны, Ока Бога и Вали, Грозового Волка.

— Мы принесем богам дары в день свадьбы и будем надеяться, что будет так.

~oOo~

Брак среди их народа редко означал любовь. Даже среди самых бедных из них он был, как правило, просто сделкой между двумя людьми: мужчиной, готовым жениться, и отцом девушки, которая родит ему детей и будет вести хозяйство. У благородных было почти так же. Брак был просто финансовой договоренностью между семьями.

Но у Бренны и Вали не было семей, и все свои богатства они несли с собой — одежду на спине и оружие в руках. У Вали было золото и серебро, его часть добычи. Он хранил ее на родине, и он думал, что у Бренны тоже что-то есть, но они не обсуждали это, и Вали не считал, что нужно обсуждать. Их брак будет по любви, и о другом и думать не стоит.

Они были далеко от дома, и семей их были только налетчики и те из жителей деревни, кто присоединился к клану. У них не было приданого, не было богатства. Бренна, Дева-защитница, и когда-то — рабыня, никогда не носила крансен (*прим. венец*) благородной девицы. С ней рядом не было женщины, которая помогла бы соблюсти традиции, а Астрид была почти столь же груба и воинственна, как и сама Бренна. Совсем немного в церемонии будет сделано по традициям их народа.

Вали подумал, что боги поймут. Они попытаются устроить все по обряду, как смогут.

У него, к примеру, не было родового меча, и он знал, что и у Бренны его нет. У них было только боевое оружие. С другой стороны, ему и не нужно по ритуалу рассекать семейную связь с отцом. Он уже давно это сделал.

Вали помылся, думая о том, что хотя бы это он сделает, как положено, по ритуалу, смывая с себя свою холостяцкую жизнь.

Он представил себе Бренну, которую сейчас мыли Астрид, Ольга и другие женщины из прислуги — она стояла в глубокой ванне, горячая вода бежала по ее светлой коже. Женщины вымыли ее длинные волосы и теперь очищали от грязи тело, часть за частью. Вали порадовался тому, что настоял на мытье в одиночестве — ему пришлось поработать рукой, спустив семя в прохладные струи воды под ногами.

Вернувшись в главную комнату своих покоев, он увидел на заброшенной им кровати снежно-белую тунику и новые кожаные бриджи — темные, почти черные. Еще там были сапоги и пояс. Он улыбнулся, хорошо зная, что это работа Ольги — она либо приготовила все сама, либо поручила кому-то еще. Ольга казалась радостнее и счастливее при мысли о свадьбе, чем сама невеста.

Он оделся, поражаясь эластичности и неожиданной мягкости мелко-тканой шерсти. Когда Вали уже повязал пояс, раздался легкий стук в дверь.

— Войдите, — сказал он и удивился, когда Ольга открыла дверь и заглянула внутрь. — Я думал, ты будешь с Бренной.

— Я вернусь к ней. С ней сейчас достаточно людей. Она хорошо. Слишком много хотят сделать ее... — Ольга забыла слово и сердито нахмурилась, и Вали засмеялся.

— Да. Можно подумать, возня женщин поможет сделать ее... — он изобразил сердитое лицо Ольги, и они оба рассмеялись. — Но зачем ты пришла? Как видишь, я в состоянии одеться самостоятельно. И, кажется, я должен поблагодарить тебя за наряд жениха.

Она улыбнулась.

— Мужчина должен хорошо выглядеть в этот день, *jah*? Мне удалось послать за кое-чем в Мирканди, — ее познание языка росло с каждым днем. Ольга уже говорила почти свободно, сохраняя свой очаровательный акцент. — Я пришла посмотреть, может, я смогу уложить твои волосы.

Обычно Вали стриг волосы по бокам, а длинные пряди с середины заплетал в одну или две косы, спускавшиеся по его спине. Что-то он мог сделать сам; рабыня, прислуживающая ему в детстве, научила его. Он периодически брился, но не стригся с тех пор, как уехал от своего отца, и распущенные волосы достигали талии. Они были темные и густые, как и у большинства мужчин.

Ему нравилась суэта не больше, чем Бренне, но он улыбнулся Ольге. В конце концов, это день его свадьбы.

— Надеюсь, ты не собираешься меня украшать зимними цветочками.

— Наверное, нет, — она засмеялась. — Ты будешь выглядеть мужественно и свирепо.

Он уселся в кресло.

— Тогда приступай.

~oOo~

Леиф и Орм встретили Вали в зале, где собрались гости. Они ухмыльнулись ему и повели в самую гущу толпы. Вали был готов сделать едкое замечание по поводу их скучающих лиц, но тут Орм, старейший из них, заговорил.

— Я знаю тебя давно, Вали, Грозовой Волк. У тебя храброе и доброе сердце. Ты великий воин, о тебе уже при жизни слагают истории. Ты избрал себе в пару легенду. Мы считаем, что ваш союз будет угоден богам. Мы подготовили дары для вас в честь этого.

Орм повернулся к столу и что-то взял. Когда он развернулся к Вали, в руках у него был новый меч, потрясающе красивое оружие с темной, причудливо украшенной узорами рукоятью.

— У тебя нет семьи, которая могла бы подарить тебе родовой меч, но ты не можешь жениться без благословения Тора, ведь оно сделает ваш союз сильным и плодородным. И как твоя семья, мы начинаем новую традицию. Мы дарим тебе этот меч, только что выкованный и освященный в жертвенной крови, так что твоя невеста сможет передать его вашим потомкам.

В красноречивом молчании Вали принял меч в обе руки и высоко его поднял, склоняя голову.

Он был готов принять свою невесту.

Хотя уже и настала зима, еще не было снегопада или сильного мороза, и свадьба устраивалась снаружи, там, где ее могли видеть боги. Они были крепким народом, так что никто не стал противиться, даже слуги, которым такие обряды были непривычны.

Мужчины вышли наружу и ждали. В центре круга встали Вали и Леиф, который должен был руководить церемонией. Позади слуги держали козу, свинью и хряка. Они будут принесены в жертву в начале ритуала, и их кровью обольют Вали и Бренну и остальных, чтобы почтить богов и заручиться их благословением на брак.

Женщины вышли из восточной двери: все были в белых нарядах, и Бренна шла впереди. У Вали перехватило дыхание. Ольга устроила так, чтобы у Бренны было платье, как и подобает невесте. Длинное и девственно-белое, отливающее золотом, оно облегалось изгибы ее тела и свободно развевалось у ног. Длинные рукава закрывали руки. Боги наверняка обрадуются такому зрелищу.

Но еще более прекрасным был венец невесты, который она надела на свои длинные, распущенные волосы. Высокий, сплетенный из соломы и украшенный цветами, как и положено по традиции. Вали решил, что это работа Астрид. Он бы никогда не подумал, что она может взяться за такую работу, но наверняка венец сделала она.

Пока женщины приближались, Харальд, самый молодой из выживших молодых мужчин отряда Эйка, выступил вперед, высоко подняв сверкающий меч с золотым эфесом. Клан Бренны тоже умел зачинать новые традиции. Боги будут довольны.

Улыбка Бренны, когда она подошла к нему, просто сияла. Вали взял ее за руку и наклонился, чтобы прошептать:

— Хочу видеть такую улыбку каждый день до конца твоей жизни.

~oOo~

После большого шумного празднества в зале, где собрались и деревенские жители, Вали и Бренну отправили на брачное ложе. Их провожала, почти преследовала, куча народу. Друзья хохотали, улюлюкали и свистели вслед. Бренна споткнулась, взбегая по каменной лестнице в своем длинном платье, и Вали схватил ее и сгреб в свои объятия.

Она засмеялась и обняла его. Он никогда не слышал ее смеха. Звук был тихим и сухим, как будто заржавевшим от времени, но Вали подумал, что это самый красивый звук, который он когда-либо слышал.

Они добрались до комнаты, которая раньше была ее, и все их друзья, и их семья весело столпилась у дверей. Вали опустил свою жену на землю и обнял, чтобы поцеловать ее. Зрители взорвались скабрёзными шутками. Вали снял цветочный венок с головы Бренны и выбросил его в толпу.

Наконец, закрыв дверь, он задвинул засов.

И уложил свою жену в постель.

ЧАСТЬ 2. ГРОЗА

Глава 9

Бренна медленно просыпалась, уютно свернувшись под мехом. Она потянулась и замурлыкала, когда рука Вали скользнула по ее бедру. Он почти всегда будил ее таким образом, обнимая и поглаживая, как будто хотел отполировать ее до блеска.

— Уже почти рассвет, моя любовь. Нам нужно вставать, — прошептал эти слова ей на ухо, он скользнул языком вдоль мочки.

Бренна знала, что он прав. Пришла зима, с вьюгами и ветрами, и они уже пережили три сильных бури. Ветра снесли много крыш с деревенских домов, и в замке было полно внезапно лишившихся крова жителей и их животных. Вчерашний день был спокойным — солнце и оттепель — и они решили воспользоваться данной богами возможностью и починить то, что можно было починить. Те, кто мог читать знаки, говорили, что эта зима будет ветреная и холодная, так что этой короткой передышкой нужно было воспользоваться сполна.

Но мысль о том, что придется выбраться из-под теплого меха в холодную комнату, заставила Бренну издать стон протеста и прижаться спиной к теплой груди мужа. Он всегда спал голым, и уже был возбужден; он всегда просыпался горячим и возбужденным. Бренна пошевелила бедрами, и Вали застонал и вцепился пальцами в ее бедра. Звуки его удовольствия — и осознание того, что это ее прикосновения, ее тело, ее близость может вызывать в нем это удовольствие — это было сильное чувство. Волнующее чувство, согревающее кровь и заставляющее Бренну желать близости с мужем.

Она открыла глаза; в комнате было еще темно.

— Нам пока не нужно вставать.

Она чуть отодвинулась при этих словах и, опустив руку между их телами, захватила его в кулак, заскользила вверх и вниз по напряженной длине. Бедра Вали задрожали, и он издал долгий, тяжелый вздох.

— Ты распутная, жена.

— Моему мужу это нравится.

Вали сунул руку под нее и обнял, обхватив ладонью грудь. Другой рукой он поднял ее ногу и закинул назад, на свое бедро.

— И в самом деле.

Бренна любила эту позицию больше, чем другие, которым он ее научил — лежа на боку, он позади нее, проникает в нее, а руки свободны, чтобы касаться самых чувствительных точек ее тела, приводя ее к множественному экстазу. Так Бренна чувствовала себя по-настоящему любимой. И вот он скользнул в нее, в ее влажную глубину, и застонал прямо ей в ухо.

— Ты всегда готова для меня. Распутница.

Хихикнув и тут же ахнув от его движения, Бренна закинула руку за спину, чтобы коснуться его волос.

— И ты для меня.

— Всегда, да.

Рука на груди пошевелилась, скользнула к нежной линии шеи. Вторая рука прошла по бедру и скользнула между ее ног. Вали полностью завладел ее телом, и Бренна охнула и выгнулась навстречу ощущениям.

Не было никакого чувства, равного этому — чувству единения с другим человеком, чувству слияния с ним. Она считала, что соитие — это просто животный инстинкт, и стоны и крики только подтверждают это. Она так ошибалась.

Животный инстинкт был там, необъяснимая и неоспоримая необходимость ощущать его тело внутри ее тела, ощущение наполненности, *целостности*, желание тянуть и кусать, и царапать, пока он овладевает ею, и то, как Вали стонал и рычал, и выл,

и ревел — да, все это было проявлением животной страсти, как она и предполагала.

Чего она не знала, чего она *не могла* осознать, так это глубину этого чувства. Выражение необходимости, может, и было животным, но сама необходимость шла откуда-то из глубины. Из самой глубины души. Бренна знала, что ее любовь к Вали, ее желание быть с ним во всех смыслах этого слова могло помочь им подняться над этим миром и остаться там навсегда.

Вот что такое *на самом деле* соитие. Теперь она поняла.

Он двигался в ней, и она двигалась в ответ, его пальцы терзали нежные складочки ее самого интимного места и заставляли ее всхлипывать от наслаждения. Другой рукой Вали обхватил ее груди и поймал сосок между пальцев.

Неожиданно сосок пронзила резкая боль, и, удивленная, Бренна подскочила и замерла на месте.

— Ой! — она положила руку поверх его руки и чуть сжала, чтобы остановить движение.

За два месяца, проведенных вместе, Вали хорошо ее узнал, и он тоже замер.

— Они болят? Пришло время для твоей крови?

Бренна подумала. Прежде чем оставить дом своих родителей, она теряла кровь только дважды. В самый первый раз мать сказала ей, что нужно прислушаться к луне, чтобы знать, когда придет кровь, но луна никогда не помогала ей. Когда Бренна уезжала с воинами, она могла провести целый сезон, не теряя кровь.

Когда они прибыли в Эстландию, кровь была, сразу после того, как она и Вали начали спать вместе, незадолго до того, как они поженились. Наверное, пришло время. Он, должно быть, обратил внимание, что и в прошлый раз у нее болела грудь. Бренне понравилась такая внимательность.

— Думаю, да, — она грустно вздохнула при мысли о том, что на несколько дней придется забыть о таком, как сейчас, пробуждении, и постельных утехах перед сном.

Вали спрятал лицо на ее шее и снял руку с груди, притягивая Бренну ближе.

— Тогда я заполню тебя сейчас, пока еще можно.

Бренна повернула голову, и Вали накрыл ее рот своим, снова и снова погружаясь в него языком, повторяя движения в ее лоне. Он управлял их возбуждением, ведя его все выше, пока они оба не застонали в унисон, пока не сжались мышцы их сплетенных тел. Бренна ухватила Вали за волосы, его пальцы кружили, терли и щипали местечко меж ее ног, пока он заполнял ее снова и снова, с каждым толчком все глубже, пока она не поняла, что больше просто не выдержит.

Ей уже не хватало воздуха. Бренна оторвалась от его губ и резко вдохнула. Вали издал глубокое грудное урчание, его пальцы, натруженные и огрубевшие в боях, надавили на центр ее удовольствия. Бренна вскрикнула, снова и снова, чувствуя, что вот-вот потеряет и обретет все одновременно, чувствуя, как близок пик ее экстаза.

— Да, Дева. Потеряй себя для меня.

И она себя отпустила. Вокруг вспыхивали искры и плясали огни, а потом Вали зарычал в собственном освобождении и сжал ее бедра, и Бренна поднялась еще выше, пока не осталось ничего, кроме абсолютного блаженства.

~oOo~

Она открыла глаза, чтобы увидеть Вали — он навис над ней, его лицо отражало смесь озабоченности и зарождающегося веселья.

— Все хорошо?

— Да. Конечно. А что? — она подняла руку и пропустила пальцы через его длинную, мягкую, густую бороду.

— В таком случае, я очень доволен собой, — он усмехнулся и поцеловал ее руку. — Ты потеряла сознание.

— Я? — она поднялась на локтях и посмотрела вокруг. В комнате был немного светлее и теплее; Вали разжег огонь. И он был наполовину одет. Она, должно быть, и правда потеряла сознание — и немного вздремнула после.

— Да, ты. Нужно быть осторожным, чтобы не переутомить тебя уже с утра. Нам многое предстоит, — веселье сошло с его лица, и он нахмурился. — Тебе хорошо? Только честно.

— Все просто отлично. Я чувствую себя такой удовлетворенной.

Она улыбнулась, и он ответил ей взглядом и провел пальцем по ее щеке.

— Ни дня без улыбки. Моя миссия слишком легка, как мне кажется.

— Ты собираешься быть самодовольным и невыносимым целый день?

Игриво она надавила на его плечи, и он сел так, чтобы она могла подняться. В голове на мгновение помутилось; образ Вали расплылся перед глазами.

— Бренна? — он заметил. Он замечал в ней все.

Всю ее жизнь окружающие старались не смотреть на нее. А Вали с трудом отводил от нее взгляд. Его любовь к ней была как пьянящее зелье. Он изменил почти все, что она знала о мире.

Она откинула мех и встала.

— Ты собираешься быть самодовольным и невыносимым весь день.

Он встал и притянул ее ближе.

— Я лишил тебя чувств. Считаю, что тебе повезло, и я не стану рассказывать об этом в зале.

Смеясь, она легонько ударила его в живот и пошла умываться и одеваться.

~oOo~

Хотя дни становились теплее и светлее, близилась середина зимы, и погода была отнюдь не теплой. А работа была сложной и требовала много сил, и когда они прервались на обед, щеки румянились не от мороза, а от усилий.

Все расселись у костра в центре деревни, и женщины подавали горячий скауз, хлеб и медовуху. Большинство женщин трудилось на кухне. Живя с родителями, Бренна не готовила, а живя в рабстве, не прислуживала. В этот день она помогала чинить крыши — хотя большая часть ее работы заключалась в том, чтобы оградить шаловливых детей от неприятностей, в то время как мужчины рубили дрова, ставили грубые балки и закладывали ярусные деревянные кровли.

Есть не хотелось, и Бренна грызла кусок хлеба и смотрела на других. Суровая погода и разрушения, казалось, не омрачали ничье настроение. Мужчины и женщины сидели вокруг огня или бродили рядом, болтали и смеялись. Молодые люди, прикончившие обед, пока другие еще ели, боролись в снегу. Дети бегали и визжали, убегая от Вигера, а он изображал монстра, топая и рыча на них.

Леиф и Ольга сидели вместе, разговаривали. Ольга учила Леифа языку Эстландии, и он был прилежным учеником. Он уже знал достаточно, чтобы говорить с жителями деревни без переводчика. Бренна завидовала. Языки ей не давались, хотя она и пробовала учить. Ольга уже бегло владела их языком, да и Леиф не отставал в знаниях, и даже Вали и некоторые из воинов уже знали достаточно, чтобы объясняться, и только Бренна сумела изучить всего лишь несколько слов и фраз и по-прежнему опиралась на пантомиму, когда переводчика не было рядом.

Вали попытался помочь ей однажды, но попытка чуть было не закончилась дракой — это был единственный раз, когда они всерьез поругались. Вдали от битвы Вали был уравновешенным, терпеливым — добросердечная душа. Бренна и в себе открыла тогда мягкость. Но ей не нравилось чувствовать себя глупой, а в тот день так и случилось.

Она смотрела, как Вали разговаривает с Ормом, стоя в окружении своих друзей и семьи. Даже сидя в одиночестве, Бренна ощущала уют дружеского общения. С тех пор,

как они захватили замок и наладили отношения с местными, каждый день казался Бренне все более и более *нормальным*. Даже налетчики, знающие ее в течение многих лет, начали относиться к ней иначе — как к одной из них. Люди обращались к ней, и не просто потому, что не могли этого избежать. И в последние недели, поняла она вдруг, все называют ее просто Бренна.

Никогда ее жизнь не была такой.

Сделав глоток медовухи, она скривилась. Обычно ей нравился вкус меда Эстландии, но, кажется, на этот раз что-то было не так. Но остальным вроде бы все пришлось по вкусу. Бренна понюхала чашку. Желудок вдруг скрутило, и ей пришлось быстро выплеснуть напиток в утоптаный снег.

Поднявшись, она подошла к Вали и Орму. Ее муж улыбнулся и протянул руку ей навстречу, и когда она приняла ее, притянул к себе и обнял, не прекращая разговора. Она ощущала это по-особенному — как будто его любовь к ней была такой же частью его, как дыхание.

Как и ее любовь к нему.

~oOo~

Горожане работали все вместе, и к вечеру две конюшни были восстановлены. Решили сосредоточиться сначала на конюшне, ведь жители могли бы и дальше жить в замке, а вот животным в этом странном и роскошном месте было слишком тесно и неудобно. Налетчики привыкли делить жилье со скотом; это иногда помогало согреться в суровые зимы. Но народ Эстландии, по крайней мере, этой его части, жил в крошечных хижинах рядом с помещениями для скота. Многие конюшни казались более удобным, чем дома.

Решив работать так долго, как позволит переменчивый зимний свет, мужчины перешли к следующей крыше. Бренна и Астрид с Харальдом, и Тордом, и несколькими крестьянами направились обратно в замок. Они должны были вернуть обратно в деревню увезенных из нее животных, а мужчины остались бы здесь, чтобы позаботиться о них.

Чувствуя себя донельзя уставшей, Бренна была рада, что едет в замок. На Фрейе она могла немного отдохнуть и собраться с силами, готовясь к обратному пути. В ожидании остальных она сделала несколько длинных глотков из меха с водой.

Они ехали рысью, но не гнали, сохраняя устойчивый темп, но не так быстро, чтобы не иметь возможности поговорить. Бренна поняла, что она действительно сильно отстает от других в изучении языка Эстландии. Хотя их группа состояла и из налетчиков, и из жителей, звенела дружеская болтовня, одни рассказывали анекдоты, другие смеялись. Даже Астрид, казалось, понимала, что говорят вокруг. Но Бренна могла лишь уловить пару слов там, пару слов здесь, и смысл шутки ускользал.

Но все же она обнаружила, что улыбается, как будто заразившись хорошим настроением от остальных. Она чувствовала себя немного одиноко, не понимая шуток, и, это задело ее больше, чем несколько месяцев назад. Она решила, что надо поговорить с Ольгой и попробовать еще раз.

Уже на полпути к замку, Бренна вдруг почувствовала себя совсем плохо. Она решила, что дело в еде, а потом мир вдруг резко сместился в сторону, как корабль во вспененном море. Повинуясь инстинкту, она сжала ноги и потянула поводья на себя. Фрейя попыталась воспротивиться этой непонятной ей команде, а потом Бренна почувствовала себя пушинкой и, потеряв равновесие, упала на землю.

Взрыв боли в голове от удара о снег был последним, что она запомнила.

~oOo~

Открыв глаза, Бренна поняла, что лежит в кровати, которую она делила с Вали.

Комната была залита золотым заревом огня. Стояла ночь. Вали сидел на стуле рядом с ней, глядя через кровать на яркий большой огонь. В комнате было уютно и тепло.

Ее голова ужасно болела, и Бренна подняла руку, чтобы прикоснуться к месту, которое болело больше всего. Она нащупала большую шишку, мягкую и твердую одновременно. Она, должно быть, ударилась о камень под снегом, когда упала с Фрейи.

Ее движения встревожили Вали, который оставил свой стул и сел на кровать рядом с ней.

— Бренна. Моя любовь. Как ты?

— Голова болит. И мое эго тоже. Я не падала с лошади уже много лет. Прости, что напугала. Это была всего лишь кочка.

Он улыбнулся и поднял ее руку к губам, провел по бороде костяшками ее пальцев и поцеловал их.

— Бренна. Ольга считает, что ты носишь ребенка.

Голова болела, Бренна чувствовала себя странно. Она услышала его слова и поняла их, но они для нее были чужими.

— Что?

— Она спросила, когда в последний раз ты теряла кровь. Я сказал ей. Чувствительность груди, отсутствие голода, обморок — Ольга говорит, что это признаки того, что в тебе есть ребенок.

— Что? — это было единственное слово, которое пришло ей в голову.

Он склонил голову.

— Любимая, ты удивлена? Я сеял свое семя внутри тебя каждый день, часто и не раз. Ты не думаешь, что мы могли сделать ребенка?

Она не думала. Такого никогда не происходило с ней, даже в мечтах. Давным-давно Бренна оставила мысль о том, что узнает любовь, станет женой или матерью, и эти понятия просто растворились в ее сознании. Даже свадебный обряд, даже подарки для будущих детей казались какими-то абстрактными, были просто частью ритуала, а не ее жизни. Она никогда не думала и не говорила о детях.

— Я никогда не думала, что смогу. Я уже рассталась с надеждой на это.

Он нахмурился и коснулся рукой ее щеки.

— Ну, так верни ее обратно. Ты заслуживаешь счастья, и у тебя оно будет. Ты носишь моего ребенка, Дева-защитница. Боги улыбаются нам, мы им нравимся.

Бренна залезла руками под мех и сложила ладони на свой живот. Спальное белье было таким тонким, что она могла чувствовать свою кожу.

Ребенок. В ней ребенок Вали.

— Я хочу, чтобы у него были твои глаза.

Руки Вали накрыли ее руки сверху.

— Ты уверена, что родишь мне сына?

Она была уверена. Хотя не знала, почему, но разум давал однозначный ответ. Она носила сына.

— Да. Откуда-то я это знаю.

Ее муж ухмыльнулся гордой ухмылкой.

— И он будет сильным и совершенным, и у него будут свои собственные глаза.

Бренне понравился этот ответ, и его мысли, очень понравились.

— Когда?

— Ольга говорит, к середине лета. Корабли уже вернутся к тому времени, но мы подождем, пока он не родится, а уж потом отправимся домой.

И тут, как удар молнии, Бренну настигла еще одна определенность.

— Вали, я не хочу уезжать.

Настала его очередь быть в замешательстве.

— Что?

— Все хорошее, что произошло в моей жизни, произошло здесь. Я хочу остаться —

чтобы поселиться здесь. Чтобы сделать это место домом.

Его руки покинули ее живот, он уставился на нее.

— Бренна, я — воин. Я ничего не знаю о сельском хозяйстве.

— Я знаю сельское хозяйство. И твой отец был кузнецом. Ты был когда-то его учеником.

Хмурое выражение на лице Вали превратилось в оскал, он резко встал и отошел на пару шагов прочь, к краю постели.

— Ты знаешь, каково это было. Я не хочу даже думать о нем. Я работал целую жизнь, чтобы о нем забыть, и ты делаешь мне больно этим напоминанием.

Она погорячилась.

— Я сожалею, — Бренна протянула руку. — Пожалуйста, вернись.

Он тут же вернулся и улегся на другой стороне кровати, рядом с ней, приподнявшись на локте.

— Разве мы не можем жить среди своих?

— У меня нет своих, Вали. Но здесь ко мне относятся, как к равной. Даже те, кто знает меня много лет, сейчас называют меня Бренна, а не Око Бога. Я знаю, что это из-за тебя, но теперь мне кажется, что они и сами уже так не думают.

Она откинула мех и накрыла живот руками, изучая эту часть своего тела, как будто могла увидеть ребенка внутри.

— Я боюсь, что наш ребенок будет нести мое проклятие. А так и будет, если мы станем жить среди тех, кто считает меня другой.

Снова подняв глаза, она повернулась к Вали, чьи глаза были устремлены на ее живот. Из-за боли в голове она не могла повернуть шею, так что пришлось позвать Вали по имени, чтобы он поднял на нее взгляд.

— Быть другой тяжело. Я бы не хотела такой жизни для нашего ребенка.

Его глаза долго изучали ее лицо. Наконец, он вздохнул и покачал головой, и Бренна почувствовала искру страха.

— Я не могу отказать тебе ни в чем, моя Бренна. Я научусь быть фермером.

Облегчение и счастье пронеслись через нее, оставив после себя тепло в душе.

— Спасибо. Я люблю тебя.

Она улеглась обратно в кровать и закрыла глаза.

— Нам придется трудно, если мы хотим обустроиться здесь, в Эстландии, — сказала она вздыхая.

Тьма медленно обволакивала ее. Вали устроился рядом и притянул ее ближе. Положив руку на живот Бренны, он поцеловал ее в щеку и прошептал:

— Хватит говорить. Отдыхай, мамочка. Будь сильной и здоровой.

Глава 10

Яан набросился на Вали, и тот опустил меч вниз с такой силой, что он отскочил от щита юноши. Щит с грохотом упал на каменный пол, и Яан замахал руками.

— Еще раз!

По команде Вали Яан фыркнул и потянулся за длинным мечом на поясе. Вали ударом выбил его из рук Яана и атаковал, успокоившись только тогда, когда меч ткнулся Яану под ребра.

— Теперь ты мертв. Подними его.

Когда Яан пробурчал себе под нос слова, которых Вали не понял, тот выпрямился в полный рост и расправил плечи. Теперь он был почти на голову выше Яана. Спину немного потянуло, но Вали знал, что дискомфорт под шрамом от раны будет всегда, и проигнорировал это.

— Подними его, — он говорил на языке Эстландии, хотя Яан наверняка понял, что

было сказано, еще в первый раз.

Он заметил, что налетчики и селяне проводят вместе все больше и больше времени, устав от мерзкой погоды за окном. Разговаривая, и те и другие учились языку, запоминая слова и выражения.

Оценив внушительность Вали, Яан сглотнул, нахмурился и поднял свой меч. Вали сдержал улыбку. Мальчик уже был свирепым воином, но был еще не сдержан, и Вали доставляло удовольствие ставить его на место.

Вокруг них тренировались другие мужчины, и от каменных стен зала то и дело отражался лязг кованого железа. Они отодвинули к стене большой дубовый стол и устроили в зале что-то вроде площадки для тренировок. Теперь, когда снег навалил вдоль стены замка, только те, у кого на улице была важная работа, покидали замок.

Внутри было тепло и удобно. Многие из тех, кто тренировался, включая Вали и Яана, сбросили туники, и пот стекал с их обнаженных тел.

Вали протянул руку и сжал пальцы, давая понять Яану, что можно снова напасть. На этот раз, однако, прочитав по напряжению мышц тела Яана его намерение двинуться вперед, он крикнул:

— Стой! — и Яан замер прямо перед ним, держа меч двумя руками. — Ты что, принц Владимир, решил тут станцевать мне танец алого плаща?

Он надеялся, что сказал все правильно.

И, должно быть, да, потому что Яан поморщился, пытаясь одновременно изобразить на своем лице две противоречивых эмоции: глубокое презрение и браваду.

— Я не он.

— Тогда почему ты двигаешься, как будто пришел танцевать перед гостями? — Вали похлопал по мечу Яан своим собственным. — Когда ты держишь меч таким образом, я могу заблокировать тебя здесь, — он ткнул своим мечом под клинок Яана, — и здесь, — он сделал это снова, ткнув в другое место, — и здесь, и здесь, — Вали коснулся мечом руки Яана, — и здесь.

Вали направил кончик меча на голое запястье Яана, не касаясь его кожи.

— И ты больше не воин.

Вали поднял свой меч и указал пальцами на кончик лезвия. По обычаю его народа кончик был слегка зауженным, почти округлым.

— Смотри. Такое лезвие не сможет причинить кому-то вреда. Не... — он искал слово, — коли, но руби.

Чтобы проиллюстрировать это, Вали развернул лезвие и разрубил воздух медленной, но мощной дугой.

— Никто не устоит. Взмах должен идти сбоку, а не сверху. И сможет тебя защитить.

Яан скривился и покачал головой. Он ответил Вали на его языке.

— Вы не используете щит.

— Нет. Но я — Ульфенар, и я тренировался и много сражался.

— Что делает твоя плоть сильнее, чем моя?

— В меня труднее попасть.

Яан ухмыльнулся.

— Твоя спина свидетельствует о другом.

Не поддавшись на намек по поводу своего ужасного шрама, но, не желая упустить момент и оставить его без ответа, Вали взмахнул мечом снова, быстро и тихо, на этот раз направив клинок в шею Яана. Он позволил клинку коснуться кожи, прежде чем отстраниться, оставляя тонкий красный порез возле уха этого самоуверенного малолетки. Удар застал Яана врасплох, на лице парня отразился шок и страх, и он выронил свой меч, даже не пытаясь заблокировать атаку.

«Жестокий и глупый, как и большинство молодых людей». Вали покачал головой.

— Ты не готов, щенок. Я бы сегодня убил тебя много раз. Слишком много, — Вали подошел ближе и схватил Яана за промежность, заставляя его захрюкать от боли. — Тебе

не хватает кое-чего тут, — он отпустил парня, сжал кулак и постучал по голове. — Это убьет тебя.

Яан отскочил от него и подобрал свой меч, на этот раз держа его правильно, под углом, готовый блокировать удары или рубить. Он снова хотел бороться. Парень был зол и смущен, но он учился. Придержав ухмылку, Вали рыкнул и кивнул.

— Давай же, парень, покажи мне.

Все вокруг тренировались и подначивали друг друга на протяжении большей части дня; затем, когда все устали, женщины-служанки принесли воды, и все уселись в креслах или на полу, чтобы отдохнуть. Вали смотрел на мужчин, которые смотрели на женщин. Многие из оставшихся в замке налетчиков были жестоки с пленными, но некоторые медленно оттаивали и уже даже воспринимали их как равных, а не как рабов. Когда лидеры поняли, что Владимир обращался со своими подданными, как с рабами, они решили, что самый верный способ прожить мирную зиму и, если придется, отразить нападение других сюзеренов Владимира — это сделать селян союзниками.

И у них получилось. Но это означало, что женщины не обязаны подчиняться прихоти налетчиков, и паре человек пришлось напомнить об этом, когда они забылись. Сейчас, когда прошло несколько месяцев с момента захвата замка, разделение между группами практически сошло на нет. Даже языковой барьер практически был преодолен.

Не для Бренны. Она долго боролась с языком, и, по мнению Вали, ее навыки практически не улучшились, несмотря на все ее усилия. Усилия и неудачи сделали ее нетерпеливой и вспыльчивой.

Вали тоже не терпелось. Она хотела сделать этот дом своим. И значит, должна научиться говорить на языке этого народа.

Вали сидел в высоком деревянном кресле у камина, глаза его бесцельно сканировали зал. Он увидел свою жену, стоящую в дверях, и ощутил мгновенный прилив вины, как если бы она застала его за плохими мыслями о ней. Их глаза встретились, и она улыбнулась, и он был просто ослеплен.

Несколько месяцев назад они узнали, что она носит ребенка. С тех пор Бренна изменилась. Она проводила больше времени с женщинами, обучаясь или вспоминая то, что должна уметь жена: ткачество, приготовление пищи и домашние дела. Она даже попросила Ольгу помочь ей с целительством. Словно, наконец, позволила своей женской натуре выйти наружу.

Всего неделей ранее Бренна ошеломила его появлением в зале в платье и хангероке, ее волосы были закручены в мягкие мелкие косички (*Прим. Хангерок — деталь женского костюма, напоминающая сарафан*). Только в день своей свадьбы он видел ее в платье. Она объяснила, что в бриджах уже неудобно; ее живот слишком сильно вырос.

Вали не возражал. Он находил ее привлекательной и в мужской одежде, обтягивающей ее стройные мускулистые ноги, но женская одежда оказалась гораздо удобнее. Когда страсть настигала их в течение дня, не требовалось бороться со шнуровкой на бриджах и завязками — Вали просто задирает ее юбки и, отдавшись страсти, вонзался в нее в тот же миг.

В последнее время это было весьма полезно. В последние недели, отправившись от слабости и болезни, что мучила ее с тех пор, как они узнали о ребенке, Бренна стала ненасытной. Она была восторженной и чуткой той ночью, когда он впервые взял ее, и всегда была готова к экспериментам, но в последнее время, казалось, получала удовлетворение, только если он держал ее в постели день и ночь. По правде говоря, он уже немного... утомился.

Вали сначала решил, что лучше и безопаснее отказаться от физической любви, пока их ребенок не родится, и в течение нескольких недель, пока она чувствовала себя плохо и постоянно падала в обморок, Бренна соглашалась.

А однажды ночью он проснулся оттого, что она схватила его и пыталась направить в себя. Она даже не потрудилась разбудить его — и после того, как освобождение накрыло

Бренну, ему пришлось схватить ее за бедра, чтобы не дать ей уйти, прежде чем он сам достигнет пика. Он не был уверен, что она вообще проснулась. Ей было нужно, и она взяла то, что хотела.

Настал рассвет, и Бренна снова захотела его и потребовала от него близости. Вали поговорил с Ольгой, опасаясь, что мог ранить ребенка. Но Ольга только посмеялась над ним и велела ему продолжать.

И они продолжали.

Все еще улыбаясь, Бренна шагнула в комнату и направилась к нему через толпу вспотевших мужчин. Небольшую округлость ее живота закрывал синий шерстяной хангерок, завязанный теперь свободнее, чем раньше. Вали часто ловил себя на том, что стоит, уставившись на ее живот. Его ребенок растет внутри его жены. Их любовь увековечена.

Она шла к нему, будто бы по делу, ее глаза не отрывались от его лица. Приблизившись, Бренна подошла к нему вплотную, почти оседлав, ее хангерок и платье чуть задрались, обнажая ноги и ботинки.

В целом, их люди не стеснялись близости и ласки. Они жили в общине друг с другом, все всех знали. Крошечные хижины Эстландии показались им смешным, а запирающиеся комнаты замка — причудливыми. Им не нужно было личное пространство.

Бренна, его когда-то одинокая и подозрительная жена, была заметно более ласкова с ним на людях, но она никогда не демонстрировала это так откровенно. Все в зале заметили это. Большинство просто проводило Бренну взглядом, но даже не попытались поймать взгляд Вали через ее плечо.

Вали сидел в шоке, пытаясь поймать ее взгляд, пытаясь что-то понять. Он сразу стал твердым, но не собирался брать жену на стуле посреди хорошо освещенного зала, с двумя десятками потных мужиков, слоняющихся вокруг них. То есть, не собирался позволять ей взять его, если быть более точным.

— Бренна?

Она наклонилась и лизнула его грудь, продвигаясь вверх по его плечу, по шее, к уху.

— Мне нравится вкус твоего тела после работы.

— Бренна.

На этот раз он застонал. Она продолжала извиваться на нем, и вскоре ему точно не останется другого выбора, кроме как взять ее прямо здесь. Он мог чувствовать тепло ее тела через бриджи, и его тело хотело ее так же сильно, как она хотела его.

— Ты мне нужен, — она дышала ему в ухо. — Я хочу.

Она наклонила голову и прильнула к его шее, уткнувшись лицом в бороду. Вали не удержался и откинул голову назад. Обхватив ее за ягодицы, он поднялся, но как только Бренна почувствовала его движение, она обхватила мужа руками и ногами и оказалась сидящей у него на руках.

Стараясь не замечать реакцию окружающих — а она варьировалась от задорного свиста до шока — он пронес Бренну через зал и вышел прочь.

~oOo~

Добравшись до комнаты, он опустил ее и закрыл дверь. Она погладила его спину, когда он отвернулся, и ухватила за шнуровку на бриджах, когда посмотрел на нее.

Смеясь, он поймал ее руки. Она была словно не совсем в себе.

— Что нашло на тебя, Дева?

Бренна опустила руки и посмотрела на него.

— Я не знаю. Я чувствую, чувствую днем и ночью, что хочу быть рядом с тобой. И сейчас, увидев тебя на тренировке, увидев твое тело... — ее щеки покраснели, и она сделала шаг назад. Вали быстро ухватил ее за руки, не давая уйти. — Думаешь, это... одержимость?

Он не стал напоминать ей, что, судя по разговорам, ее странные глаза означали, что она может быть одержима богами в любое время.

— Ты одержима только нашим ребенком. Старшие говорят, что это не так уж и необычно.

— Ты говорил обо мне с другими? Об этом?

— Любовь моя, они заметили.

Покраснев до корней волос, Бренна хотела отстраниться, но Вали удержал ее.

— Нет никакого позора. Я рад, что ты хочешь меня так, что показываешь это окружающим. Но сейчас я хочу сделать все медленнее. Если сначала я наслаждался, задирая твои юбки и овладевая тобой где-нибудь на лестнице, то сейчас я бы полежал с тобой в постели.

Уголок ее рта дернулся вверх.

— У нас есть время?

Настала его очередь колдовать над ее шнуровкой.

— У нас есть время.

Ослабив ее хангерок так, чтобы его можно было снять через голову, Вали повернулся и шагнул назад к своей кровати. Бренна остановилась, сопротивляясь его требованию. Он склонил голову набок.

Прежде чем Вали успел спросить, она сказала:

— Я хочу...

Не пытаясь привлечь ее ближе, он шагнул вперед.

— Чего ты хочешь, жена? Я не могу тебе отказать.

— Когда я сидела на тебе в зале. Я чувствовала твои ноги, и я...

— Да? — он все еще мог чувствовать ее вес на своих бедрах.

— Я могла чувствовать тебя. Ты прижимался ко мне.

Тело Вали сжалось при воспоминании об этом, и он застонал и обнял жену за шею, положив руку на ее затылок под заплетенными волосами. Он наклонился и впился в ее рот, найдя язык. Бренна положила руки ему на плечи и вцепилась пальцами в мышцы.

Когда они начали задыхаться, он отстранился достаточно, чтобы спросить:

— Ты хочешь объездить меня?

Она кивнула.

— Мы можем? На стуле?

— Конечно. Но я хочу, чтобы ты была голая. Я хочу чувствовать тебя.

Широко улыбаясь — и дня не проходило, чтобы Вали не исполнял своего обещания даровать ей счастье — она сделала шаг назад и сняла хангерок через голову. Она делала это медленно, не отводя глаз. Потом настала очередь сапог. Деталь за деталью Бренна снимала свою одежду, и он смотрел на нее, и она смотрела, как он смотрит, будто устраивала ему представление. И вот она осталась совсем голая, и коса легла на ее обнаженную грудь.

— О боги, жена. У меня все ломит из-за тебя.

Жестом, который стал для нее привычен, Бренна опустила взгляд ниже и положила руку на небольшой холмик своего живота. Вали знал этот взгляд, это приятное чувство покровительства и преданности своему ребенку. Это было так сексуально, что он застонал.

Она повернула к нему лицо.

— У меня тоже все ломит, Вали. Садись.

Он стащил сапоги и бриджи и сел на деревянный стул с высокой спинкой. Огонь на день приглушался, и в комнате было холодно, но он был настолько горячим от желания, что едва ли это имело значение. Вали похлопал себя по голым бедрам, и Бренна уселась на него, обняв одной рукой за талию, чтобы держаться, пока устраивается поудобнее. Она была горячей и влажной, всегда готовая для него, и Вали закрыл глаза и зарычал, когда ее тело приняло его.

Она застонала, откинув голову назад. Ее коса упала с плеча на спину, и он схватил эту шелковую веревку и обернул ее вокруг кулака. Вали подался вперед, оттягивая Бренну назад, так что он мог вкусить плоть ее горла, ее грудь, ее соски.

Склонившись над ней, Вали почувствовал, что ее живот прижался к его животу, их сын оказался между ними. Скоро живот Бренны будет слишком большой, чтобы они могли соединяться так, лицом к лицу. Мысль об этом разгорячила его кровь еще больше, заставила его желание видеть ее целиком разгореться сильнее.

Бренна олицетворяла собой удовольствие — удовольствие, которое только он ей мог дать. И теперь, когда желание ее стало почти невыносимым, она была похожа на дикого зверя. Слышать, как эта женщина, его жена, еще неопытная и такая невинная, стонет и рычит под ним, видеть, как ее тело извивается от страсти, как дрожат в оргазме ее мышцы, видеть ее прекрасное лицо таким сосредоточенным и восхищенным, ощущать запах ее возбуждения, узнавать ее вкус, ощущать ее тело, сжимающееся вокруг него, обхватывающее его — Вали имел гораздо больше опыта, чем она, но он никогда не чувствовал ни с какой другой женщиной столько огня, сколько с Бренной. Этот огонь горел глубоко в его разуме. В его душе.

Именно он хотел не торопиться и смаковать момент, но теперь уже Вали не был настолько уверен, что справится лучше, чем она. Со стоном поражения он поймал ее грудь губами и стал сосать, втягивая сладкую плоть в рот, стал потягивать ее сосок зубами, хорошо зная, как она отреагирует. Не могло быть неторопливости, когда он овладевал ей таким образом.

Она неистово выгнулась назад с громким стоном, а затем отпустила себя. Ее руки впились в его плечи, и движения стали быстрее. Она стонала на каждом выдохе, двигалась все быстрее, пока ритм не стал настолько быстрым, что Вали уже не мог себя сдерживать.

Каждый толчок был глубже, приближал его к финалу, но она, казалось, еще не была готова отпустить себя. Потребовались все его силы, чтобы не излиться.

— Бренна! — выдохнул он. — Пожалуйста!

Она резко остановилась и замерла, глядя на него сверху вниз, тяжело дыша, ее лицо покраснелось и сияло, ее коса красиво растрепалась. Глядя на него своими чудесными глазами, она провела ладонью по его лицу, прошла пальцами по бороде.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

Он улыбнулся.

— И это самая удивительная вещь в моей жизни.

— Дай мне увидеть наши звезды.

Так она описала ему свое освобождение, и Вали был очарован, как всегда, ее сладкой невинностью.

— Держись за меня, Дева. Я принесу тебе все звезды, которые есть на небе по воле богов.

Когда Бренна обняла его, он подался вперед, скользнул руками под ее бедра, а затем встал. Движение вогнало его еще глубже, и он крикнул от усилия сдержать свой финал.

Бренна ахнула, и ее глаза вспыхнули.

— Чувствуй себя свободно. Позволь мне вести нас.

Она кивнула, и Вали почувствовал, как Бренна глубоко вздохнула и расслабилась. Он поднял ее чуть выше и опустил вниз, медленно, одновременно раскачивая бедрами. В Бренне вспыхнул огонь, и Вали понял, что она близка. Это освободило его от необходимости сдерживаться, и он сдался страсти. Их тела яростно соединились, и комната наполнилась криками, когда они оба одновременно пришли к освобождению.

Обессилев, Вали уже не мог держаться на ногах, и едва успев осторожно уложить Бренну, рухнул рядом с ней. Он положил свою руку на ее вздымающийся от дыхания живот.

Бренна посмотрела на его руку.

— Интересно, что он думает о нас.

Вали хмыкнул и наклонился, чтобы прижать губы к выпуклости, в которой жил его ребенок.

— Что он приходит в семью, полную любви, и сделает ее еще полнее.

~oOo~

— Если зима не кончится, боюсь, к лету у нас будет много круглых животов, — Леиф вздохнул и отвернулся от помоста в конце зала.

Там юный Харальд и Стэн оказывали восторженное внимание миловидной молодой деревенской женщине, чьи груди были оголены, а юбки — высоко задраны, и которая, судя по звукам, явно не возражала против такого внимания.

Леиф, Вали и несколько других мужчин отдыхали перед очагом в комнате с помостом. Они не смогли понять назначение комнаты, и никто из жителей села не понимал его. В ней стоял резной стол со странной маркировкой. Теперь тут развесили меха и положили коврики и сделали удобное место, чтобы отдохнуть и побеседовать. Меньше, чем в главном зале, чтобы легче было обогреть, но очаг был большой и гостеприимный. Этот зал превратился в помещение, куда люди могли прийти, расслабиться и насладиться компанией. Вали тут чувствовал себя в большей степени дома, чем где-либо еще в Эстландии.

Пожалуй, еще только в комнате, которую Вали делил с женой, он ощущал себя как дома. Больше нигде.

Живот рос, и Бренна начала быстро уставать и раньше ложиться спать. Он позволял ей уходить в комнату одной, чтобы она могла поспать. Если он поднимался в комнату с ней вместе, спать они сразу не ложились. Ее интерес к их близости оставался неизменным.

Хотя зима была на исходе, она не потеряла свою силу. Еще один ураган нагнал снега почти по колено. Сугробы вокруг замка достигли окон на втором уровне. Мужчины прорыли коридоры на всем пути в деревню, так что смогли передать припасы для тех из них, кто занимался скотом. Каждая смена, таким образом, могла в любое время прийти в замок и провести несколько дней в тепле в комфорте.

Не занимаясь работой или тренировками, не ремонтируя крыши, провалившиеся от нанесенного снега, люди скучали и грустили. Кто-то напивался от безделья и занимался любовью с женщинами, оказывающимися под рукой.

Женщинам было гораздо менее скучно, ведь они постоянно были загружены готовкой, наведением чистоты и порядка, но кажется, они совсем не возражали против оказываемого им внимания.

Услышав слова Леифа, Ольга, стоявшая у огня, бросила на него через весь зал свирепый, мрачный взгляд. Вали удивился, заметив, как Леиф поймал ее взгляд и смущенно отвернулся. Ольга собрала свои юбки и в гневе прошествовала к помосту, поймала за руку молодую женщину и потащила ее подальше от поклонников, прочь из комнаты.

Вали увидел, как Леиф проследил за Ольгой взглядом. Он знал, что они проводили вместе время; она научила Леифа языку эстландцев, и он помог ей усовершенствовать ее знания. Ольга отвечала за замок, поэтому она часто говорила с теми, кого назначили в лидеры. А теперь Вали задумался, было ли в их отношениях что-то большее, чем просто дружба и сотрудничество.

— Ты и она?.. — он позволил словам повиснуть в воздухе.

Леиф покачал головой.

— Нет. Она замечательная и красивая женщина. Мне она нравится. Но мы скоро уедем, уже через пару месяцев, и я бы не взял ее, чтобы потом отшвырнуть прочь.

Было что-то еще в голосе Леифа, и Вали промолчал, ожидая, пока тот скажет.

Он сказал. Глядя на огонь, Леиф добавил:

— Я хотел попросить ее вернуться со мной, но она слишком хрупкая для нашего

мира.

— Хрупкая? Ольга?

Она была небольшого роста, да. Но Вали видел, как она сунула руки глубоко в живот человека, чтобы закрыть кровоточащую рану. Она пережила весь ужас их лагеря для пленных и сделала себя неотъемлемой частью их жизни.

Она была равной для них — более того, она была их другом. «Хрупкая»? Вали так не казалось. Не более хрупкая, чем Бренна.

— Ее кости, как у птички. Когда я обхватываю ее руку своей рукой, то чувствую, что могу ее просто сломать. Она не создана для нашего мира.

В голосе Леифа звучало сожаление, которое тронуло Вали. Он подумал о том, как бы стал чувствовать себя, если бы расстался с Бренной — даже если бы они расстались до того, как она стала его женой.

— Ты можешь остаться здесь, с ней.

Леиф повернулся к Вали, хмурясь.

— Нет. Эйк не откажется от опытных налетчиков. Он привезет крестьян, чтобы они поселились здесь, и он оставит младшего сына, чтобы править. Ульф, как мне кажется, умный, но слишком мягкий, чтобы сделать походы частью своей жизни. Своих воинов он послал, чтобы найти новые сокровища.

— Ты говоришь так, будто здесь только люди Эйка. Я здесь в интересах ярла Снорри, помни это. Я надеюсь на союз между нами.

— И если его не будет, то мы с тобой больше не друзья, — Леиф оглянулся на огонь. — И положение Бренны сложно в любом случае.

Ему не нужно было больше ничего не говорить, они постоянно обсуждали, как поступит ярл Эйк, когда узнает, что лишился своего Ока.

Вали кивнул; это была мысль, которая всегда таилась где-то в глубине его разума: он забрал у ярла Эйка его талисман. Она была уже не ручная зверюшка ярла. Теперь она была женой Вали. Он женился на ней и сделал ее беременной, и она будет носить его ребенка. Пройдут годы, прежде чем она снова сможет носить щит. А может, и никогда не сможет. Здесь, в Эстландии, она всегда может быть женой фермера.

И Вали — фермер. Любя Бренну, он хотел видеть ее счастливой любой ценой, но мысли о том, чтобы закончить свои дни, работая на ферме, беспокоила Вали. Сможет ли он сделать это место своим домом? Будет ли он доволен такой жизнью?

Они никому не говорили об их плане остаться здесь, и Вали был уверен, что такие новости лучше оставить недосказанными. Не все из отряда хорошо восприняли их дружеские отношения с жителями деревни, и Леиф был прав — их дружба балансировала на узкой кромке альянса между двумя ярлами, живущими за морем. А эти ярлы часто воевали. Весть о том, что два лучших воина решили оставить службу и осесть на вражеской земле, может создать проблемы. Сейчас, в сердце этой дикой зимы, только с природой стоило считаться. Они жили в мире, у них были друзья, дом. Его Дева обрела дом, и он не хотел рисковать этим без надобности.

Раздор придет. Они должны будут бороться за жизнь, которую хотели, за дом, который нашли вместе. Они оба знали это без слов. Но не сейчас, не сейчас.

Вали допил медовуху и отставил свою чашку. Он встал и положил руку на плечо Леифа.

— Увидимся утром. Мой друг.

Леиф кивнул, все еще глядя в огонь, и Вали пошел спать.

Он скучал по своей жене.

Глава 11

— Подтяни чуть потуже, или полотно не будет гладким, — Ольга положила свою руку под руку Бренны и подтолкнула ее вверх, побуждая ту сделать, как она предложила.

Бренна знала, как ткать. Ее учили, по крайней мере, несколько лет назад. Но она ненавидела это занятие. Ничто во всех мирах не было более скучным, чем стоять у станка и сплетать нити шерсти вместе. Она сосредоточенно работала уже много времени, а в результате получила лишь тряпку, которую вряд ли кто захочет надеть.

Женская работа была муторной. Бренна не возражала помогать в приготовлении пищи; это иногда могло быть интересным — и иногда даже физически трудно — и она чувствовала гордость, когда людям, которых она кормила нравилось то, что она готова. Но уборка и ткачество? Она бы променяла станок на меч с радостью.

Скорее бы кончилась зима, и они с Вали смогли бы начать планировать свою новую жизнь. Тогда у нее будет собственный дом и земля, чтобы работать, и ребенок, которого нужно растить. Теперь, в ловушке внутри мрачных стен замка, занимаясь уборкой и готовкой — и ткачеством для нужд сотни неблагодарных мужчин, Бренна стала часто выходить из себя.

Но она хотела научиться. Она знала, что ее дни в качестве воительницы уже сочтены. Пройдут годы, прежде чем она сможет оставить ребенка и уплыть в поход, а воевать дома, чтобы подвергать ребенка опасности, ей не хотелось. Она вышла замуж, и ее муж посадил в нее свое семя. Теперь она была женой, и вскоре станет матерью. Она хотела стать такой же славной матерью, какой была защитницей.

Но не могла притвориться, что это ей интересно.

Самое худшее было то, что она оказалась далека от обсуждений и планирования — о патрулях, о ремонте, о подготовке к лету. Никто не отказывал ей в праве занимать место в качестве лидера среди налетчиков, пока ее живот был плоским, но как только о беременности узнали Леиф, Орм, все мужчины — и даже Вали — перестали звать ее на собрания.

Когда она спросила об этом мужа, он посочувствовал — и остался непреклонен. Ее работа, по его мнению, заключалась в том, чтобы воспитывать ребенка. И желательно, сказал тогда Вали, сосредоточиться на изучении языка, раз уж она пожелала тут поселиться. Проблемы замка и деревни были уже не ее заботой. Говорить о делах должны были те, кто ими занимается.

И у нее не нашлось возражений. Она заняла свое место на кухне и в ткацкой.

Пока они работали, Ольга занималась с Бренной языком Эстландии и даже завершила ее, что обучение идет хорошо. Бренна не верила. Когда Ольга просила ее перевести слово, все удавалось, но, когда она попыталась понять разговоры женщин вокруг, понимала только половину из сказанного. В лучшем случае.

Ее разум не хотел знать больше слов, чем он уже знал. Родители рассказывали Бренне, что, когда она была маленькой, они боялись, что она вообще останется немой. Бренна заговорила лишь в четыре годика. И это лишь усилило убеждение людей в ее странности. Возможно, ей просто не давались языки.

Она толкнула ремизку (*прим. деталь ткацкого станка. Ремизка, перемещающаяся вверх или вниз, поднимает или опускает нити основы*) в порыве обиды.

— Я ненавижу этот станок!

— Скажи это на нашем языке.

Бренна одарила Ольгу взглядом воина, даже немного порычала, но та была непреклонна. Она просто ждала, с бесстрастным лицом.

Бренна знала, как на их языке звучит «ненависть».

— *Vihkan.*

— Скажи все, что ты сказала. Все.

— *Mavihkan...* — она понятия не имела, как называется на эстландском ткацкий станок. Наверняка слышала тут же, в этой комнате, десятки раз, но в голове слово не отложилось. — *Mavihkan... seda...*

— *Kudumismasin.*

Бренна изумленно уставилась на Ольгу. Как она сможет изучить язык, в котором такое просто слово, как «станок» превратилось в *это*?

Прежде чем она успела разъяриться — а в последнее время Бренна стала часто впадать в ярость — малыш резко пнул ее в мочевого пузырь, и она схватилась за живот.

— Ой!

Ольга тоже положила руки на живот Бренны.

— Он много движется сегодня.

Кивнув, Бренна улыбнулась, глядя на свой округлый живот.

— Даже больше, чем обычно.

Только несколько недель назад она почувствовала первые толчки малыша, но с тех пор ее живот стал заметно больше, а сын двигался все время. Даже Вали чувствовал.

— Я верю, что в тебе *мальчик* — его колыбель очень низко висит, — Ольга положила руку на талию Бренны и повела ее к двери. — Достаточно ткачества. Давай посидим на кухне. Я налью молока, и ты сможешь узнать больше слов. Если ты изучишь их, то никогда не будешь голодать.

— Все не так смешно, как ты думаешь, — Бренна хмуро посмотрела на подругу, и та ответила ей кривой ухмылкой.

— Как будет «смешно»?

Задумавшись на секунду, пока они шли к кухне, Бренна ответила:

— *Veider?*

Ольга рассмеялась.

— Может и так, если ты хотела сказать, что я не странная. *Naljakas* — это значит «весело».

— У вас так много слов, чтобы обозначать вещи.

— Именно потому мы всегда говорим именно то, что имеем в виду.

~oOo~

К вечеру от упражнений малыша у Бренны заломило спину, и она рано ушла на отдых, сразу после ужина, оставив Вали пить и смеяться с другими людьми. Она научилась получать удовольствие от компании других людей, и даже иногда шутила с ними, но все равно для нее еще трудно было чужое общество и суматоха. Всю свою жизнь она была в стороне, и хотя ей было очень одиноко, именно отстраненность Бренна понимала очень хорошо.

Здесь ее приняли. Здесь у нее были друзья, настоящие друзья, люди, которые искали ее общества и хотели побеседовать с ней. Люди, которые знали ее. Это было хорошо. Она была счастлива, впервые в жизни, по-настоящему счастлива. И вымотана. Ее настроение часто менялось — такого раньше не было. Ее мозг не мог справиться с энергией, которую она излучала.

Ольга сказала ей, что это из-за младенца, что она будет чувствовать себя лучше и спокойнее, когда разрешится от бремени. Бренна надеялась, что это так.

Она слышала смех внизу, и она бы с удовольствием присоединилась к остальным, тем более сейчас, когда она уже была просто Бренна, а не Око Бога.

Она помылась и переоделась в одежду для сна и расплела косы, когда дверь открылась, и вошел Вали. Как правило, ко времени его прихода она уже спала; иногда от него сильно пахло медовухой, и он просто падал в кровать и засыпал, пару раз погладив ее плечо.

Он не был пьян, и Бренна забеспокоилась, что что-то неладно.

— С тобой все в порядке? Я не думала, что ты придешь спать так рано.

Он подошел к ней и положил свои большие руки на ее живот.

— Ты, кажется, устала сегодня. Я волнуюсь. Все хорошо? — он погладил ее живот.
— Как он?

Его любовь и внимание немного смягчили ее бурное настроение. Накрыв его руки своими, она ответила:

— Хорошо. Я только... *väsinud*?

— Это хорошо! Не означает «устала», но это верное слово.

— Ты снисходителен, — она попыталась отстраниться, но он удержал ее.

— Нет, любовь моя. Я знаю, что язык — это сложно для тебя. Я рад, что ты стараешься. Ты устала из-за ребенка? — он перестал давить ей на живот. — Осталось не так долго.

— Ольга думает, что еще пару месяцев как минимум. Она отсчитывает с момента, когда я впервые почувствовала его движения. Два месяца — это долго.

Малыш пнул, как будто соглашаясь, и Вали усмехнулся и опустил на колени.

— Здравствуй, сынок. Будь добр к своей матери. Раста внутри нее сильным.

Он прижал губы к ее животу и втянул ткань ее белья в рот.

Она положила руки ему на голову.

— Вали, я хотела бы завтра прокатиться. Не далеко — только в деревню — и не быстро. Но снаружи, на воздухе.

— Нет, Бренна. И тебе, и ему это не пойдет на пользу. И зима была суровая. Ты в безопасности и в тепле внутри замка.

Он встал и повел ее к креслу возле огня. Хотя она и хотела бы говорить о деле лицом к лицу, все же рада была присесть. Вали пододвинул кресло ближе и уселся перед ней, держа ее за руки.

Однако она не сдалась.

— Зима уже почти прошла. Погода теплая. И бурь долго не было, и сегодня была оттепель. Мне будет тепло. Угрозы никакой вокруг нет. Я буду в безопасности. В тепле и безопасности. Мне надо выйти наружу, мне надо подвигаться. Я должна, или я сойду с ума.

— Оттепель сегодня значит, что назавтра будет лед. И как ты собралась садиться на лошадь в таком состоянии?

— Я не слабая.

— Я не говорю, что ты слабая. Я имею в виду, что у тебя будет ребенок.

Покончив с обсуждением, Бренна раздраженно фыркнула и выпрямилась.

— Мне не нужно разрешение, муж. Я свободна. Все, что мне нужно сделать, это дожидаться, пока ты уедешь из замка с охраной, а затем сделать, как захочу.

Он сбросил ее руки и резко встал.

— Нет, Бренна. Если ты будешь себя так вести, я приставлю к тебе охрану.

Она тоже поднялась, правда, гораздо медленнее.

— Выбери человека, который тебе не очень нужен, потому что он получит травму еще до заката. Ты не сможешь управлять мной.

— Зачем тебе так рисковать? Рисковать нашим ребенком? Собой? Вы оба - сокровище, Бренна. Разве ты не видишь?

— Я вижу, что заперта, что меня отправили к ткачихам, когда мое место рядом с тобой. Я вижу, что ты относишься ко мне, как к сосуду для нашего сына, а ведь раньше ты обращался со мной, как с воином и как с равной. Я вижу, что *ты* не видишь *этого*.

Чтобы подчеркнуть эти слова, она ткнула в его грудь пальцами.

Гнев исчез с его лица, Вали обхватил руками лицо Бренны.

— Я ничего такого и не думал. Я хотел только любить тебя и держать вас обоих в безопасности. Но ты знаешь, что голос на собрании отдают только те, кто участвует в деле, и ты знаешь, что не можешь — что ты *неспособна* — делать работу, которую ты

когда-то делала. У тебя есть теперь более важная забота. И еще ты знаешь, что для нашего ребенка и для тебя небезопасно скакать на лошади, учитывая твоё состояние.

Он был прав — она знала, что это так. Она хотела топнуть ногой, но он был прав. С удрученным вздохом Бренна сдалась и снова уселась в кресло.

— Прости меня. Я сегодня дерганная. Я действительно думаю, что схожу с ума.

Он снова уселся рядом.

— Ты не сходишь с ума, моя любовь. Мне сказали, что это из-за ребенка.

Она закатила глаза. Он со всеми о ней разговаривал.

Вали наклонился, как будто открывая ей тайну.

— Торд и Сигвальд едут завтра на санях в деревню, везут припасы. Хочешь прокатиться на санках с двумя молодыми глупцами? Достаточно ли этого будет, чтобы ты увидела мир и улучшила своё настроение?

Пока он говорил, Бренна счастливо заулыбалась. Радость распирала её грудь. Она обняла мужа.

— Да! Да, это было бы замечательно! Да!

— До сих пор ни дня без улыбки. Кажется, это на мне боги поставили свою метку.

~oOo~

Утро было ясным и холодным, и ночные заморозки превратили вчерашнюю оттепель в ледяное покрывало. Яркое солнце в безоблачном небе заставило снег искриться и слепить глаза. Красивый и ослепительный.

Они потеряли половину снежного покрова за один день, и река громко шумела, неся за собой свежий стаявший снег.

Вали, Леиф и несколько других мужчин планировали вскочить на своих бесстрашных лошадей и поехать на север, осмотреть границы владений ближайшего края — владений принца Тумаса. Они всю зиму старались не спускать с границы глаз, а с тех пор, как стало теплее, им следовало быть ещё более бдительными.

Бренна проснулась в прекрасном настроении, вдохновленная перспективой дня, проведенного на свежем воздухе. С тех пор, как она освободилась из рабства, она часто проводила зимы одна, в лесу. Этой зимой в ловушке внутри каменного замка, без дневного света или свежего воздуха, среди толпы других людей, и с животом, которые рос все больше, она чувствовала, что мир вокруг давит на неё даже больше, чем она сама это осознавала.

Короткая утренняя возня в постели — Вали взял её сзади, как зверь, и заставил её кричать, уткнувшись в меха, — и они присоединились к своим людям.

Теперь все лошади были подготовлены — одни взнузданы, другие запряжены в сани. Вали поймал Торда и Сигвальда, зажав их в углу, давал им указания, шутливым угрожающим тоном. Наверняка молодые люди будут просто в ужасе от перспективы получить от него нагоняй в случае, если Бренне в поездке будет неудобно.

Он тяжело хлопнул их по плечам, заставив обоих шагнуть вперед, а потом повернулся и подошел прямо к ней, но хмурая ухмылка с его лица никуда не делась.

— Будь внимательна, Дева-защитница, — сказал он, приблизившись и взяв её за руки. — Только поездка. Пусть щенки сами делают свою работу.

— Я поняла. Я не буду рисковать нашим ребенком, Вали.

— И все-таки ты решила поехать.

Она выпустила тяжелый вздох. Вали высказал свою точку зрения. Снова и снова.

— Я буду смиренно сидеть в санках, как беспомощная женщина, которой ты меня считаешь.

— Хорошо, — он улыбнулся, и она ответила ему улыбкой. Вали коснулся её скулы и добавил: — Счастливого дня, моя любовь. Дня, который принесет мир в твою душу. Я хотел бы иметь возможность присоединиться к тебе.

— Возможно, в другой раз.

— Возможно.

Она знала, что он смеется над ней, и что наверняка до рождения сына его вряд ли удастся уговорить на еще одну такую поездку, но не возражала.

Ей и так удалось выбраться из замка, а эти проклятые каменные стены она не увидит до вечера.

Он прижал ее к своей широкой руке и, подняв ее, усадил на сиденье возка. Устроив ее грузное тело поудобнее, он вытащил из кучи поклажи тяжелый мех.

— Я упаду в обморок от перегрева, — пожаловалась Бренна, когда он закутал ее ноги мехом.

— Если упадешь, то хотя бы отдохнешь, — он наклонился и поцеловал ее, обхватив лицо руками и глубоко погружаясь своим языком в ее рот, заставляя исчезнуть с ее губ и из ее разума любые протесты.

Она коснулась кончиком своего языка отметинки на его языке, как всегда делала, вспоминая их первую встречу. Он застонал и оторвался от ее губ, прижался лбом к ее лбу.

— Будь осторожна, мамочка. Моя любовь.

— И ты. Я люблю тебя.

Поцеловав ее в бровь, Вали отошел прочь, и оба бледных встревоженных налетчика выступили вперед, чтобы занять свои места по бокам от нее.

~oOo~

Хорошо запуганные Вали — что бы он там им ни сказал — Торд и Сигвальд обращались с Бренной так, будто она была сделана из стекла. Спешили к ней на помощь, стоило ей чуть сползти со своего сиденья. Они были необычно тихими. Бренна думала, что ее будет раздражать их безостановочная болтовня, но казалось, бок о бок с ней ехали две безмолвных статуи. Две слишком заботливых статуи. Несмотря на то, что она и сама предпочитала тишину, Бренне было неловко сидеть рядом с двумя обычно словоохотливыми мужчинами, которым нечего было ей сказать.

Поездка в деревню была не долгой; санки были удобными, и в них она могла совершать такое путешествие туда и обратно хоть трижды в день. Бренна решила притвориться, что она одна.

Она углубилась в свои мысли, пока тело наслаждалось красотой дня — яркое солнце, искрящийся снег, бодрящий мороз, а иногда даже пролетающие птицы — верный признак того, что злая зима уже уходит прочь, искать себе пристанище в другом месте.

Когда они добрались до деревни, Торд и Сигвальд стали больше похожи на себя. Их друзья держали в деревне животных, и встреча была веселой, хотя прошла всего неделя с тех пор, как они расстались. Они провели полдня у огня в маленьких хижинах, наслаждаясь скаузе, хлебом и медом (*Прим. Слово *scoise* является сокращением от *lobscouse* — названия дешевого мясного блюда, традиционной еды матросов Северной Европы*). Для Бренны, которая не могла пить медовуху из-за беременности, нашлось козье молоко. Хотя все мужчины относились к ней так, словно боялись сломать, они шутили и смеялись, и Бренна чувствовала себя довольной. Младенец вел себя спокойно в санках, но когда она уселась у огня, зашевелился и стал пинаться, словно тоже был доволен.

После трапезы мужчины принялись разгружать припасы. Бренна осталась у огня, пока Торд не пришел и не сказал, что пора ехать. Возвращаясь к саням, она чувствовала тоску. Хороший день так быстро заканчивается.

Поездка обратно, однако, была гораздо веселее. Торд и Сигвальд расслабились и подтрунивали друг над другом, словно забыли, что между ними в санях сидит женщина.

— Она хочет большего, мой друг. Она заслуживает большего.

— И ты думаешь, ты можешь предложить больше? Я видел твоего червяка, в морозы он прячется в животе от холода.

Сигвальд взял вожжи в одну руку, а мизинцем другой изобразил свернувшегося червяка.

Торд в ответ изобразил неприличный жест. Бренна усмехнулась, и они сначала удивились, а потом рассмеялись вместе с ней.

— Вы знаете меньше, чем думаете, о женщинах, если считаете, что только то, что висит у вас в бриджах, имеет значение, — сказала Бренна, ухмыляясь.

— Ах, Торд. У нас есть возможность узнать из уст Ока Бога о мудрости обращения с женщинами.

Бренна напряглась при звуке ненавистного имени, но не позволила себе это показать. Сейчас она слышала его совсем редко и знала, что Сигвальд назвал ее так в шутку. Поэтому она подняла бровь над правым глазом и позволила ему встретиться взглядом с Оком Бога.

Его глаза вспыхнули в испуге, и она пожалела о своей неудачной попытке присоединиться к шутке.

А потом мимо нее пролетела стрела и уткнулась в левый глаз Сигвальда. Он упал назад, вылетел из саней, не отпустив вожжи.

Испуганная телом Сигвальда, свалившимся прямо ей под ноги, лошадь вскрикнула и оступилась. Она попыталась обойти упавшего, когда стрела воткнулась ей в крестец, и лошадь снова закричала и взвилась на дыбы.

— Бренна! — Торд схватил ее за руку и попытался столкнуть вниз, на пол саней, но там ей было не спрятаться.

В катящихся санях для ребенка было не менее опасно, чем на глазах стрелков. Бренна боролась с хваткой Торда, а потом она вдруг ослабла — его тоже нашла стрела. Устрашающе толстая, она прошла через его грудь.

Он был еще жив, хрипел и дергался на полу саней. Бренна выхватила у него ножны, пытаясь не вылететь из саней, которые жестко трясло на ухабах, и вытащила меч.

Склонившись над передней частью саней, пытаясь защитить своего ребенка и не поднимать голову, на случай, если сани еще преследуют, Бренна начала резать жесткий кожаный жгут. Прежде чем она смогла разрезать даже первый ремень, в лошадь попали еще несколько стрел, и сани перевернулись, потом еще раз и упали на бок.

Бренну выбросило на снег, она тяжело упала на спину. Из ее тела хлынула жидкость и намочила ей ноги. Она пыталась поднять голову, чтобы посмотреть, кровь это или нет, но не смогла двинуться с места.

Она не могла двигаться. Даже дышать не могла. Она смотрела в ясное голубое небо и отчаянно пыталась заставить свои легкие работать. Они не могли быть далеко от замка. Если бы она могла кричать, они наверняка могли бы ее услышать, в этот светлый день, со снегом, достаточно жестким, чтобы оттолкнуть звук.

Когда она, наконец, смогла сделать один мучительный вдох, в поле ее зрения попал человек в доспехах. Он уставился на нее, а затем прицелился ей в голову из лука.

Бренна увидела, что он заметил ее живот и заморгал в растерянности. Держа стрелу на тетиве, он опустил лук. Она пыталась вспомнить нужные слова.

— Пожалуйста... не трогай моего ребенка, — выдохнула на своем языке. — *Palun! Laps.*

«Пожалуйста» и «ребенок» — единственные слова на эстландском языке, которые она смогла вспомнить.

Он снова моргнул. Затем мужской голос за ее спиной что-то прокричал — она не смогла понять ни слова — и мужчина над ней снова прицелился.

И на этот раз он выстрелил.

Глава 12

Патруль прошел без происшествий, как обычно, они не обнаружили никаких признаков вторжения людей Тумаса. День был прекрасный, светлый, ясный, достаточно холодный, чтобы снег не начал таять, как это было днем раньше, но не такой морозный, чтобы езда была опасной или неудобной. Их все устраивало.

Вали был в хорошем настроении. Бренна утром казалась воспрянувшей духом, ведь она с таким нетерпением несколько недель ожидала вылазки в деревню, и, хотя мысли о ней не давали ему покоя на протяжении дня, он был рад, что они нашли компромисс. Он надеялся, что она и малыш в порядке. Он строго-настрого наказал Торду и Сигвальду беречь ее ценой своей жизни.

Во второй половине дня, когда солнце начало опускаться, и на землю упал тяжелый холодный вечер, Вали, Леиф и остальные проскакали через ворота замка. Он сразу же удивленно заметил, что саней на месте нет. Они уже должны были вернуться. Возможно, задержка возникла потому, что сани перегружены.

Когда Вали спешился, Леиф позвал его:

— Вали.

Только одно слово. Вали повернулся туда, куда подбородком указал его друг, и увидел Орма, идущего из главного замка прямо к ним, выражение его лица было озабоченным. Трое мужчин шли за ним, вооруженные и одетые для верховой езды.

Что-то случилось.

— Мы готовим к отправке отряд, — сообщил старший мужчина, остановившись перед Вали и Леифом. Он поднял глаза на Вали. — Сани не вернулись.

Не дожидаясь объяснений, Вали прыгнул обратно в седло, за ним последовали Леиф и другие. Он развернул свою лошадь и пустил ее в галоп. Он слышал цокот копыт других всадников, но не обращал на них внимания. С ним они или нет, но он едет за своей женой.

Они наткнулись на Торда почти сразу же, как замок пропал из виду, и Вали моментально ощутил гнев от осознания того, что это может значить для Бренны.

Торд брел по снегу, таща за собой меч, оставляя за собой на снегу красную ленту крови. В его груди засела стрела, увидев Вали, он покачнулся и упал на снег.

Вали соскочил со своего скакуна и подбежал к нему.

— Что случилось?! Где она?! — потребовал он, падая на колени и хватая Торда за плечо.

Торд застонал и сплюнул кровь. Задышавшись, с трудом выдавливая слова, он ответил:

— Напали. Нужна... помощь. Она... она... дерево. На полпути дерево... закрыло ее.

Массивная сосна с толстым стволом отмечала половину расстояния к деревне.

— Она жива?! Торд, она жива?

В голове мелькнула видение: его жена лежит мертвая в снегу, утопая в луже собственной крови, и ребенок умер внутри ее. Они оба оставили его.

Его желудок сжался. Не понимая, что делает, не в силах облегчить свою боль, он сжал плечи Торда, и юноша издал слабый крик. Леиф, стоя на коленях рядом с Вали, положил свою твердую руку на его руку, но ничего не сказал.

— Да... когда я... ушел. Ранена, но жива. Не может двигаться. Сигвальд... Валгалла, — когда Вали вскочил на ноги, Торд махнул рукой и невнятно пробормотал. — Не... Тумас. Флаг... другого.

Торд закрыл глаза и больше ничего не сказал.

Иван. Они решили, что он слишком мал и слаб, чтобы бороться с ними, особенно зимой. Они обращали свое внимание и свои ресурсы на очевидную угрозу с севера, на княжество сильнее, богаче, и они оставили южный фланг открытым. Да, в последнее время они почти не ездили в ту сторону.

Среди оставшихся в Эстландии людей не было стратегов. Лидерами среди них были

те, за кем они шли во время боя, а не те, кто его планировал. Они выполняли приказы других людей. Из них всех Бренна была самый проницательный стратег, лучший планировщик. Она вполне могла бы увидеть их промах, но они не разрешили ей присутствовать на заседаниях, потому что она носила ребенка.

И в своей слепоте они подвергли ее в опасности. Ее и ребенка, которого она носила.

У Вали не было времени осознать всю иронию ситуации. Он кивнул и побежал обратно к своей лошади. Вскочив в седло, он услышал слова Леифа, обращенные к остальным:

— Они не напали на замок. Но, возможно, захватили деревню. Стэн, отведи Торда к Ольге. Орм, отведи остальных в деревню. Будьте готовыми к борьбе. Я иду с Вали.

Вали не ждал. Он вскочил на коня и поскакал.

~oOo~

Возле умирающей лошади и перевернутых саней Вали соскочил на землю, едва успев замедлить ход своего коня. Он заметил Бренну, она лежала неподвижно под мехом, которым он еще утром укрыл ее ноги, лежала рядом с деревом.

Он упал на колени, оказавшись рядом, и откинул меха. Она лежала, свернувшись в клубочек, и резко вздрогнула, когда он коснулся ее. Ее глаза открылись, она стала озираться вокруг.

Облегчение боролось в нем с беспокойством. Она была жива. *Она была жива.* Но в последних лучах заходящего солнца он мог видеть бледность и синеву ее лица — и она так долго пролежала на снегу.

— Вали?

— Я здесь, любовь моя. Я здесь.

— Помоги мне. Ребенок. Что-то не так.

Мех сдвинулся, соскользнув с тела Бренны, и Вали поднял взгляд на Леифа, который стянул его с нее.

Бренна лежала в окровавленном тающем снегу. Ее хангерок был жесткий от холода и темный от крови. Стрела вонзилась в землю недалеко от ее головы, но Вали не мог различить ни одной раны.

Ребенок. Кровь их ребенка. И тут Бренна сжалась и вскрикнула от боли. Звук был слабым, но длился и длился, и это продолжалось целую вечность. Осознание того, что его храбрая терпеливая жена-воительница кричит от боли, заставило желудок Вали сжаться.

Потом она остановилась, задыхаясь и пытаясь вдохнуть, и еще, и еще. Ее тело слегка расслабилось.

— Что-то не так, — в ее тоне он услышал мольбу о помощи.

— Мы должны отвезти ее к Ольге, — Леиф уже присел рядом с ними.

— Бренна, ты можешь встать?

Она покачала головой.

— Моя грудь. Что-то не так в моей груди. И ребенок. Что-то не так. Я думаю, что он хочет родиться. Но его время еще не пришло.

Вали понял, что она не знала про кровь.

— Я отвезу тебя к Ольге, — он скользнул руками под ее тело.

Когда он поднял ее, она закричала снова, тонко, как если бы сам крик причинял ей боль, и тонкая струйка крови просочилась из уголка ее рта.

Держа жену на руках, он встретил взгляд Леифа, и оба они, имея ту же мысль, повернулись к саням. Нет. Им потребовалось бы слишком много времени, чтобы освободить поводья умирающей — нет, умершей — лошади из упряжи саней. Ему придется вернуться в замок с Бренной на руках.

— Прости меня, моя любовь. Мне придется причинить тебе много боли, пока я буду везти тебя домой.

Она покачала головой.

— Неважно. Мне нужна Ольга. Она все исправит.

Леиф взял ее на руки, и Вали вспрыгнул в седло. Он наклонился, чтобы снова поднять ее на руки, и она снова издала этот слабый долгий крик, сжимаясь в его руках. Леиф держал ее, пока ей не стало легче.

Когда Вали прижал Бренну к своей груди, она потеряла сознание.

Леиф уселся в седло, и они повернули назад и помчались к замку.

~oOo~

Ольга встретила его на территории замка. Она была вся в крови — кровь Торда, как Вали догадался — но она подбежала к нему, когда он передал Бренну Яну, чтобы спрыгнуть с коня.

— В кровать! Прямо сейчас! — она не принимала возражений.

Взяв свою жену на руки, Вали кивнул и поспешил внутрь. Ольга шла следом, созывая женщин на эстландском языке. Слишком сосредоточенный на Бренне, тем не менее, Вали понял, что она просит принести одеяла и дает указания.

Оказавшись в их покоях, Вали уложил Бренну на кровать. Она не раз приходила в себя по дороге, ее тело сжималось, становясь как камень в его руках. Опустив Бренну на кровать, он присел рядом и отвел ее волосы со лба. Она была такой холодной, и кожа была цвета приглушенно-голубой смерти. Но она дышала. Он мог слышать это. Он мог видеть небольшие пузырьки розовой пены в уголках ее рта.

Женщины раздели ее, стащили с нее сапоги и нижнее белье. Пришла Ольга, вклинилась между Вали и Бренной.

Она отвела руку назад и ударила Бренну по щеке. Сильно. Затем снова. Вали вскочил на ноги и схватил ее за руки и толкнул к стене.

— Что ты делаешь?! Ей и так больно!

— Ребенок идет. Если она не проснется и не поможет ему, ты потеряешь их обоих.

Он смотрел на нее сверху вниз, смесь незнакомых эмоций заставила бурлить его кровь. Самой сильной из них, лишаящей его ощущения земли под ногами, был страх.

— Еще слишком рано.

— Именно, — Ольга кивнула, ее карие глаза твердо смотрели на него, и он услышал слова, которые она не стала произносить. *Его сын не выживет. Она пыталась спасти Бренну.* — Отпусти меня, Вали.

Он отпустил ее.

Она выпрямилась и вернулась к кровати. Не глядя на Вали, она сказала:

— Теперь иди. В этой комнате в это время нет места для мужчины.

— Я не оставляю их, — он сказал это так решительно, как мог. Он не бросит их.

Ольга развернулась и снова посмотрела на него.

— Очень хорошо. Может пригодиться. Ей плохо. Удерживай ее наверху.

Вали не нужны были наставления. Он кивнул и упал на колени у края кровати, взяв холодные руки Бренны в свои. Ее веки задрожали, и морщина боли пересекла ее лоб.

— Будь со мной, Дева. Ты отважна и сильна. Открой глаза.

Она открыла и повернула голову в его сторону.

— Что-то не так, — прошептала она, языком слизывая розовую пену на губах. — Неправильно.

— Бренна, — Ольга была рядом. — Когда почувствуешь боль, не борись с тем, чего хочет твое тело. Вали поможет. И я помогу.

— Ольга. Это неправильно.

Ее голос был так слаб, так тих, будто она уже говорила из-за пределов этого мира. Ее веки снова дрогнули, закрываясь, и Вали схватил ее за руку.

— Бренна! Останься!

Она закричала — слабый тихий крик, который передал всю глубину ее беспомощной, безнадежной боли. Ольга сказала:

— Вали, помоги ей сесть. Сейчас.

Он так и сделал, сдвинув руку под ее спину, но, когда он потянул ее вверх, она снова закричала.

— Ей же больно!

— Все это причиняет ей боль. Не обращай внимания и помоги ей. Бренна! Бренна, слушай меня. Тужься. Слушай свое тело, тужься!

Она подчинилась. Ее тело сжалось, ее брови сошлись в одну линию, и она дико закричала. Ольга с выражением глубочайшей сосредоточенности на лице засунула руку Бренне под юбку.

Когда Бренна снова расслабилась, Ольга вздохнула и покачала головой. Когда она отстранилась, ее руки были покрыты кровью.

Кровью Бренны. Или их ребенка.

— Вали, пожалуйста. Слишком поздно, у нас нет выхода. Она должна нам помочь. Разбуди ее.

Он смотрел на ту, которую держал в своих объятьях. Он терял ее. Но он не хотел, не мог ударить ее.

Поэтому он приложил свои уста к ее уху и заговорил с ней.

— Бренна, останься со мной. Будь сильной. Сражайся, воительница. Найди свою ярость и огонь и возьми их. Пожалуйста, — он вложил в ее руку меч и поднял его. — Подними свой меч и сражайся. Никакая боль не сломит Око Бога. Воительницу отца Одина. Боли тебя не сломить.

Пока он говорил, взрыв грома потряс каменные стены, и молния осветила трещины сквозь узкие окна, закрытые ставнями от холода.

— Боги видят нас, Бренна. Тор ответил нам. Давай же, делай то, что должна.

Она проснулась, заплакала и стала тужиться. Ольга наклонилась. Вали сходил с ума от желания взять на себя боль Бренны. Но это было невозможно.

Как и прежде, когда ее тело ослабло, Бренна почти потеряла сознание. Ее голова откинулась, и она расслабилась в его объятиях. Но в этот раз Ольга не отошла от нее, и две другие женщины подошли ближе. Они засунули руки под юбки его жены, между ее ног.

Он слышал слабый звук, похожий на крик мыши.

— Та hingab, — пробормотала одна из женщин, Анна.

— Он дышит? — Вали осторожно уложил Бренну и встал. — Он родился? Он живой?

Все еще занимаясь делом, Ольга сделала резкое движение одной рукой и кивнула Анне, которая забрала из ее рук какой-то кровавый узелок.

Затем Ольга посмотрела грустными глазами на Вали.

— Он живой, Вали, но не проживет долго. Он слишком мал и не сделан до конца. Но пока да, у тебя есть сын. Нет ничего постыдного в том, чтобы помочь ему избавиться от этой боли. Анна позаботится о нем.

Он не знал обычаи народа Ольги в таких вопросах, но знал, как поступают с такими детьми на его родине. Такой ребенок, рожденный неправильно или слишком рано, будет убит или вывезен в лес и оставлен умирать. Их мир был жесток и беспощаден в отношении уродства или слабости.

Но эта *боль*, о которой говорила Ольга, это его сын. Его первенец, который пока был жив. Он не откажется от него.

— Нет. Дайте его ко мне.

— Вали...

Он протянул руку.

— Дайте его.

Ольга кивнула Анне, которая с явным страхом на лице подала ему окровавленный узелок. Шнур, который связывал мать и ребенка вместе, свисал вниз, на конце его была завязана шерстяная нитка.

Казалось, Анна подала ему только тряпки, настолько мал и невесом был его малыш. Он уместился у Вали в ладонях. Комок зашевелился, и Вали прижал ее к груди, баюкая его с лаской, которую в себе не знал.

Такой маленький. Он отодвинул ткань и увидел крошечное, идеальное лицо и крошечные, идеальные ручки. Его кожа казалась полупрозрачной, и даже в свете факелов и свечей Вали мог видеть нити вен на маленьких руках и на закрытых глазках.

Маленькое личико сморщилось, и его сын издал еще один слабый мышинный писк. В то же время гром и молнии сотрясли небо. Гром и молния зимой — редкость. Человек, родившийся в такую ночь, мог бы рассказать свою историю. Возможно, это был знак, что его маленький сын сможет выжить.

— Тор с нами сегодня, мой сын. Тебя будут звать Торвальд.

Вали почувствовал на себе взгляд Ольги. Он посмотрел на нее и увидел, как она напряжена. Но ему было все равно. Его сын был жив, в его руках и у него будет имя.

— Его зовут Торвальд.

Ольга подарила ему мягкую улыбку и кивок, после чего отправилась обратно к Бренне. Женщины все еще стояли вокруг нее, она все еще была без сознания. Лицо ее посерело, рот открылся.

— Ольга...

— Она потеряла много крови, Вали, и ее ребра... murtud?

Было необычно для Ольги забыть слово, и Вали не знал, что именно она хотела сказать.

Она раздраженно фыркнула.

— Она ранена. Вот почему из ее рта идет кровь. Рождение малыша тут не поможет. Она должна иметь время, чтобы пополнить свою кровь, и тогда исцелится. Мы сделаем все, что можем. Если ваши боги с вами, возможно, они помогут ей.

Вали держал своего сына и смотрел, как женщины трудятся, чтобы спасти его жену. Он хотел быть рядом с ней, но там не было для него места. Он не знал, что делать. Его сердце рвалось на части.

Он может потерять их обоих в эту ночь. Но, скорее всего, так и будет.

Нет. Они были не одни. Они были Бренна Око Бога и Вали Грозовой Волк, любимцы богов, и она родила сына.

«Тор, — начал он молча молиться. — Я молю тебя. Спаси мою семью».

Торвальд, его сын, издал еще один тонкий крик, слабее, чем предыдущие. Вали перевел взгляд на сверток в своих руках и отодвинул ткань. Под тонкими ребрышками билось сердечко, дрожало от дыхания. Пока он смотрел, дыхание сына стало реже.

И потом остановилось.

Он смотрел на маленькую грудку долгие мгновения, ждал, что она снова начнет подниматься, но нет. Крошечные ручки лежали неподвижно. Сын, которого он и Бренна зачали вместе, покинул их. Его глаза горели от слез, Вали повернулся к Бренне, но не смог разглядеть ее за столпившимися у кровати женщинами.

Теперь он потеряет и ее?

— Бренна, — это был только шепот, и он не мог ее удержать. — Пожалуйста.

Молния ударила еще раз, жестокий луч света, за которым последовал ужасный удар молота Тора о землю.

— ЧЕГО? — закричал Вали, пугая женщин. — ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ ОТ МЕНЯ?

Недолго думая, он побежал к двери и открыл ее. Все еще держа на руках ребенка, завернутого в ткань, пропитанную кровью его матери, Вали побежал по коридору, вниз по темной лестнице, через замок, через тяжелые двери и в ночь.

Снег валил, хлопья были такими большими, что не было видно и зги. Ветер

бесновался и гнал снег по направлению к югу.

Сквозь бурю Вали шел прочь от замка. Он вытянул руки со свертком, в котором лежал его умерший сынок, и позволил тряпкам упасть на снег у его ног. Затем поднял к небу обнаженное тельце мальчика.

— ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ ОТ МЕНЯ? КАКУЮ ЕЩЕ ЖЕРТВУ ТЫ ОТ МЕНЯ ХОЧЕШЬ? ТЫ УЖЕ ЗАБРАЛ МОЕГО РЕБЕНКА! ТЫ ЗАБЕРЕШЬ ЕЩЕ И МОЮ ЛЮБИМУЮ? ЛУЧШЕ ВОЗЬМИ МОЕ СЕРДЦЕ ИЗ ГРУДИ!

Он почувствовал руку на своей спине, притянул сына к груди и обернулся со злобным рычанием. Леиф стоял позади него и смотрел на него.

— Вали, мой друг. Мой брат. Не искушай богов.

— Мне все равно! Пусть будет, что будет!

— Твоя женщина еще жива. Ты хочешь отказаться от нее?

Не отвечая, Вали стоял и смотрел на него, его грудь вздымалась, он тяжело вдыхал морозный ледяной воздух.

Леиф протянул руку.

— Позволь мне забрать твоего сына. Я позабочусь о нем, до тех пор, пока вы не будете готовы попрощаться с ним.

Вали отстранился.

— Бренна захочет его видеть.

— Нет. Это вызовет еще больше боли, а она уже и так вынесла много. Я знаю. Она ждала ребенка, она хотела стать матерью. Ей будет тяжело видеть его. Ты должен быть с ней.

Леиф снова поднял руки, и на этот раз Вали отдал ему своего сына. Он наклонился и поднял со снега покрывальце и накрыл тело ребенка.

Затем он вернулся в замок, прошел сквозь толпу и направился к комнате, где лежала Бренна.

Он не знал, что будет делать, если она тоже умрет.

~oOo~

Снег валил два полных дня и три ночи, снова похоронив замок под сугробами. На третье утро буря утихла, солнце светило с самого утра.

Бренна решила прокатиться на санях в деревню, а их жизнь раскололось на куски.

И она все еще не проснулась.

Торд был мертв, он не пережил первую ночь, но он сказал им все, что мог. Сигвальд был мертв. Мужчины, которые напали на сани, были частью отряда воинов князя Ивана. Они наводнили деревню, убивая людей и скот. Орм и его люди прибыли туда, когда все уже было кончено. Двое раненых мужчин прожили достаточно долго, чтобы рассказать им, как все было.

Им повезло. Суровая зима заставила всех деревенских перебраться в замок; и женщины, и дети, и большинство людей до сих пор оставалось там — все, кроме тех, чья задача состояла в уходе за скотом.

Зима спасла большинство жителей деревни, и последняя буря, которая нанесла свежего снега высотой Вали по колено, спасла замок от атаки и дала возможность прийти в себя от потери.

Но буря закончилась, и солнце светило снова. Когда Бренна придет в себя, Вали отправится в стан врага, чтобы отомстить.

В то утро Ольга открыла ставни, чтобы впустить в комнату солнце, и вдохнув холодного, чистого воздуха, Бренна, наконец, открыла глаза.

Лежа рядом с ней, Вали смотрел на нее, поглаживая ее светлые волосы. Он сам спал мало и коротко, постоянно просыпаясь и глядя на нее. Она проснулась, глубоко вздохнула и застонала от боли, а потом повернула голову и посмотрела на него.

— Моя любовь. Моя любовь, — он наклонился и поцеловал ее в щеку. — Как ты себя чувствуешь?

— Мне больно, — прохрипела она.

Улыбнулась и опустила руку к животу в жесте, который был привычным уже несколько недель с тех пор, как их сын начал шевелиться внутри нее.

Вали видел, как осознание проступает на ее лице, и его сердце разрывалось от боли.

— Вали? Где? Где он? — ее голос был грубым и резким, паника в нем резала его, как лезвие.

Ольга подошла к краю кровати и налила воды в чашку. Вали не обратил на нее внимания, глядя только на Бренну.

— Он родился живым, но он был слишком хорош для этого мира. Тор пришел и забрал его жить среди богов.

Ее лицо исказилось гневом и печалью, а затем выражение его стало пустым, и она отвернулась. Ольга предложила ей попить, но она не послушалась ее.

Вали понял, что она делала, но его это не устраивало. Но он не смог бы справиться с ее холодностью. Только не сейчас. Он потянулся и взял ее за подбородок, заставив повернуться к нему лицом.

— Нет, Бренна. Не отворачивайся. Мы разделяем эту потерю, и мы будем вместе идти к исцелению. Я не могу потерять и тебя тоже. Мне было грустно и одиноко... и страшно. Останься со мной. Останься. Пожалуйста, останься, — он скользнул рукой от ее подбородка к шее и наклонился, упираясь лбом в ее лоб. — Пожалуйста, останься.

Она ничего не сказала, но убрала руку со своего пустого живота и положила на его руку.

И этого было достаточно, чтобы дать ему понять, что он не потерял ее.

— Я назвал его Торвальд.

Сдавленный всхлип вырвался из ее раненной груди, и она кивнула.

Вали пододвинулся ближе и осторожно обнял ее.

Глава 13

Ольга заботилась о ней все это время, меняя повязки, помогая ей справиться с потребностями тела, купая ее, перевязывая ее ребра. Бренна чувствовала себя — она и была — беспомощной и униженной.

Но ее друг был верным и заботливым. Каждое утро перед уходом Вали дарил ей прощальный поцелуй в лоб, и Ольга приходила в комнату, чтобы ухаживать за ней до самой ночи, когда Вали возвращался домой. Он забегал к ней в течение дня, но никогда не оставался надолго. Другие женщины приходили спросить о чем-то Ольгу или поговорить о происходящем в замке. Ольга была главной, и она продолжила ей оставаться, хотя редко выходила из комнаты в течение дня, если не считать времени, когда Бренна спала.

Первое, что она делала каждое утро — смена повязки и туалет. Физически было почти не больно, но Бренна с трудом выносила такое положение собственного тела — с разведенными ногами и оголенным интимным местом.

Ольга похлопала Бренну по колену и отступила, собирая окровавленное постельное белье. Пытаясь не обращать внимания на дискомфорт от каждого движения, Бренна выпрямила ноги.

Там было еще так много крови. Ее сын был рожден и умер уже несколько дней назад, и она все еще кровила.

И хотя Ольга заверила ее, что это нормально, Бренна понимала, что потеряла слишком много крови, и все еще была слишком слаба. Даже сидя она почувствовала, как резко закружилась голова и заболела грудь.

Убрав в сторону кровавое постельное белье, Ольга вымыла руки в тазике и вернулась. Бренна знала, что будет дальше: худшая часть процедуры. Ее подруга и лекарь подошла к краю кровати и развернула меха.

— Еще есть кровь. Возможно, сегодня уже будет лучше.

Скользнув рукой по спине Бренны, она подняла ее и повернула набок. Бренна стиснула зубы и стерпела эту боль. Бывало и хуже.

Ольга склонилась над ней и положила небольшой кусочек ткани под лицо Бренны. Затем осторожно помассировала ей спину медленными направленными вверх движениями.

Сейчас Бренна должна была покашлять. Ей наносили раны мечом и топором. Ее били щитом. Она пинали, били по голове, даже кусали. Но ничто не было таким ужасным как боль, через которую Ольга заставляла ее пройти, чтобы исцелиться. С каждым толчком Бренне казалось, что сердце вот-вот оторвется и выпрыгнет из ее рта.

После того, как она прокашлялась, на ткани оказались черные сгустки крови. Иногда кровь из нее брызгала, и ткань пачкалась сильнее. Это было самое худшее, но Бренна стойчески выдержала эту боль. В это утро, правда, она откашляла только один сгусток.

Когда пытка была закончена, Ольга помогла ей лечь обратно на подушки. Затем подняла ткань и изучила ее.

— Ты выздоравливаешь. Каждый день лучше. Больше нет свежей крови, и старой крови меньше. Сегодня мы будем ходить по комнате и немного посидим у очага.

Такая мелочь, но даже мысль об этом заставила Бренну почувствовать усталость.

— Я попрошу Вали присоединиться к нам, — голос Ольги был добрым и обнадеживающим.

Бренна покачала головой. Она ненавидела мысль о том, чтобы Вали увидел ее в слабости, и она знала, что ей придется собрать все свои силы, чтобы пересечь комнату — чтобы просто пересечь комнату! — и сесть в кресло.

Ее сопротивление было вызвано не тщеславием, хоть она и ненавидела свою слабость. Дело было в Вали — она видела определенность в его глазах, в напряженных плечах, в сжатых губах. Он видел ее боль, ее слабость, и он злился. Не на нее, но из-за нее.

Он был заботливым и любящим, и ей были нужны силы и утешение, которое она может найти в его объятиях. Но он жаждал мести, и каждое свидетельство того, что Бренна уже не такая, какой была, заставляло эту жажду разгораться сильнее. Она видела его одержимость желанием отомстить за нее и их ребенка.

Она тоже хотела мести. Все хорошее, что она наконец-то нашла, ускользнуло от нее, и это не могло остаться без ответа. Но она не могла даже стоять на ногах, так что месть пока откладывалась. Вполне вероятно, что она будет лежать в кровати, в этой комнате, когда Вали и другие нападут на принца Ивана. Вполне вероятно, что так же, как рождение, жизнь и смерть ее собственного ребенка, все это произойдет без ее участия.

Казалось странным быть беременной любимым ребенком, носить его в течение нескольких месяцев, а потом проснуться и понять, что его больше нет, что у нее не осталось ничего, и только кровь по-прежнему сочится у нее между ног и молоко капает из распухшей груди. У него было имя: Торвальд — хорошее имя. Но его выбрала не она. Младенец, которого она любила, просто исчез.

Не было даже могилки, где она могла бы его оплакать. Погода помешала проведению погребения. Тельце ее сына сожгли.

Ее сердце было разбито, и мысли путались от горя, но она не умела горевать. Слезы были агонией. Вали яростно скрежетал зубами от боли, обнимая ее. Она не могла обратиться к нему за утешением, не причиняя еще больше боли.

Она была одна. Снова. Впервые в жизни у нее были друзья и любовь, и дом, и все это ничего не значило. Она по-прежнему была одна.

Несмотря на ее нежелание, Вали пришел в их покои. Бренна как раз сидела у огня. Она бросила на Ольгу острый взгляд, но та сделала вид, что не заметила, и продолжила дальше стелить свежую постель.

Ее муж подошел прямо к ней и присел сбоку от кресла, положив руку поверх ее руки.

— Я рад видеть тебя. Как ты себя чувствуешь?

Слабой и больной, разрезанной на части, как будто бы каждому вздоху приходится продираться из груди сквозь металлические зубья.

— Лучше. Я чувствую себя сильнее.

Он наклонился и поцеловал ее пальцы.

— Скоро ты снова возьмешь в руки меч и щит.

Недостаточно скоро.

С долгим, глубоким вздохом Вали посмотрел в ее глаза. Затем он встал и занял место рядом с ней.

— Мы давно кое-что планировали. Я хотел поговорить с тобой об этом.

Бренна переместилась в своем кресле, мужественно терпя резкий дискомфорт, так, чтобы она могла снова встретиться с ним взглядом. Ни Вали, ни кто-либо еще не советовался с ней, пока она носила ребенка. С тех пор, как она потеряла его, к ней приходили с разговорами, но эти разговоры — даже разговоры с Вали — всегда касались только ее здоровья.

— Пожалуйста, да. Расскажи мне.

Еще не заговорив, он посмотрел вверх, мимо нее. На Ольгу. Как будто ему нужно было ее разрешение, прежде чем он заговорит с собственной женой.

— Вали! Пожалуйста! — сила ее призыва сотрясла ее грудь и заставила ахнуть. Глаза Вали быстро вернулись к ней, тени залегли под его нахмуренными бровями.

— Я не хочу волновать тебя, Бренна. Я хочу, чтобы с тобой все было хорошо.

— Я снова как в клетке. Мне одиноко и грустно. Это хуже боли, хуже, чем раны. Пожалуйста.

Вали взял ее за руку; затем, после еще одного разозлившего Бренну взгляда на Ольгу, кивнул.

— Мы оказались слепцами, мы упустили Ивана, но я думаю, ты бы этого не сделала. У тебя есть своя точка зрения. Так что мне нужен твой совет, если ты чувствуешь себя достаточно хорошо.

Бренна забыла о боли.

— Давай.

— Снег держит нас тут. Нас снова засыпало, и морозы пока держатся. Отряд, который напал на деревню, был пешим...

— Что? Что произошло в деревне?

Она увидела его колебания — Вали собирался рассказать ей то, чего она не знала. Он сжал ее руку.

— Сожгли. Уничтожены. Люди и скот — все потеряно.

Ее последнее воспоминание о том времени — обед со смеющимися деревенскими мужчинами.

Она знала, что Сигвальд мертв, и она уже после спросила о Торде, который, несмотря на стрелу в груди, попытался привести помощь, когда понял, что не справится сам, и она знала, что он тоже погиб. Она знала, что это не Тумас, а Иван послал отряд, потому что Торд, когда нашел и накрыл ее, рассказал ей прерывающимся от боли голосом о том, что на нападавших были цвета Ивана. Эти обрывки памяти постепенно возвращались к ней.

Но ее память затуманилась и исчезла, когда Торд оставил ее.

Среди самых ярких ее воспоминаний, снова и снова вторгающихся в ее беспокойные сны, — мужчина в доспехах, стоящий над ней, и стрела, направленная в ее лицо.

Когда он спустил тетиву, то чуть двинул лук, и стрела глубоко вонзилась в землю в каком-то дюйме от ее головы.

Он пробормотал слова, которых она тогда не понимала, а потом повернулся и крикнул:

— *Kōik surnud!*

Она знала эти слова. *Все мертвы*. Он солгал кому-то — лидеру отряда, скорее всего. Он спас ее.

Но то, что он и ему подобные сделали с ней, убило ее сына. И ее друзей. Лишило ее даже большего, чем она знала.

Она хотела бы посмотреть ему в глаза — они были светло-коричневые, как мед — когда будет вырезать его сердце из груди. Она хотела, чтобы он знал, чтобы понял, что спас ее только для того, чтобы она сама, собственными руками прикончила его.

— Вся деревня?

— К сожалению, да. Наше счастье, что мы открыли замок для сельчан, иначе все они тоже бы погибли. Мы начнем все восстанавливать с началом весны. Но в это же время мы ждем неприятности с севера, с Тумасом. Если он нападет до прибытия корабля, у нас просто не хватит людей, чтобы бороться на двух фронтах и одновременно строить — и теперь кажется, что Томас и Иван все-таки союзники

По словам Ольги и других жителей три принца воевали друг с другом постоянно. Даже если и так, налетчики должны были задуматься о том, что их враги могут на время стать союзниками. Их разведчики, однако, говорили, что Тумас вряд ли бы стал заключать такой союз. Иван был далеко, он был беднее, и армия у него была хуже, говорил Вали Леиф, так что угрозы с его стороны для Тумаса нет. Тумас будет рассчитывать на свою собственную, мощную силу. Он наверняка презирает даже мысль о союзе с более слабым принцем.

И все же Иван нанес первый болезненный удар.

По мнению Бренны это имело смысл. Ивану был нужен фактор внезапности для достижения успеха. Войска Тумаса превосходили его войска. Ему оставалось либо бороться в открытую посреди снежной бури, либо ждать подходящей погоды.

Их разведка показала, что солдат у Ивана меньше, и армия относительно слабая. Если он и хотел напасть, не заключая альянса, то рассчитывал на внезапные атаки и засады.

Они должны были быть готовы к нападению с юга, но они потеряли бдительность после нескольких месяцев тихой тяжелой снежной зимы.

Бренна заметила, что Ольга оставила работу и застыла с мехом в руках у кровати. Ее внимание переключилось на Бренну и Вали и их разговоры. Ольга родилась на земле Ивана, и остатки ее семьи все еще жили там. Она была отправлена к Владимиру много лет назад в рамках соглашения о перемирии между князьями.

Бренна кивнула Ольге, приглашая присоединиться к ним. Когда ее подруга уселась напротив нее и Вали, Бренна сказала:

— Ты волнуешься за свою семью.

— Принц Иван заставляет деревенских бороться на своей стороне. Но он не обучает их, как делаете это вы. У меня есть два младших брата. Они были маленькие, когда я покинула дом, но сейчас они — молодые мужчины и будут воевать. Я боюсь, что клинки моих новых друзей будут проливать мою кровь.

Вали выслушал и кивнул, но сказал:

— Любой, кто борется за Ивана — враг. Мы не можем выбирать, и я хочу увидеть, что между ним и моим топором не останется ни одного человека. Он должен заплатить.

Глядя вниз на свои руки, сложенные на коленях, Ольга кивнула.

— Да. Так и должно быть.

Бренна повернулась к мужу.

— Какой совет ты ищешь?

— Я хочу выступить против Ивана сейчас. Я чувствую, что просто не выдержу ожидания. Я хочу отплатить ему тем же. Мы можем ударить ночью, малыми силами, и уничтожить все, что он держит.

— И для тебя это — справедливость? Красться, как воры? Я не могу поверить, что Вали Грозовой Волк хочет действовать таким образом. Я хочу видеть глаза мужчины, который отнял у нас нашего сына.

— Мы не можем ждать, мы не сможем бороться с Тумасом и Иваном. И Бренна, ты вообще пока не можешь сражаться.

Во время этого разговора Бренна забыла, что еще слаба. Она забыла про свои раны и свою боль. В эти несколько минут она чувствовала себя сильным и энергичным воином. Слова Вали ударили ее, и она вспомнила все это и вдруг почувствовала слабость.

Он притянул ее ближе.

— Моя любовь?

— Все хорошо, — она глубоко вздохнула и снова обрела самообладание. — Что сказал Леиф?

Вали нахмурился в раздражении, но ответил.

— То же, что и ты. Он считает, что мы должны спланировать прямую атаку на время ближайшей оттепели. Он думает, что снег и холод заставят Ивана сидеть на месте, как заставляют сидеть нас.

— Если мы потеряем бойцов в сражении против Ивана, мы будем слабее против Тумаса. У него уже больше сил, чем у нас.

— Что ты говоришь?

— Это ты говоришь, Вали. Мы не можем сражаться с Иваном и Тумасом и надеяться победить обоих. Возможно, риск еще больше как раз потому, что они не союзники. Разве нам не нужны корабли и люди, чтобы сразиться с Тумасом?

— Мы не можем знать, когда они приедут.

— Я не могу говорить о намерениях Снорри, но Эйк хотел приехать в начале сезона. Мы послали домой большое богатство, и он захочет увидеть эту землю. Я думаю, что он решит отплыть с началом весны. И это улучшит наши шансы.

— Снова я спрошу тебя, жена: что ты скажешь?

— Я думаю, что ты прав. Нам надо отплатить Ивану. Но не красться в ночи и уничтожать, нет, мы должны сделать, как сделали здесь, с Владимиром. То есть, нам нужны живьем и скот, и деревенские жители, такие, как семья Ольги, которые могли бы нам пригодиться. Нам нужно только уничтожить солдат и самого принца. Возможно, мы можем предложить нашим ярлам еще больший подарок.

Она повернулась к Ольге.

— Есть ли способ связаться с твоей семьей?

— Я вижу их только раз или два в год, на рынке. Но да, я могу послать им весточку. Я знаю, посланник может спокойно проехать в село.

— Жители любят своего принца?

Улыбка Ольги была кривой.

— Только настолько, насколько нужно, чтобы сохранить свою жизнь. Владимир был добрее, и вы видели, как он относился к своим подданным. И моя семья не единственная, которую разрушил Иван.

— Ты думаешь, что, если мы нападём, деревенские жители нам помогут.

Голос Вали выражал и понимание, и восхищение. Он откинулся назад и посмотрел куда-то в пространство. Бренна знала, что он обдумывает план.

— Да. Мы подождём, пока весточка Ольги дойдет до деревни. Тогда мы ударим. Возможно, он ждет нас, но не ожидает, что его собственные люди вдруг станут бороться против него.

— Хорошо, Бренна. Я расскажу все другим, — он снова наклонился вперед и взял ее руки. — Но ты не можешь сражаться. Мне жаль.

— Я понимаю.

Вот, что она сказала. Но она могла бороться. Она сможет. Чтобы подготовить весточку для деревенских жителей и передать ее, и узнать ответ, потребуется время. Это займет дни. Она успеет окрепнуть. Ей хватит времени, чтобы вернуть свои силы.

И она хотела посмотреть этим людям в глаза.

Вот что она имела в виду, когда сказала, что понимает.

Что она будет бороться. Что их сын будет отмщен.

~oOo~

Бренна была в постели, когда Вали пришел снова. Она заставила себя оставаться в вертикальном положении в течение большей части дня, и отпихнула Ольгу прочь, когда та попыталась помочь ей идти. Теперь она почти дрожала от боли и усталости, и едва не плакала, когда легла и позволила себе расслабиться, но это не имело значения.

Дни ее беспомощности закончились. Бренна была воином, и скоро будет готова к бою.

Вали стащил тунику и скользнул под пушнину к ней. Он оперся на локоть, чтобы поцеловать ее в лоб и пощекотать щетиной щеку ее гладкую кожу.

— Им нравится твоя идея. Мы подготовим сообщение для жителей завтра или послезавтра.

Она улыбнулась.

— Это хорошо.

— Да. Бездействие сводило меня с ума. Я клянусь своим топором, Бренна. Иван заплатит. Верь мне.

— Я верю.

Бренна верила ему, и она верила, что будет с ним. Она знала, что пока говорить об этом не стоит. Вали никогда не согласится, он не поверит, что она к тому моменту будет достаточно сильной, и здесь и сейчас он будет прав.

Но она будет достаточно сильной. Даже если сражение будет завтра, она заставит себя собраться с силами. Если она умрет, то она умрет, сражаясь против человека, который забрал ее ребенка.

— Ты бледная сегодня, Бренна. Снова слабость?

— Нет. Только устала.

Он поцеловал ее в щеку.

— Тогда мы не будем говорить. Давай спать.

Она поймала его за плечо, прежде чем он успел отвернуться. С момента, как она потеряла ребенка, Вали относился к ней с нежностью и лаской. Но не как муж. Даже лежа рядом с ней ночью в постели, голым, он сохранял дистанцию между ними. И она чувствовала себя одинокой.

— Вали, Поцелуй меня.

Он нахмурился.

— Бренна, ты все еще кровоточишь. И грудь... Ольга сказала...

Она прервала его нетерпеливым вздохом.

— Я знаю, что сказала Ольга. Я не имею в виду тебя внутри меня. Но ты не хочешь меня поцеловать? Ты больше не хочешь меня?

Он издал странный звук, и Бренна не сразу поняла, что это был смех.

— Да, любовь моя, я хочу тебя. Я хочу тебя просто невыносимо. Даже когда мое сердце разбито на осколки, я хочу тебя. Увидев тебя у огня сегодня, я едва не задохнулся от желания.

Он взял ее за руку, вытащил ее из-под шкуры и опустил ее вниз к своему оружию,

горячему плотному и жесткому.

— Я хочу тебя и сейчас. Но я не зверь. Я буду держаться подальше, пока ты не исцелишься, пока ты не будешь готова.

Она коснулась его рукой, и он застонал и остановил ее.

— Ты относишься ко мне с такой заботой, что я чувствую себя одиноким. Я боюсь показать, что мне грустно от потери ребенка, потому что ты злишься и уходишь. Я боюсь показать, что я устала, потому что ты злишься и уходишь. Боюсь показывать слабость, потому что ты злишься и уходишь.

— Это правда, гнев сидит во мне. Он мучает меня. Но я не злюсь на тебя, Бренна. Боги, нет.

— Я знаю. Ты злишься на то, что случилось, на тех, кто это сделал. Ты пытаешься скрывать это от меня. Я понимаю. Но ты уходишь, и я остаюсь одна, грущу, обижаюсь, чувствую себя истощенной. Я была одинока всю жизнь, Вали. Я думала, там, где любовь, одиночества нет.

В его ярко-синих глазах горели шок и сожаление, и любовь.

— Прости меня.

Она подняла руку и погладила его бороду.

— Пожалуйста, Поцелуй меня.

Он приоткрыл рот и скользнул своим языком к ее языку впервые с того ясного утра, когда все еще было хорошо. Она коснулась отметинки на его языке, и он застонал, как всегда. Бренна подняла руки, игнорируя боль в груди, и схватила его за косу обеими руками.

Он прервал поцелуй, но не отстранился. Нависая над ней, тяжело дыша и глядя на нее своими яркими глазами, он сказал:

— Я люблю тебя.

— И я тебя, — наконец, снова почувствовав тепло любви, Бренна расслабилась и позволила себе отдалиться чувствам. — Я хотела бы хоть раз поддержать его на руках.

Вали дернулся, как будто она причинила ему боль. Но не ушел.

— Он был такой маленький, Бренна. Он помещался у меня в руке. Но он старался держаться. Я видел, как он сражался.

Его голос сорвался на последнем слове, и Вали опустил голову так, что его лоб почти коснулся ее щеки. Бренна повернула голову и прижалась губами к его виску.

Затем она почувствовала теплые, влажные капли на своей шее. Слезы.

Ничего не мог показать ей свою любовь больше, чем это. Вали показал ей свою уязвимость, поделился с ней своей болью.

Тогда она знала, что им обоим больно.

И она знала, что они оба снова станут сильными. Вместе.

Глава 14

Леиф провел пальцем по линии из деревянных щепок, которую Орм выложил на резном столе. Они сделали на столе в зале для отдыха настоящую карту Западной Эстландии, где были отмечены физические особенности земли и места расположения замков и деревень. На месте расположения городского рынка Мирканди была точка, которую принимали за центр: Тумас владел землями на север от нее, Иван — на юге, а Владимиру принадлежали земли на западе, вдоль большей части побережья. Владения Владимира, теперь их собственные, были самыми крупными из трех.

— Иван продолжает патрулировать эту местность, он устроил наблюдательные посты здесь, здесь и здесь. Вот здесь лес проходит очень близко от замковой стены. В лесу Иван уязвим. Но пока мы знаем только то, что селяне с нами, и как многие говорят, будут за нас бороться. Мы не знаем, насколько их воины натренированы и насколько готовы

следовать нашему плану.

Вали наклонился вперед и передвинул несколько щепок подальше от большой стопки, которая обозначала налетчиков. Он пододвинул их в сторону леса.

— Тогда лучники уйдут в лес. Стэн, Ганс, Бьярке и Георг. Они прикроют деревенских жителей и будут направлять их в соответствии с нашим планом, если это окажется необходимо. У нас нет необходимости в лучниках, а эти четверо владеют луком лучше, чем клинком.

Выслушав протестующие возгласы, он посмотрел на остальных.

— Я не имею в виду, что вы слабее, друзья мои. Ваши луки могучие и стремительные.

Леиф изучил лежащие на столе щепки, потом разделил оставшуюся кучу на три группы. Он считал щепки, одновременно излагая план.

— Каждая группа занимает контрольную точку, затем перемещается к стене. Стена высокая, но в плохом состоянии, и на нее будет легко взобраться, если отвлечь стражу. Вали, Орм и я поведем два отряда прямо к воротам. Мы пойдем так, как если бы мы вели все войско, что у нас есть. Астрид и Харальд обойдут замок с двух сторон, чтобы разрушить стены. Жители деревни нападут из леса, — Леиф сделал шаг назад и осмотрел стол. — Мы обрушимся на них со всех сторон.

Орм провел обветренной рукой по своей длинной седой бороде.

— Если жители помогут нам, как и обещали, они проползут как муравьи и захватят замок. Это будет хаос, — он улыбнулся. — Идея Бренны хороша. Надо использовать его собственных подданных против него.

Бренна должна была быть на этом собрании. С тех пор, как Вали обратился к ней за советом, она проводила на ногах все больше и больше времени, и накануне вечером он даже помог ей спуститься вниз, чтобы разделить ужин с остальными. К вечеру обычно она была измотана, но он видел, что она исцеляется, набирается сил.

Но когда он сказал ей, что они получили ответ от деревенских жителей из владений Ивана и попросил ее присоединиться к ним в планировании похода, она своим отказом лишила его дара речи. После всех ее слов про «взаперти» и разговоров о пренебрежении, она отказалась присоединиться к налетчикам в планировании нападения, а ведь это фактически была ее идея.

Он предположил, что было слишком болезненно для нее быть вовлеченной в обсуждение боя, в котором она не сможет участвовать. Он помнил свою беспомощность в палатке Свена и понимал ее разочарование: быть воином и быть отрезанным от войны — эта мысль съедала заживо.

— Лидер, который обращается со своим народом, как с животными, должен понять, что животные иногда кусаются.

Яан произнес эти слова, врываясь в мысли Вали, и мужчины и воительницы, стоящие вокруг резного стола, обратили на него свое внимание. Он был молод и порывист, и он был крестьянин, фермер. Но за те месяцы, что Вали знал его, молодой человек стал натренированным и жестоким, как большинство налетчиков. Вали подумал, что стоит предложить ему уплыть с ними. Он оставит дома отца и сестру, но таков был удел молодых: они покидали отчие дома и строили свои собственные.

— Скажи нам, Яан. Укусят ли деревенские жители принца Ивана?

Яан заметил, что на него все смотрят и его все слушают, и плечи его поникли. Отвечая, он сначала что-то пробормотал себе под нос, пока не обрел уверенности в себе, и потом заговорил на своем языке.

— Я... Я... Я всегда жил в этом месте. Мои родители и их родители, и их родители до них, мы все жили здесь. Владимир владел этой землей всю мою жизнь. Он не был добрым человеком. Он забирал девушек из деревни, чтобы сделать их служанками в замке, и эти девушки, как мы знали, занимались... другими... обязанностями, не теми, которые должны исполнять девушки. Жестокие обязанности. И он забирал плоды нашего труда и

создал из него свое богатство, а мы каждую зиму умирали от голода. Самый слабые из нас часто голодали.

Он замолчал и тяжело сглотнул, в тихой комнате этот звук слышали все.

— Вторжение орды монстров из-за моря спасло нас. Мы знаем, что произошло возле побережья. Многие из нас потеряли семьи в этот день. Мы знаем, как вы обращались с теми, кого захватили в плен — так же, как Владимир обращался со своими служанками. Мы все знаем. И еще теперь вы наши друзья. Потому что мы знаем, что вы не монстры, но яростные и безжалостные воины. И мы знаем, что вне войны вы можете быть справедливыми. Трудная была жизнь при принце Владимире, так что теперь лучше.

Он снова замолчал, но теперь его взгляд бежал вокруг стола, и Вали подумал, что эта пауза — для эффекта.

— Владимир был жесткий, несправедливый человек. Иван хуже. Восстанут ли против него крестьяне, если будут знать, что они не одиноки? Да. И припомнят ему всю его несправедливость и похоронят его вместе с ней.

~oOo~

Вскоре после того, как они составили план, Вали поднялся, чтобы рассказать Бренне, что они выдвигаются на следующее утро, если будет хорошая погода, а также чтобы спросить ее, сможет ли она спуститься и присоединиться к вечерней трапезе. На лестнице и коридоре было тихо; Бренна в течение последних дней уже чаще оставалась одна, так как ей уже было нужно меньше ухода. Даже Ольга снова начала заниматься своими замковыми обязанностями.

Вали открыл дверь. С тех пор, как Бренна заболела, он всегда стучал, прежде чем войти, так как никогда не был уверен, в каком состоянии может найти ее. В этот раз он не стал.

Он застыл в дверном проеме, увидев свою жену, так тяжело болевшую всего лишь две недели назад. Бренна стояла посреди спальни, в руках у нее был меч, занесенный как будто для удара.

Замерев от неожиданности, Вали все же разглядел, что она была насквозь мокрая от пота, ее одежда для сна стала почти прозрачной и прилипла к ее телу, ее волосы намokли и завитки упали на ее покрасневшее лицо.

Она двинулась первой, опуская меч в сторону и стоя прямо. Ее глаза смотрели на него, не моргая и вызывая.

Справившись с шоком, Вали шагнул в комнату и закрыл дверь.

— Бренна! Что это?

Он видел, что она дрожит от усталости и едва дышит, но она вела себя так, если бы она не устала. Повернувшись на каблуках, она подошла к столу и взяла ножны. Сунув меч в ножны, Бренна повернулась к Вали, чтобы снова встретиться с ним взглядом, и заговорила.

— Я хочу драться с тобой.

— Нет.

Ее глаза вспыхнули от его категоричного отказа, и ее блестящий правый глаз засветился особенно ярко, целым калейдоскопом цветов.

— Ты думаешь, меня это остановит?

Он думал. Она была не в состоянии сражаться, и он не собирался подвергать ее риску — или позволить ей подвергнуться риску самой. Пересекая комнату, он протянул руку, намереваясь взять ее за руки, но она отступила назад и поставила между ними высокий стул. Вали остановился, и они посмотрели друг на друга почти как враги.

— Бренна, ты не достаточно сильная, чтобы сражаться. Посмотри на себя — ты дрожишь, промокла насквозь, и в этой комнате одна. Как ты собираешься сражаться с вооруженным воином?

— Я могу сражаться, и я буду, — она скрестила руки на груди как капризный ребенок.

Не в силах понять причину ее безрассудства, не понимая, как она может игнорировать очевидную причину, Вали даже не разозлился. Он был слишком потрясен для гнева.

— Это твой аргумент? Ты просто пойдешь сражаться?

— Я не хочу спорить. Я информирую тебя.

— А если мы поедем без тебя? — это было единственное, что он смог придумать, чтобы удержать ее, не привязывая к кровати. Задав вопрос, он уже начал планировать — он поговорит с Леифом, и они уедут в темноте до рассвета.

— Тогда я поеду за вами, — Бренна тяжело вздохнула, и он увидел, как ее лицо исказилось от боли, которую она попыталась скрыть. — Вали, между нами не будет ссоры. Я присоединяюсь к вашей группе, или я еду в одиночку, но я сражаюсь. Эта месь — моя, и не меньше твоей. Больше.

— И потому ты рискуешь собой, чтобы отомстить?

— Бой — это всегда риск. И боль — всегда цена. У тебя нет голоса в этом вопросе, муж. Я теперь — сосуд только для своей собственной души.

— И тебе нет дела до моей души? Как она будет жить, если я потеряю тебя?

— Я переживаю за тебя так же сильно, как ты за меня. Мы — воины. Наша жизнь — это риск. Я долго была воином до знакомства с тобой. Хотя это правда, я не так сильна, как могла бы быть. Ты ведь знаешь, сила и огонь приходят в праведной борьбе. Этот мужчина забрал у нас кое-что важное. Я не позволю себе отказаться от шанса отомстить ему. Я не позволю тебе забрать у меня этот шанс. Я сражаюсь. С тобой или в одиночку.

Он видел, что она права: между ними не будет ссоры. Никто не выиграет этот бой. Брена приняла решение, и она была упряма и решительна. У него был только один выбор: защищать ее в ее глупости. Любить ту Деву-защитницу, которой она была, и проследить за тем, чтобы она отомстила и выжила, чтобы рассказать историю своей мести.

— Ты не одинока, моя Бренна. И никогда больше не будешь. Если ты не видишь причину, я поддержу тебя в своем безумии.

Он обошел стул и взял ее в руки в свои. Когда он притянул ее к себе — аккуратно, зная, что независимо от ее жестоких слов, ей трудно — она покорно пришла в его объятия, по-прежнему холодная и мокрая от усилий. Он положил подбородок ей на макушку и обнял ее.

— Пожалуйста, не оставляй меня, — прошептал он.

— И ты меня, — последовал ее ответ.

~oOo~

В ту ночь Вали проснулся возбужденный и задыхающийся. Бренна лежала на боку рядом с ним, ее рука обвилась вокруг его твердого естества. Они не занимались этим с тех пор, как она была ранена, и теперь он был сильно возбужден. Но Ольга сказала ему, чтобы он держался подальше, пока не придет ее первая нормальная кровь. Вали знал, что у Бренны еще не прекратилось послеродовое кровотечение. Невозможно было жить в одной комнате и не знать этого.

Это была одна из его утренних великих забот: проснется ли она завтра с кровотечением. Бренна окатила его презрением, когда он спокойно упомянул об этом накануне вечером, и спросила, неужели он считает, что она никогда не воевала во время месячных? Она настаивала, что разницы нет. Он считал по-другому, но ему пришлось оставить этот разговор.

Он многого не знал о внутренней работе тела женщины, и его это устраивало. Его мать была целительницей, и он знал кое-что о лечении ран, но она всегда прогоняла его, когда за помощью приходили женщины.

Ему было всего десять лет, когда она просто не пришла домой. И тогда остались только он и его ужасный отец.

Вали отогнал воспоминания прочь и остановил руку Бренны.

— Нет, любовь моя. Еще слишком рано.

Она подняла глаза и улыбнулась, светлые волосы упали на ее лицо.

— Я не хочу принимать тебя. Я бы доставила тебе удовольствие вот так, если ты позволишь мне.

Чтобы продемонстрировать свои намерения — как будто он мог этого не заметить — она убрала его руку и скользнула своей свободной рукой к вершине, а затем обратно вниз, к его телу, позволяя пальцам задеть растущие там волосы.

Застонав, он убрал волосы с ее лица.

— Тебе не тяжело так лежать?

Она лежала на боку, приподнявшись на локте.

— Нет. Только тянет, но не больно. Ты слишком много волнуешься, — пока она говорила, ее рука двигалась туда-сюда, сжимая и чуть отпуская, как будто доя его.

— Я имею право переживать, — он вздохнул и расслабился, отдаваясь ее рукам.

~oOo~

Он поднялся раньше Бренны и оделся в сером рассветном сумраке. В душе Вали еще жила крохотная надежда на то, что она может передумать, сейчас, когда настал день отъезда. Но она проснулась, когда он уже собирался покинуть комнату.

— Ты не хотел улизнуть, я надеюсь, — ее голос был легким и дразнящим, но глаза смотрели внимательно

— Конечно, нет, — он подошел к кровати и поцеловал ее в лоб. — Я позабочусь о том, что Фрейю оседлали, и буду ждать тебя.

Он хотел спросить, как она себя чувствует, но знал, что вопрос Бренна воспримет в штыки, поэтому ограничился тем, что оглядел ее — и счел ее вид приемлемым. В течение нескольких дней после смерти их сына цвет лица Бренны был ужасный, страшный, серый. Но в это утро слабый румянец выступил на ее щеке. Он поцеловал ее в щеку и оставил ее готовиться.

Оказавшись в зале, Вали наложил себе в миску ячменной каши из котла, висящего над огнем. Суэта в комнате вызвала в нем воспоминания. Они все готовились к бою. Они превратили жителей в воинов. С ними были еще две молодые деревенские женщины, которые заплели волосы и надели галифе, как Девы-защитницы. Астрид обучила их обеих.

Зал был полон мужчин и женщин, наполняющих свои желудки теплой пищей и готовящихся к бою. В комнате витал дух воинственности, сочетающий в себе облегчение матерых вояк, с нетерпением ожидающих момента дать ярости выход, и томительное ожидание новичков, еще не знающих, с чем столкнутся.

Вали, закаленный воин, на сердце и в разуме которого была невыносимая тяжесть, доел кашу и сунул топоры в кольца на поясе. Он носил тяжелую шерстяную тунику, но пояс завязывал не туго, чтобы можно было легко его снять. Даже в этой новой оттепели он будет бороться с голым торсом, его тело будет свободно.

Затем он облачился в шкуру своего волка.

Готовый к бою, он вышел в конюшню, седлать своего коня и коня жены. Леиф был уже там, ведя свою оседланную лошадь, вороного жеребца, к открытой двери. Увидев Вали, он остановился и кивнул.

— Она придет?

— Ты давно ее знаешь. Как думаешь, я мог бы отговорить ее?

— Как я и думал, — Леиф усмехнулся. — Мы все будем следить за ней. Один из нас будет всегда рядом с ней.

— Я буду с ней рядом.

— Вали, ты со мной ведешь отряд. Ты наверняка окажешься вдали от нее. Но она не будет в одиночестве.

— Я буду рядом с ней, и она будет рядом со мной. У нее будет ее месть. У меня — моя.

Два друга молча смотрели друг на друга, и потом Леиф кивнул.

— Как угодно, — он слегка дернул поводья и повел лошадь прочь из замка.

Выведя из конюшни своего коня и лошадь Бренны, Вали уселся в седло и стал ждать, глядя на ворота замка и держа в руке вожжи Фрейи.

Бренна назвала свою лошадь; кажется, больше никто из них не давал скакунам имен. Были в ее характере эти маленькие сентиментальные черты — дать имя животному, дразнить веревочкой полудиких кошек и котят, охотящихся на замковых вредителей, учить сельских детей играм и песням. Когда Бренна готовила, она пела. Он прошел через кухню однажды днем, когда она там работала. Ее голос был нежным, но более высоким, чем он думал. Бренна тогда носила его ребенка, и он решил, что поет она для него.

Вали проглотил твердый комок печали, которая заполнила его горло при воспоминании.

Бренна вышла из замка, и гордость за нее заставила его отбросить свое горе и свое беспокойство в сторону. Она стояла там, прямая и сильная, одетая в кожаную тунуку, с затейливо заплетенными волосами. Она была готова к битве. Ее меч и щит были приторочены к спине, и кинжал был закреплен на бедре.

Бренна обвела черным глаза и нарисовала лучи вокруг своего правого глаза. *Око Бога*. В битве она принимала данное ей имя.

Его воительница, готовая обрушить правосудие богов на тех, кто осмелился причинить боль ей и тем, кого она любила.

Все люди вокруг них занимались подготовкой к отъезду — кто-то поправлял седло, кто-то ту же затягивал подпругу, кто-то седлал лошадей. Но когда Бренна Око Бога вышла из замка, все остановились и посмотрели на нее. Все они знали, конечно, как ей было больно, знали о потере, и все они знали, что она хотела бороться.

Вали подумал, что историй о ней в случае успеха станет в десять раз больше. Если она осуществит свою месть и вернется обратно в замок, она станет известна и почитаема, как сама Брунгильда (*прим. Брунгильда — супруга Сигиберта I, короля Австразии, дочь вестготского короля Атанагильда и Госвинты (Госвинды). Имя Брунгильда переводится с древневерхненемецкого как «Закованная в броню воительница»*).

Бренна встала между лошадьми и подняла руку, чтобы забрать поводья Фрейи. Он протянул их ей. Они не улыбнулись друг другу, ибо не время это было для улыбок, но глаза их встретились и сказали все, что должны сказать: в их взглядах были гордость и любовь, и преданность.

Она запрыгнула седло легко, без каких-либо признаков дискомфорта. Только правый глаз дернулся. Кроме Вали этого не увидел никто, и он знал, что ей было больно подняться в седло. Но она была могучей воительницей, шедшей на праведный бой, и ее боль не имела значения.

— Бок о бок, воительница. Мы останемся вместе.

Она кивнула и одарила его почти незаметной улыбкой, просто ухмылкой, застывшей на мгновение в уголке ее рта.

— Мы спасли друг друга. Мы обречены на это, я верю.

— Так и есть.

Он пустил свою лошадь вперед, и Бренна сделала то же самое, и вместе с Леифом они повели отряд через ворота замка.

Глава 15

Утро было ясное и холодное, но восход солнца принес тепло. Бренна скакала между Вали и Леифом и вдыхала запах перемен — дело шло к весне. Зима держалась долго и упорно, но лето, наконец, стряхнуло с себя ее тяжелый плащ.

Снега в самые суровые дни зимы выпало столько, что сугробы были в разы выше Вали, а замок замело до вторых окон, и даже сейчас налетчики ехали на лошадях или шли пешком по снегу, в который проваливались по колено. Он таял быстро в этот день, третий в череде теплых дней и пока самый теплый из них.

К тому времени, как они остановились, чтобы отдохнуть и накормить лошадей, им уже пришлось идти по грязи.

Вали соскочил с коня и подошел к ней. Когда его руки поймали ее за бедра и помогли сползти с седла, Бренна послала ему раздраженный взгляд через плечо, но не стала сопротивляться и позволила ему поставить ее на землю. Ей было больно, и она превозмогала боль. Несколько часов в седле на лошади, идущей рысью — и грудь заболела так сильно, что каждый вдох словно застревал в горле. Бренна нуждалась не только в помощи, чтобы прыгнуть на землю. Ей было нужно простое прикосновение его сильных любящих рук.

Он повернул ее к себе лицом, а затем погладил по щеке.

— Ты бледна снова, моя любовь.

Не став отрицать, Бренна поймала его руку своей рукой и улыбнулась.

— Мне это нужно, муж. Мое желание отомстить будет поддерживать меня.

Посмотрев в ее глаза, он кивнул.

— Используй это время, чтобы отдохнуть. Я принесу тебе еду и питье.

— Спасибо. Сначала мне нужно отойти, я на минутку.

Понимая, что у нее есть личные заботы, он снова кивнул и наклонился к ее лицу. Ощущая спиной твердую спину Фрейи, Бренна обвила руки вокруг шеи мужа, игнорируя тянущую боль в ребрах, и самозабвенно поцеловала его.

Его руки сжали ее зад. Вали прижал ее так крепко, что она почувствовала его возбуждение, даже сквозь мех и кожу. На миг Бренна забыла обо всем. Не осталось ничего, кроме их любви, физической и духовной.

Поцелуй был неторопливым, и отпуская ее, Вали прошелся языком по ее губам. Она вздохнула и открыла глаза.

— Я люблю тебя.

Он прикоснулся своим лбом к ее.

— Ты держишь мое сердце в своих руках. Держи его крепко.

~oOo~

Поев соленую треску и хлеба и выпив воды, налетчики оглядели своих коней. Лошадей покормили зерном, а потом очистили копыта от налипшей на них грязи. Бренна оперлась о круп Фрейи, очищая грязь, когда на нее упала тень.

Леиф стоял рядом с ней.

— Позволь мне.

— Моя лошадь — моя забота.

Он положил руки ей на плечи и отодвинул ее в сторону.

— Я тот, кто научил тебя этому правилу, а значит, я сам могу его нарушить.

Вали, который тоже занимался своим конем, выпрямился и некоторое время просто смотрел на них, затем кивнул Леифу в знак благодарности.

Бренна задумалась на секунду, затем повернулась к Леифу, который уже держал копыто Фрейи.

— Кажется, вы сговорились.

— Мы сговорились защитить тебя от последствий твоего глупого рвения? Так и есть.

Ольга тоже сказала, что она ведет себя глупо. Казалось, никто не понимал причин ее поступка. Но она была удивлена тем, что Леиф тоже вел себя так, словно осуждал ее.

— Ты понимаешь, Леиф. Я знаю, что ты понимаешь. Возможно, даже больше, чем Вали.

Он отпустил очищенное от грязи копыто Фрейи и обошел ее сзади, поглаживая по крупу. Бренна последовала за ним, желая продолжить разговор.

Леифу было лишь на несколько лет больше, чем Бренне. Он был не старше Вали, и казался моложе, с тяжелой, длинной гривой золотистых волос, ровным прекрасным лбом и густой, но подстриженной бородой. Но в такие моменты его голубые глаза светились темным светом мудрости.

Она знала его историю не потому, что они были близки еще до похода в Эстландию — до Вали у Бренны не было друзей или даже приятелей, но потому, что его трагическая история была известна во всех концах Гетланда.

Он женился совсем молодым, едва получив звание воина — как и было заведено у их народа. Леиф почти не знал свою такую же юную невесту до брака, но они жили хорошо, и она родила ему шесть детей. Трое умерли в младенчестве. Дочь и два сына выжили. Лихорадка забрала его дочь на пороге ее совершеннолетия. Один сын утонул. Его жену и будущего седьмого ребенка убили те же налетчики, что едва не убили жену ярла Эйка и его детей.

Из всей его семьи выжил только его сын Эйнар. Эйнар, который был зверски убит принцем Владимиром, и смерть которого повлекла за собой ужасную резню.

Если кто-то и знал, что такое боль потери и жажда мести, то это Леиф Олафссон.

Взяв Фрейю за заднее копыто и начав счищать с него грязь, Леиф ответил:

— Да, Бренна, я понимаю. А еще я понимаю твоего мужа и знаю, как больно ему будет жить без тебя. Это как рана в сердце, которая никогда не сможет зарости.

— Я думаю, что если бы я осталась дома, Вали не стало бы легче. Я чувствовала себя измученной в эти последние недели. Я не знаю, как это — отказываться от борьбы и ждать.

Леиф отпустил копыто Фрейи и выпрямился. Он был почти такой же высокий и широкоплечий, как Вали, и Бренна откинула голову назад, чтобы оставаться с ним лицом к лицу.

Он улыбнулся.

— Ну, посмотрим, сможешь ли ты найти то, что так ищешь.

~oOo~

Солнце двигалось на запад, но было еще достаточно светло для сражения, когда Леиф и Вали, как один, ринулись вперед.

Они ехали по лесу, и Бренна уже заметила признаки человеческого присутствия — протоптанные людьми и лошадьми тропы, сметенный в сторону снег. Они проходили по охраняемой территории.

Леиф поднял руку, и всадники остановились. По сигналу Ганс и Бьярке выехали вперед с луками в руках. Леиф и Ганс двинулись в одном направлении, и Вали и Бьярке — в другом. Бренна знала, что они делают — высматривают передовой патруль. Если они что-то заметят, у лучников будет возможность убить их тихо, без шума.

Орм подъехал к Бренне.

— Вали рассказал наш план? — тихо спросил он.

— Да. Три группы. Стрелки и жители деревни организуют четвертую, они пойдут сзади. Мы разделимся прямо сейчас?

В непосредственной близости сражения с тела Бренны слетела боль и усталость. Она

чувствовала, как барабаны боя уже бьются в ее груди, придавая ей сил и наполняя огнем.

— Да. Вы едете с главным отрядом, к воротам. Астрид и Харальд поведут две пеших группы к стенам. Когда разведчики вернутся, Ганс и Бьярке присоединятся к Стену и Георгу и направятся в лес, чтобы соединиться с жителями поселка.

Позади нее несколько всадников спрыгнули на землю. С большой повозки, которая следовала за ними, тоже сошли воины. Они сгруппировались с остальными и по указанию Харальда и Астрид разделились на отряды.

Когда она повернулась и оглядела свой разделившийся на группы отряд, он уже не показался ей таким большим.

— Это хороший план, Бренна Око Бога.

Бренна удивленно повернулась к Орму. Она не слышала это имя уже много месяцев. Звук его не разозлил ее, как бывало раньше. Она стала другой за эти месяцы в замке, среди своих первых друзей, рядом со своей первой любовью, в своем первом доме. Она больше не была только Оком Бога. Теперь она была Бренной, которая становилась Оком Бога только тогда, когда держала щит и меч.

И сейчас она осознала, что это имя ей нравится.

Возница и его помощник собрали поводья лошадей без седоков и повели их прочь, в глубокие леса. Они будут ждать возвращения налетчиков.

Все они ожидали возвращения разведчиков.

Леиф и Ганс вскоре вернулись, остановив коней почти вплотную к Бренне и Орму.

— Никаких признаков патруля. На востоке все тихо.

В ожидании Вали и Бьярке, Бренна почувствовала стеснение в груди, и оно никак не было связано с ее травмой. Каждый вдох, каждое биение сердца, казалось, длились бесконечность.

А потом она увидела его, и у нее от облегчения закружилась голова. Он подъехал, хмурясь и ухмыляясь, как всегда делал в бою, но ухмылка сменилась улыбкой, когда он остановил скакуна.

— В отряде было трое. Мы подошли сзади, и Бьярке снял всех троих, прежде чем они смогли развернуть лошадей, — он протянул руку и ударил мужчину по руке. — Эту историю я буду рассказывать всю свою жизнь, мой друг.

Бьярке стыдливо ухмыльнулся, а затем повернулся и направился в сторону других лучников. Все четверо кивнули лидерам отряда и поскакали прочь. Они будут прочесывать лес, оставаясь в седле, прикрывая остальных.

Пришла пора. Леиф и Вали дали отряду команду готовиться, а затем заняли свои позиции во главе линии всадников. И снова они встали по обе стороны от Бренны, а Орм переместился во второй ряд, позади нее. Вали уже снял свою тунику, и его массивная грудь вздымалась в предчувствии схватки.

Молча они вышли на дорогу и направились к воротам замка. Те, кто нес щиты, вытянули их вперед. Бренна тоже почувствовала себя спокойнее с привычной тяжестью щита на руке.

Ворота со скрипом открылись, и из замка выехал вооруженный отряд. Вел их всадник в дорогих сверкающих доспехах. Бренна обежала взглядом верхнюю часть стены в поисках лучников, но ничего не увидела. Она ни на минуту не позволила себе расслабиться и успокоить себя мыслью, что в замке нет лучников, чтобы охранять стены. Наверняка они были, но, как и планировалось, их застали врасплох. Удержать лучников, не дать им подняться на стену — как раз это и было задачей деревенских жителей.

Лидер отряда заговорил, но познания Бренны в языке Эстландии не позволили ей понять все до конца. Ей показалось, что она услышала слово «*tulid*» — то есть, «прийти», и голос всадника поднялся на этом слове в вопросительной интонации, так что она догадалась, что он спросил, зачем они пришли.

Леиф махнул рукой, и справа от нее, между ней и Леифом, мимо ее головы пролетело копье. Оно засело у одного из всадников в горле.

Они пришли не для разговоров.

Когда воин упал, налетчики прыгнули со своих коней и погнали их прочь, подальше от драки. Бренна повернулась к Фрейе и отвесила ей резкий шлепок по крупу, прогоняя ее с громким, пронзительным «Ха»! Кобыла понеслась за своими собратьями. Таким образом, они спасли лошадей и убедились, что в бою не будет препятствий. Лошадь была хорошим средством передвижения, но не была оружием.

Бренна вытащила свой меч и бросилась в бой.

Они загнали солдат обратно в крепость, и когда налетчики расчистили проход, Бренна увидела, что жители деревни уже сражаются у задней стены, один за другим выхватывая из прикрытой соломой кучи вилы, деревянные колья, молоты, лопаты — инструменты, которые сейчас становились оружием в их борьбе за свою жизнь.

Лучники остановились на вершине стены и стреляли вниз и вдоль нее. Астрид и Харальд привели свои отряды на стены почти одновременно, как раз в нужный момент. Казалось, сами боги управляют этим боем.

У Бренны не было времени разглядывать хаос за пределами основного боя; она закружилась в водовороте налетчиков и солдат. Поставить щиты перед отрядом было нельзя, они были слишком далеко друг от друга. Поэтому она сосредоточилась на сражении, используя щит и меч, как оружие и как защиту, как ее и учили, а научили ее так хорошо, что ей вообще не приходилось об этом думать. Ей нужно было только увидеть, и в бою ее зрение менялось, позволяя ей видеть все вокруг.

Она заметила, что Вали постоянно сражается рядом. Сражаясь, рядом с собой она постоянно видела его массивное незащищенное тело, слышала глубокий, яростный, звериный боевой клич. Леиф был недалеко. Каждый раз, когда она сделала шаг в сторону, за пределы основного боя, она оказывалась в центре, в окружении мужчин, которых она знала. Они направляли ее, защищая и блокируя удары, направленные в ее сторону — и не позволяли ей самой драться в полную силу.

Но она могла сражаться сама. Разозлившись, на этот раз на своих друзей, Бренна вскрикнула и прыгнула вперед, опередив и Вали, и Орма. Она наконец-то встретилась с врагом лицом к лицу, без защиты своих друзей, и ударила мечом в плечо ближайшего к ней воина, расчищая себе путь дальше.

Бренна оказалась во дворе замка — тут было не меньше хаоса, но больше врагов вокруг — и прежде чем она смогла вытащить из тела поверженного врага меч, Вали крикнул:

— ПОДНЯТЬ ЩИТ!

Инстинктивно, не зная, кому именно он это крикнул, она задрала щит — и пронзившая его стрела вонзилась в ее руку.

Она выдернула свой меч из тела солдата и добила его ударом в шею. Затем она ударила щитом об его тело, ломая торчащую из него стрелу.

Вали схватил ее.

— Оставайся рядом со мной!

Он тряс ее с каждым словом, его глаза казались дикими на окровавленном лице.

— Ты удерживаешь и меня, и себя тоже! Позволь мне сражаться!

Бренна поймала взгляд солдата, целящегося в Вали. Она ударила своего мужа щитом, заставляя его отшатнуться в сторону, заблокировала щитом удар. Взрыв боли ударил ее раненную руку, и это была ее первая боль в этом бою, но она отвела щит в сторону и вверх, рванулась вперед и ударила воина по руке с мечом. Потом развернулась и резким рубящим ударом снесла ему обе ноги.

Покалеченный, он упал сначала на колени, а потом навзничь. Его шлем слетел с головы при падении, и Бренна увидела знакомое лицо. Оно было скрыто шлемом и пластиной для носа, когда она последний раз видела его, но она бы узнала эти глаза из тысячи глаз — светло-карие, цвета меда.

Воин, который спас ее в лесу. Один из тех, кто перевернул ее сани и заставил ее

преждевременно родить. Тот, кто повинен в смерти ее сына.

Он тоже узнал ее. Его глаза расширились.

— *Halasta minu!*

Она знала эти слова. Он просил пощады.

Наклонившись так, чтобы он услышал ее шепот даже в грохоте войны, она зарычала.

— *Ei! Kõik surnud!* (прим. переводчика: «Нет. Только смерть!») (эстонск.)

Убедившись, что он услышал и понял ее слова, она воздела меч и вогнала его в грудь.

Бренна выпрямилась и оказалась лицом к лицу с мужем. Они посмотрели друг на друга, а потом он взглянул того, кого она только что убила. Вали снова посмотрел на нее, и его взгляд был наполнен осознанием.

Затем он кивнул, и они вернулись к бою.

~oOo~

План сработал почти идеально. Часть команды Харальда попала под обстрел на стене, но та шестерка лучников, что успела открыть огонь, в конечном итоге все равно была убита. Одиннадцать деревенских жителей и еще двое налетчиков погибли. Наверняка воинов Ивана погибло больше, но их никто не считал. Бренна хотела бы знать, как выглядят братья и отец Ольги. Оставалось только надеяться, что они живы.

Отделяя своих погибших и от убитых воинов Ивана и тех, кто еще дышал, Леиф и Вали наткнулись на привязанного к коновязи человека в богатых доспехах. Кажется, это был какой-то вожак.

У Ивана на службе было несколько благородных вассалов, но очень маленькая армия. Нападение на отряд Бренны продемонстрировало весь уровень его безрассудства. Но ему наверняка удалось бы нанести реальный ущерб, или даже победить их в бою, если бы замок был готов к нападению.

Теперь, однако, его владение стало их владением, как и все его ресурсы — и их было не так уж и много. Его скот и запасы могли бы помочь пополнить кладовые и восстановить сгоревшую деревню. И, если бы жители согласились — а таков был план Леифа — то можно было бы объединить две деревни, помочь воссоединиться семьям и объединить силы.

Но сначала им нужен был принц Иван, который, как оказалось, уже улизнул.

Вали стоял кинжалом в руке и снимал кожу с руки последнего живого воина принца. Когда крики воина смолкали, Вали задавал ему один тот же вопрос:

— *Kus on prints?* (прим. переводчика: «Где принц?») (эстонск.)

— *Ma ei tea! Ma ei tea!* — причитал мужчина, и Вали снова начинал резать его. — *Ma ei tea!*

Я не знаю.

Вали отпустил руку воина, которая теперь была ярко-красной от запястья до локтя, и ткнул острием кинжала в живот пленника.

— *Peatuge! Palun peatuge!*

Стоп.

Вали остановился и спросил снова:

— *Kus on prints?*

— *Tunnel. All kõök.*

Вали посмотрел на Леифа, а затем на Бренну. Они все поняли, что под кухней был туннель. «Кухня» была одним из первых выученных Бренной слов эстландского языка.

Затем он повернулся к Орму.

— Оставьте его в живых. Мы вернемся. Если вернемся без принца, то, — он указал своим кинжалом на воина, — его страдания не кончатся еще долго.

Леиф, Вали и Бренна направились в замок и отыскивали кухню. Там под столом

пряталась дородная старая женщина. Леиф присел и осторожно помог ей выбраться.

— Туннель? — спросил он, голос у него был добрый и успокаивающий.

Она указала на огромный камин. Дернув за кольцо сбоку, они нашли дверь. Она открылась, и Бренна и остальные увидели каменные ступени. Вали схватил факел со стены, и они пошли вниз.

Они нашли принца спрятавшимся в углубление в стене. Он не закрыл дверь, потому что не смог втиснуться в углубление целиком.

Бренна подумала, что если все принцы Эстландии такие, как те двое, с которыми они воевали — лжецы и трусы — то эта страна заслуживает того, чтобы быть захваченной. Эти дворяне воевали за спинами своих крестьян, а сами прятались в своих замках.

Вали вытащил Ивана за шиворот. Толстяк бормотал и лепетал, но Вали ударил его кулаком в лицо и заставил его замолчать по-настоящему. Затем он вскинул его тяжелое пухлое тело на плечо, присел на корточки, сгорбившись в узеньком пространстве, и они прошли через замок и вышли наружу.

Нужно было, чтобы наказание принца Ивана увидели.

Видя, что Вали несет принца, Орм вскрыл солдату горло, а потом отвязал его от коновязи, и его тело упало в кровавую лужу.

Вали наклонился и сбросил бессознательное тело принца на солому, в лужу крови своего последнего солдата. Затем он похлопал его по лицу, чтобы тот пришел в себя.

Когда принц сел, скорчился и снова забормотал, Вали заговорил за ним на языке Эстландии. Он говорил громко, обращаясь к князю и всем остальным. Бренна не поняла всего, что он сказал, но его жестов и тех слов, что она разобрала, ей хватило.

Он просил принца посмотреть на то, что сотворила его жадность, задуматься над тем, что вокруг него благодаря ей теперь одни враги. Он рассказывал людям, что они теперь свободны, что они теперь смогут жить хорошо, и предлагал жителям деревень объединиться.

Затем он поставил Ивана на ноги, сказал что-то другое, более спокойно, так, что Бренна не услышала, и ударил его топором в лицо.

~oOo~

Они уложили своих мертвых на тележку. Когда отряд прошел через ворота родного замка, ночь уже настала, было темно и холодно. Яркая, почти полная луна освещала их путь, было холодно, но в эту ночь холод не превратился в мороз.

Боги были с ними в этот день и ночь. Бренна хотела бы, чтобы они были с ними в ночь рождения ее сына, но она была благодарна и за такое.

Ее мучила боль. Ее грудь, казалось, была полна шипов. В нижней части спины и в животе было тесно, горячо. Раненая рука уже давно онемела. Если бы Фрейя не была такой покорной, и если бы не их взаимное доверие, Бренна вряд ли бы усидела в седле.

Когда Вали помог ей выбраться из седла, она не смогла сдержать резкий стон.

Он нахмурился.

— Быстро в кровать. Прямо сейчас. Я позабочусь о Фрейе и приду.

Она не стала спорить.

Она, однако, пошла навстречу Ольге, выбежавшей из замка, заведя возвращающийся отряд.

— Мы привезли тебе подарки, мой друг, — сказала она и взяла Ольгу за руку.

В самой середине спешивающегося с коней отряда налетчиков были два молодых человека, одетых в грубые шерстяные одежды, слишком легкие для зимы, но укрытые сверху мехами, которые им дали их новые друзья.

Братья Ольги. Ее семья. Оба были молоды, еще даже не носили бороды, но уже могли сражаться. Их отец не пережил налета. А мать давно умерла.

Увидев их, Ольга побежала вперед и обхватила руками их обоих, рыдая и прижимая

их к себе. Чувствуя себя так, словно стала свидетелем какого-то интимного момента, Бренна повернулась и пошла в замок.

Долгий подъем вверх по темной лестнице в их комнату, по ее мнению, был самой трудной частью этого дня.

~oOo~

Прошло много времени, прежде чем Вали открыл дверь в комнату, но Бренна смогла за это время только снять с себя сапоги. Она сидела у огня, чувствуя усталость и боль, и слушала рев и смех друзей — внизу праздновали победу и выпускали из себя остатки боевой свирепости.

Бренна была зла. Она искала мести и нашла ее. Но душа не унималась. Месть не вернула ей сына. Не вернула друзей.

Вали подошел и присел рядом с ней. Впервые он увидел ее раненую руку, увидел кровь. Он поднял ее руку.

— Ты ранена.

Ее рука болела и болела сильно, но это была боль, которую она знала. Прошло слишком много времени, и рану уже нельзя было зашить. Останется шрам, но сейчас ее нужно было только промыть и перевязать. Она вытащила руку из его хватки.

— Несильно. Стрела прошла через щит, задела только плоть.

— Надо ее промыть и перевязать.

— Я все сделаю. Мне нужно некоторое время, чтобы отдохнуть.

И тут он удивил ее с улыбкой.

— Я рад, что ты не спишь. Женщины принесут нам ванну.

Несмотря на жуткую усталость, прекрасное слово «ванна» заставило Бренну улыбнуться и отбросить прочь беспокойные мысли и темные переживания.

— Я бы не отказалась.

Он пригладил волосы, выпавшие из ее косы.

— Внизу все пьют и празднуют, и рассказывают историю об Оке Бога, которая прошептала заклинание на ухо своему врагу, прежде снести ему голову, и которая поднялась и спасла Вали Грозового Волка, защитив его крепкой рукой со щитом, как если бы сам Один дал ей свою силу.

— Ты спас меня. Ты бы спас меня от всех врагов, если бы я тебе позволила.

— Я не боюсь величия моей жены. Они рассказывают и мою историю. И да, я бы постарался защитить тебя от всех врагов, хотя наверняка погиб ты тогда в этой схватке.

Она отвела его руку от своих волос и сжала ее.

— Мы спасли друг друга.

— Моя Дева-защитница. Мы обречены.

Он притянул ее руку к губам и поцеловал ее.

Стук в дверь возвестил о приходе женщин с ванной и горячей водой. Вали встал и крикнул:

— Входите!

Когда женщины вошли в комнату, он улыбнулся Бренне.

— И теперь я смиренно спрашиваю тебя, позволишь ли ты позаботиться о тебе сегодня вечером? Я хотел бы помочь тебе вымыться, и хотел бы перевязать твою рану, и я хотел бы держать тебя в своих объятиях, пока мы спим.

Мысли об этом наполнила глаза Бренны слезами. Она сморгнула их прочь, прежде чем они смогли упасть.

— Ты спасаешь меня каждый день, — прошептала она.

ЧАСТЬ 3. ЩИТ

Глава 16

Занимался рассвет, и Бренна еще спала. Вали лежал на боку позади нее и наблюдал, как поднимаются ее плечи с каждым глубоким, спокойным вдохом. Ее длинные светлые волосы во сне разметались волнами, и он уткнулся лицом в льняные пряди, лежащие на его руке и глубоко вдохнул их запах.

Он почти всегда просыпался раньше нее, и за последние спокойные недели уже привык вот так, открыв поутру глаза, спокойно лежать и смотреть, как спит его жена. Отдаваться миру своей любви. Миру, доставшемуся им ценой огромных усилий и пока еще такому хрупкому, несмотря на то, что любовь пришла к ним на удивление легко.

После того, как принц Иван был повержен, и его владение присоединилось к основному, князь Тумас направил к ним посланника. Он хотел встретиться. Они заключили мир между ними, и Тумас предложил им ресурсы и помощь в восстановлении деревни. Он даже предложил свою дочь в жены Леифу, но тот, не имея намерения поселиться здесь, отказался. Тумас был оскорблен, и переговоры ненадолго затихли, но потом мир все же был восстановлен.

Казалось, теперь опасность была позади, и ждать чего-то плохого можно было только от ярлов, которые вот-вот должны были прибыть в Эстландию. Теперь, когда установилась теплая погода, а снег и лед уступили место зеленым почкам и паводкам, они начали высматривать корабли, каждый день отправляя на побережье патруль. Было еще рано, но Бренна и Леиф знали, что их ярл очень нетерпелив, да и Вали считал, что его господин не станет откладывать визит.

Леиф становился все мрачнее; он знал, что, когда ярлы узнают о браке Бренны и Вали, хорошего ждать не придется.

Вали тоже это знал, и знал, что ярл Эйк наверняка воспротивится желанию Бренны поселиться в Эстландии. Но она так решила, и она хотела отказаться от своей клятвы верности Эйку. Будучи свободной, она имела на это право, несмотря на то, что в таком случае теряла все, что заработала, пока служила ему. Но она уже смирилась с тем, что родина для нее потеряна. Они собирались начать здесь новую жизнь.

Эйк наверняка разъярится, узнав о том, что лишился Бренны, а он был беспощадным человеком, способным на чудовищную жестокость. Вали беспокоился за нее и за них. Вот если бы она была беременна, или с ребенком на руках ко времени прибытия кораблей, это было бы аргументом.

Зная это и просто желая подарить своей любимой женщине ребенка, Вали хотел сделать Бренну беременной, как можно скорее.

Но Бренна не позволяла ему посеять в себя семя. Его желание и ее сопротивление было постоянным источником напряженности между ними. Они занимались любовью почти каждый день — их потребность друг в друге осталась такой же, как и раньше, и их любовь была глубокой и настоящей, и Вали вскоре перестал давить на Бренну. Но он все еще чувствовал разочарование, и она его тоже чувствовала.

Но в эти тихие моменты, пока она спала, Вали чувствовал, что между ними нет никаких преград, нет ничего, кроме любви.

Он хотел детей от нее. Он хотел, чтобы она носила его ребенка. Беременность дала бы ей сильное оружие, способное защитить ее так, как не мог он — без насилия. Она отказывалась видеть это, отказывалась признать его правоту, отказывалась верить в то, что ее ярл способен причинить ей зло. Она отмахивалась, говорила, что пока нет времени, что предстоит еще слишком много дел, что надо восстановить деревню, а уж потом строить новую жизнь.

Но правда, настоящая, глубокая правда была в том, что Бренна боялась. Она оплакивала своего сына и боялась попробовать снова. Он не был уверен, что даже сама

Бренна когда-нибудь признает это.

Он провел пальцем по ее коже, очерчивая контур зазубренного шрама на ее плече — как рассказала Бренна, этот удар должен был снести ей голову. Однако она была гибкой и быстрой, и Вали легко мог представить, как она уклоняется от смертельного удара. В бою, она была такой же, как и он: целеустремленной и отчаянно смелой, без страха и максимально сосредоточенной — пока тело делало свою работу, разум рассчитывал ходы, отстранившись от боя.

Но в обычной жизни его Дева-защитница знала, что такое страх и сомнения.

Он любил ее за это.

Он хотел еще одного ребенка. Хотел видеть, как растет внутри нее их сын — его душа тогда бы была полна ликования. Потеря Торвальда причинила ему боль, которой он никогда не знал, и боль эта утихала, но душа все еще не могла успокоиться. Он хотел семью, детей, дом. И он хотел, чтобы у Бренны была защита от гнева ярла Эйка.

Вали откинул волосы с ее шеи и плеча и придвинулся вплотную, так, что их тела соприкоснулись. Скользнув рукой между ее ног, он одновременно пощекотал бородой ее шею и, наклонившись, поцеловал, слегка посасывая кожу.

Она вздохнула и зашевелилась.

— Не просыпайся, — прошептал он Бренне в ухо. — Позволь мне наполнить твои сны, наполнить твое тело.

Его пальцы поиграли с ее складочками, чувствуя, как она становится влажной для него. Вали коленом раздвинул ей ноги, готовый войти в нее. Он легко скользнул в ее ножны, и застонал, охваченный восторгом. Неважно, сколько раз он брал ее, этот момент был всегда одинаков: поразительно силен, словно еще одно доказательство их совершенного союза, их любви и судьбы.

— Вали... — сонно выдохнула Бренна, еще не совсем осознавая, что происходит.

— Тссс, — он поцеловал ее в плечо. — Спи. Пусть это будет сон.

С этими словами Вали начал медленно двигаться в ней, и она глубоко вздохнула и расслабилась в его объятиях.

Сердцем он понимал, что то, что он планировал, то, на что он надеялся, было нечестным. Бренна не была готова. Он знал, что это так. Она четко выражала свое несогласие. Но она ошибалась, и он был возбужден, и он был ее мужем. Может, это было нечестно, но правильно.

Мысль о том, что он может сейчас сделать ей ребенка, возбудила его сильнее, и он почувствовал, как его орган стал набухать и пульсировать. Вали сдал двигаться быстрее. Пальцы его искали и нашли бутон ее удовольствия, другой рукой он обхватил ее полную тяжелую грудь. Он крепко держал ее и с каждым толчком стонал, уткнувшись ей в шею, намереваясь довести свой план до конца во что бы то ни стало.

И вот Бренна полностью проснулась, извиваясь в его объятиях, задыхаясь, и тоже начала стонать. Он ускорился, с силой вбиваясь в нее, удерживая ее так крепко, как мог.

Но когда подступило освобождение, и он прижался лбом к ее шее, сжав зубы, чтобы удержать внутри огонь, сжигающий его тело, Бренна напряглась.

— Вали... Вали, подожди.

Он проигнорировал ее, толкаясь еще жестче.

Теперь она боролась с ним, пытаясь вытащить его из себя, но какой бы сильной Бренна ни была, он был намного сильнее. И даже сквозь борьбу он ощущал ее наслаждение, слышал ее вздохи и всхлипы.

— Нет. Пожалуйста... пожалуйста, — она ахнула. — Вали... не в меня.

Ее растущее беспокойство, наконец, перевесило наслаждение, и она начала вырываться по-настоящему. Но Вали сжал ее руки и не отпускал.

— Вали, пожалуйста!

И он не смог. Совесть ударила в него, и он остановился — на самом краю. Секунду он еще побыл внутри нее, тяжело дыша — как и сама Бренна, а потом сдался и вышел.

Перевернулся на спину, все еще твердый и пульсирующий, и уставился в потолок.

— Ты хочешь иметь детей от меня, Бренна?

Вали был зол. Он не должен был злиться... нормальными были бы разочарование, обида. Но злость была неправильной. Бренна не заслужила его гнева, независимо от ее нежелания отдаться ему.

Да, она не заслужила. А он — да. Он пытался заставить ее, надавить, вынудить сделать то, чего она не хочет.

Пока он боролся с отвращением к себе, Бренна повернулась к нему лицом. Потом она сделала самое худшее, что могла сделать в тот момент. Она извинилась.

— Мне очень жаль. Я знаю, что ты хочешь... прости, — она наклонилась и взяла его в руку. — Я помогу тебе вот так.

Ненавидя самого себе, он схватил ее за руку.

— Нет.

Он был слишком требователен, это так. Пытаясь справиться с кучей эмоций, раздирающих его изнутри, Вали откинул меха и встал с кровати.

Бренна села.

— Я хочу от тебя детей. Очень хочу. Я... просто... не готова. Пожалуйста, не сердись на меня.

Наверняка это было очень близко к той правде, которую она себе позволила. Вали обернулся и увидел, что его любимая жена грустна и подавлена. Его отвращение к самому себе только усилилось. Он наклонился и провел пальцами по ее щеке.

— Это не на тебя я злюсь, моя любовь. Мне нужно подумать. Прости меня за мое скотство.

Он поцеловал ее в щеку и поднял штаны с пола.

Пока он одевался, Бренна сидела в постели и спокойно смотрела на него.

— Я собираюсь поехать в деревню, начать работы пораньше. Я увижу тебя там сегодня?

Она кивнула.

— Конечно.

Чуть заметно улыбнувшись, он открыл дверь.

— Вали.

Он обернулся.

— Я люблю тебя.

— И я тебя, Дева-защитница. В этой жизни и в следующей. Никогда не сомневайся в этом.

~oOo~

Позднее тем же утром, после нескольких часов тяжелого упорного труда Вали почувствовал, что в голове стало яснее. Он сожалел об утреннем эпизоде, но так и должно было быть. Когда он увидит свою жену и у них появится время наедине, они поговорят. Он хотел дать ей то, что ей нужно, — то, чего хотела она сама, а не то, чего хотел он.

И если ярл Эйк будет угрожать ей или пытаться причинить боль, он просто его убьет. Независимо от последствий.

Бренна еще не появилась в деревне, а уже приближался полдень, и воздух наполнился аппетитным ароматом грядущего обеда, и Вали начал беспокоиться. Не за свою безопасность — у них не было причин переживать — но за Бренну. Даже извинившись, он повел себя сурово, и расстались они без тепла. Может, она засомневалась в его любви?

Шум за спиной отвлек его от мыслей. Вали повернулся к пригорку, где были свалены только что отесанные балки. Четыре мальчика, еще не заслужившие права называться мужчинами, изо всех сил пытались поднять бревно.

Налетчики не старались построить деревню заново, придать ей тот вид, который она имела раньше. Много изменилось, у них теперь было больше людей, и, занимаясь работой, Вали снова и снова задумывался о том, что им вполне можно построить настоящий город, торговую точку, которая будет иметь больше значения, чем простая деревня.

А еще и многие из их отряда решили остаться здесь. Орм, например. Гаральд нашел себе тут девушку, обзавелись парами и другие. И теперь в Эстландии строились длинные дома, как на родине.

Они больше не были налетчиками. Они были поселенцами. Вали осознал, что принял это гораздо легче, чем ожидал.

Он подошел к мальчикам, и они попятнулись, как если бы их поймали за проступком. Вали казался высоким среди своего народа; а среди эстландцев он был почти гигантом. Даже после всех этих месяцев многие при встрече изумленно таращились на него, как будто ожидая, что он вот-вот схватит кого-то из них и съест — в особенности этот страх был замечен у тех, кто пришел недавно в деревню из земель Ивана.

— Что вы тут делаете? — спросил он на языке Эстландии, глядя на мальчиков преувеличенно сердито.

Один из мальчиков шагнул вперед, откидывая со лба прядь нечесаных темных волос. Кажется, его звали Якоб.

— Стэн сказал нам принести ему бревно.

Бревно было слишком велико для мальчиков, у них были слишком тощие руки. Даже вчетвером они едва ли сдвинули бы его с места — и Стэн это знал. Наверняка он решил подшутить над мальчишками.

Вали вздернул брови, подхватив шутку.

— Тогда делайте, что вам сказали. Почему бревно все еще здесь?

— Мы... мы не можем его поднять, — сказал другой мальчик, Нигул, поменьше и помладше, чем первый.

Якоб ударил его по руке, заставив завопить и схватиться за ушибленное место.

— Мы можем. Мы поднимем.

Вали засмеялся.

— Нет, не поднимете.

Он оттолкнул мальчишек в сторону и поднял бревно, положив его себе на плечо. Все четверо мальчиков смотрели на него с трепетом и изумлением.

— Ты очень сильный, — удивился Нигул.

Вали посмотрел на этого русоволосого мальчика с ясными голубыми глазами. Он так походил на Бренну. Вали спросил себя, как мог бы в таком возрасте выглядеть его собственный сын. Он закрыл глаза, пытаясь справиться с болью.

— И вы должны это запомнить, идите, найдите себе работу по плечу.

Мальчики убежали прочь, и Вали понес бревно к стене, туда, где строил Стэн.

Опустив бревно на землю подле него, он засмеялся.

— Ты думаешь, у нас тут много здоровых ребят? Да они бы руки переломали себе, пытаясь перетащить это бревно.

Стэн отступил от края ямы, которую копал.

— Уф! Эти парни так и вились под ногами. Я подумал, что если дам им невыполнимую работу, хоть на время отстанут.

— Зачем им приставать к тебе?

— Мы — иностранцы, строим наши странные большие дома, а Ори уже распугал кучу народа своим рычанием, — Стэн поднял кожаный мешок с водой и сделал большой глоток. — Нам надо придумать для них настоящее занятие. Где их отцы?

— Отец Якоба был в деревне, когда напали воины Ивана, а отец Андреса погиб, когда мы напали на замок. Кажется, остальные мальчики — дети воинов с побережья.

— А. Ну, тогда матери хотя бы. Кто-то, чтобы удержать их подальше от

неприятностей.

— Я найду им работу после обеда, — сказала Бренна, подходя сзади и становясь рядом с Вали.

Он поднял руку, и она поднырнула под ней и обняла его за талию. Он обрадовался тому, что утреннее напряжение прошло. Но это не отменяло необходимости разговора.

— Я рад видеть тебя. Я думал, ты придешь раньше.

— Один из коней повредил себе копыто в стойле. Я помогала ухаживать за ним.

— Сильно повредил?

— Нет. Копыто треснуло, но его обработали, и теперь конь даже не хромает. Но он вел себя довольно беспокойно и ударил Дэна в грудь. Он пробудет в постели день или два. Ольга с ним.

Вали кивнул Стэну и повел жену прочь. Когда они отошли на приличное расстояние, он остановился и коснулся рукой ее лица.

— Прости меня за это утро.

— Давайте не будем говорить об этом, — она повернула голову и поцеловала ладонь Вали. — Забудем.

— Нет, Бренна. Я хочу сказать: когда ты решишь, что готова выносить ребенка, я тоже буду готов. Я буду ждать. Я больше не стану давить на тебя таким образом.

Ее глаза заблестели, и она подарила ему что-то вроде улыбки — но уже не ту яркую улыбку, которую он обещал ей каждый день.

— Я знаю, я слишком много прошу. Я хочу того же, что и ты. Я сама не совсем понимаю, почему сомневаюсь.

— Это не имеет значения. Ты просишь немногого. Мы подождем.

— Спасибо, — она поднялась на цыпочки, и он наклонился, чтобы поцеловать ее. Целуя свою жену, Вали услышал, что работы закончились, и настало время обеда — звуки пилы и топора стихли, и люди направились в центр села, где женщины накрывали столы. Темы разговоров сменились от рабочих к болтовне.

Он отстранился, его руки крепко сжали ее ягодицы.

— Ты голодна?

— Я не хочу есть, но я посижу с тобой, пока ты поешь.

Скаузе и хлеб замечательно пахли, и Вали был на самом деле голоден. Но у него были более насущные желания.

— Идем к реке.

— Зачем?

— Побудем наедине. А еще там берег, покрытый мхом и мягкой травой, где я мог бы уложить тебя на спину и сделать то, что хочу, — увидев, что Бренна сердится, он добавил. — И пролить свое семя на траву.

Выражение ее лица смягчилось.

— Разве у реки мы сможем побыть наедине?

— Конечно, а почему нет? Но если кто-то заметит нас, разве это будет так уж ужасно? Если кто-то увидит нашу любовь?

— Ну, тогда они могли бы присоединиться к нам, — с этими поразившими Вали словами Бренна потянула его за руку в сторону реки.

Он отстранился и повернул ее к себе лицом.

— Бренна?

Она засмеялась и покачала головой.

— Ну что ты, конечно, нет. Я просто хотела увидеть это выражение на твоем лице.

Вали почувствовал облегчение. Мысль о том, чтобы разделить ее с мужчиной или женщиной, заставила его внутренности сжаться. Но мысль о том, что кто-то может их увидеть, доставила ему удовольствие. Обычно Бренна была очень закрытой — совсем не такой, как ее соплеменники. Он скучал по дням ее беременности, когда она не могла сдерживать себя, и ей было наплевать на свидетелей.

И когда она носила платья с юбками, которые он мог запросто задрать.
Он поцеловал ее ладонь.

— К реке, воительница. Я собираюсь заставить тебя выкрикивать мое имя так громко, чтобы это смогли услышать все наши друзья.

Глава 17

Фрейя повернула голову и подтолкнула Бренну бедром, заставляя ее отступить, чтобы сохранить равновесие.

— Тише, милая. Будь храброй.

Она втерла мазь, которую дала ей Ольга, в рану на холке лошади. Фрейя беспокойно переступала с ноги на ногу, и кожа под пальцами Бренны дрожала. Рана была большая и кровоточила, и Фрейя на ближайшие дни наверняка останется в стойле.

— Я должна была вчера седлать тебя сама. Мне жаль.

Вали подошел к двери стойла и оперся на нее.

— Как она?

— Когда я промыла, стало просто ужасно. Она и вчера наверняка болела, только Фрейя не показывала.

Закончив с мазью, Бренна шагнула вперед и погладила нос своей кобылы.

— Она хорошо подходит своей всаднице. Терпеливая и храбрая.

Бренна улыбнулась мужу. Он казался таким простым симпатичным парнем, особенно когда улыбался. Улыбка освещала его голубые глаза, открывая взору лицо любящего и доброго человека, обычно спрятанное под маской сурового воина.

— Я думала, ты уже уехал.

Он часто вставал раньше нее и, как правило, к этому времени уже успевал уехать в деревню. Бренна взяла на себя кое-какие обязанности в замке, помогая женщинам ткать и выполняя другую работу, чтобы обеспечить будущее новой деревни. Обычно она уезжала из замка позже.

— Я вернулся за тобой, вспомнив о Фрейе. Решил, что ее наверняка сегодня нельзя седлать.

— Я не должна была позволять мальчикам ухаживать за ней. Моя лошадь, моя забота.

Они привлекли к работе всех тех, кто был способен ее выполнять, а детей отправили в замок, подальше от неприятностей.

Накануне она позволила Якобу оседлать свою лошадь. До этого она проверила подругу и попону, и казалось, все было в порядке. Фрейя не жаловалась. Но когда уже вечером Бренна сняла седло и попону со спины лошади, то наткнулась на уродливую кровоточащую рану, липкую и покрытую распушенной шерстью, прямо возле холки. Попона была сырой и натерла лошади спину за день.

Теперь Якоб скрывался от Бренны. Ему бы не поздоровилось.

— Поехали со мной. Мой конь может нести нас обоих.

У Вали был все тот же конь, огромный бугай. Он был с ним все время, что они провели в Эстландии, как Фрейя была рядом с Бренной, но Вали так и не дал коню имя. Его народ скорее был готов дать имя мечу, нежели коню. Но Бренна чувствовала тягу к животным, сопереживала. Она видела, как они смотрят и слушают. Они не были просто средства для перевозки людей и вещей. Они были живыми существами. Они чувствовали боль и знали радость.

И конь был больше живым существом, чем любое другое животное. Она и Фрейя были командой. Бренна должна была дать ей отдых.

— Да, я поеду с тобой.

Она поцеловала свою подругу в нос и покинула стойло. Прежде чем Вали взял ее за

руку, чтобы вывести из конюшни, Бренна зачерпнула сладкий овес и позволила Фрейе поест из ее рук.

— Ты испортишь этого зверя, — добродушно пробурчал Вали.

— Нет. Я уважаю ее.

Они вышли наружу. Бренна запрыгнула на лошадь Вали, и тот вскочил в седло следом. Усевшись, он потянул ее назад, пока ее спина не оказалась плотно прижатой к его груди. Бренна чувствовала контуры его мускулистых бедер и мягкую спокойную плоть.

Они никогда не ездили так раньше, но лошадей было в обрез, и поэтому выбора у Бренны не было. Не то чтобы она сделала другой выбор. Находясь так близко к Вали, ощущая его руки вокруг своего тела и широкую грудь позади себя, она чувствовала себя спокойной и довольной.

Он пустил коня быстрой рысью, и трение их тел друг о друга вскоре заставило их возбуждаться. Вали наклонил голову и поцеловал кожу чуть ниже ее уха. Бренна усмехнулась, но тут же застонала, когда его язык прочертил мокрую линию до ее плеча.

— Мы не учли это осложнение, — она повернула голову и уткнулась носом в его бороду.

— Я учел. Именно поэтому я вернулся за тобой.

— Правда?

— Леиф предложил мне взять своего коня, чтобы ты могла поехать на нем. Я отказался. Я хотел ехать с тобой вот так.

Он взял вожжи в одну руку, а свободной рукой полез ей под кожаный топ и льняную тунику, одновременно потянув за шнурки бриджей.

— Вали, мы не можем заниматься этим в седле.

— Если бы ты была одета, как женщина, наверняка бы могли. Но поскольку ты в бриджах, мне придется пока довольствоваться твоим наслаждением. И ты будешь у меня в долгу.

Он развязал ее бриджи и просунул руку Бренне между ног. Грубая кожа его пальцев ласкала ее нежную плоть. Она вздохнула и подвинулась, позволяя ему скользнуть дальше.

— Мокрая, — выдохнул он, слова затанцевали по ее коже. — Потрогай себя, Бренна.

Она почти лежала на нем, опираясь на его плечо, закрыв глаза, отдаваясь его прикосновениям. Его ласки заставляли ее тело сжиматься и содрогаться. Услышав его просьбу — или, возможно, это был приказ — Бренна открыла глаза и взглянула на мужа. Вали смотрел на свою руку, хозяйничающую в ее бриджах.

— Что? — переспросила она.

Рукой, которая все еще держал поводья, он потянул узел, который удерживал ее тунику на плечах. Бренна больше не носила уменьшенную версию мужской туники. Вали ужасно не нравилось, как туника стягивала ее грудь, но теперь, когда она носила хангерок, узлы завязывались так, что грудь оставалась свободной. Он говорил с Ольгой — Бренна была в курсе их разговора — и Ольга придумала для нее тот фасон, что она носила сейчас — мягкий кожаный верх по типу хангерока, но внизу, у талии, разделяющийся надвое. Под ним она была одета в тунику с широкими рукавами, которая была больше похожа на одежду для сна.

Кожаный верх чуть приоткрывал ее грудь, шнуровался спереди и уходил лямками на плечи. В такой одежде Бренна чувствовала себя почти раздетой. А еще она казалась себе красивой. Это был идеальный компромисс между комфортом и практичностью мужской одежды и грацией женской.

Бренна начала носить такую одежду, и другие женщины вскоре последовали ее примеру. Деревня была полна женщин в бриджах.

Когда туника сползла с плеч, грудь Бренны оказалась почти голой.

— Возьми свои груди в руки, как ты делаешь в нашей постели, — сказал он, скользнув пальцами внутрь нее.

Она издала глухой слабый стон — как всегда, когда он находил для нее новый

источник наслаждения, и положила свою руку на его, нажимая сильнее.

— Я хочу увидеть твою грудь, жена. Я хочу увидеть, как ты сжимаешь ее от удовольствия.

Вали, будучи более опытными, чем она в вопросах любви, часто командовал, и Бренне это нравилось. Она с удовольствием расслаблялась и позволяла ему делать все, что он хотел — и иногда, словно заново открывала для себя собственное тело. Но после того раза, когда он захотел овладеть ею, чтобы заставить снова забеременеть, она не могла позволить себе расслабиться.

Бренна не могла объяснить даже себе самой, почему не готова завести еще одного ребенка. Это было связано с целой кучей причин — с неопределенным сроком возвращения кораблей ярлов, с работой в деревне и всеми сопряженными с этой работой изменениями, и с другими, более неопределенными и более глобальными причинами. Она носила ребенка и любила его, пока он был еще внутри нее. Она несла в себе жизнь и мечтала о том, как изменит эта жизнь будущее ее и Вали — будущее их семьи.

И вот однажды она проснулась, и в ее теле больше не было жизни. Ее сын пропал, его тело было сожжено, как будто бы он никогда не существовал. Все, что у нее осталось, — память о ее надеждах и мечтах и память о движениях его крошечного тела внутри нее.

Мысль о том, чтобы кто-то другой занял его место, вселяла в Бренну страх и печаль. Но она не понимала, почему, и не могла сказать Вали. Потому и избегала его, ссылаясь на какие-то невразумительные причины.

Недовольный и озадаченный ее сопротивлением, он вновь и вновь пытался убедить ее в обратном. Потом перестал убеждать словами и попытался заставить ее врасплох, сыграв на ее страсти и надеясь, что она лишится бдительности. Однако ее страх был слишком велик.

В Бренне росла настороженность. Она была готова к тому, что, несмотря на любовь и внимание к ней во всех других отношениях, терпение Вали скоро кончится. Он все медлил с постройкой собственного дома, предлагая свою помощь то одному, то другому, и Бренна решила, что его чувства к ней угасают.

И вот, две недели назад, как раз когда она уже почти решила, что это конец, он извинился и сказал ей, что будет уважать ее решение и готов ждать.

После того разговора он начал строить их собственный дом. И она смогла снова расслабиться.

Бренна распахнула полы туники и позволила теплему весеннему воздуху и солнцу согреть ее тело. Затем она схватилась руками за свою грудь и сжала пальцы на сосках.

Рука Вали сдвинулась, выйдя из нее и снова сосредоточившись на том узелке, где, как ей казалось, сосредоточилось все наслаждение. Бренна напряглась и выгнулась, чувствуя, как горячие молнии бьют в ее тело. Она чувствовала его твердую, как камень, плоть у своих ягодиц.

Вали застонал ей на ухо.

— Кажется, мне все-таки нужно овладеть тобой.

— Как...

Она бы не остановила его. Она недавно открыла для себя прелесть совокупления на воздухе.

Он свернул с пути и остановил лошадь возле березы. Затем спрыгнул на землю, не отпуская Бренну.

Усадив жену на поваленное дерево, он пристально посмотрел ей в глаза и сдернул с ее ног бриджи. Затем опустился на колени и зарылся лицом между ее ног. Бренна выгнулась назад, ухватившись за его косу, чтобы сохранить равновесие. Его руки вцепились в ее бедра, чтобы удержать ее.

Ничто в мире нельзя было сравнить с ощущением его рта на ее естестве — его борода, его язык, даже его дыхание — все это заставляло ее дрожать и стонать.

Он раздвинул ее ноги насколько мог, его руки скользнули вверх, по ее животу и к

грудям, обхватив их так, как хотел обхватить, так, как приказал сделать ей.

Экстаз пришел быстро, почти неожиданно, когда он укусил нежную плоть возле ее бутона и тут же обвел место укуса языком. Попад в шквал ощущений, Бренна откинулась назад, и, если бы не дерево, упала бы на землю. Ее спина билась о ствол, но Вали не прекращал своих ласк до тех пор, пока она не взвизгнула и не дернула его волосы — ощущения были слишком сильными, чтобы позволить ему продолжать.

Когда он встал, его лицо блестело на солнце, и на нем сияла широкая улыбка. Спустя секунду Вали схватил свою жену за плечо и развернул ее лицом к дереву. Он дернул ее бедра на себя и оказался внутри нее, прежде чем она смогла сделать следующий вдох. Бренна застонала, когда его бедра ударились об ее ягодицы в момент первого толчка. В этом звуке не было ничего человеческого.

Это грубое, дикое совокупление она видела в длинном доме и в походах. Она думала, что это некрасиво и жестоко — и даже была готова отказаться от физической любви, если она такова. Но теперь, когда Вали снова и снова вонзался в нее, пока она цеплялась за березу, чтобы не упасть, когда она оба фыркали, как животные, Бренна чувствовала, что на свете нет ничего более прекрасного. Его тело и ее тело, его желание и ее желание, их любовь под теплым солнцем — это было сродни ощущению свободы.

Когда следующий оргазм накрыл ее, она впилась зубами в дерево, чтобы сдержать крик. Вали с ревом пришел к финалу, и Бренна снова протянула руку и сжала его ладонь, поглаживая ее, пока он содрогался в эстазе.

Она не хотела больше быть бдительной; она доверилась ему и знала, что он пролил свое семя не в нее.

Они оба обмякли и привалились к дереву. Оба чувствовали себя обессиленными.

Вали поцеловал ее голое плечо и провел пальцами по ее шраму.

— Я обрел себя. Здесь, с тобой.

Слишком переполненная чувствами, чтобы ответить одним словом, Бренна потянулась и положила руку на его голову, прижимая его к себе.

Они услышали цокот копыт поблизости, и оба вскочили и начали оправлять одежду.

Всадником оказался Дэн. Он и другие люди дежурили на берегу, наблюдая за морем, ожидая прибытия кораблей. Он натянул поводья, останавливая коня, и наверняка заметил их растрепанную одежду, но ничего не сказал.

— Корабли? — спросил Вали, завязывая бриджи.

— Да. Три. Они были где-то в часе пути от нас, когда я поскакал за вами, так что наверняка уже причалили. Я оставил Кнута, он их встретит.

Поправив одежду, Бренна шагнула к Вали. Дэн бросил на нее неожиданно мрачный взгляд, а затем повернулся к Вали.

— Это корабли ярла Эйка. Цвета только его. Снорри не с ними.

Сердце Бренны сжалось. Мужчин Снорри среди налетчиков было много, и сейчас они составляли более половины тех, кто пережил зиму. Ярл Снорри не позволил бы Эйку плыть без него, если бы между ними был мир, и он не позволил бы своим людям плыть на корабле Эйка, если бы мира не было.

Если Эйк приплыл один, то существует только два возможных сценария: либо Снорри тоже плыл сюда, и они вступили в бой за владения, на этот раз друг против друга — либо Снорри был мертв, и Эйк присвоил его земли и титул.

И в таком случае Бренна, которая хорошо знала Эйка, опасалась за друзей, служивших Снорри.

И за своего мужа.

И может быть, даже и за себя.

Она подняла глаза и столкнулась взглядом с Вали. В синей глубине его глаз она увидела те же догадки. Он кивнул, а потом повернулся к Дэну. Мужчине его народа.

— Поезжай в деревню и скажи Леифу и другим. Бренна и я вернемся в замок и начнем готовиться к встрече. Мы должны добраться на побережье задолго до наступления

темноты.

Дэн нахмурился, глядя на них тем же темным взглядом, но смысл его Бренна теперь поняла. Он уже видел врагов там, где утром были одни лишь друзья.

Вали протянул руку и схватил его за руку.

— Что бы ни случилось на море, это не повторится здесь. Мы все друзья. Это была долгая и трудная зима, и мы были семьей. И это не изменилось. Не смей вести себя так, словно ничего не было.

Двое мужчин молча смотрели друг на друга, а потом Дэн кивнул и поскакал прочь, в сторону деревни.

Когда они остались только вдвоем, Бренна протянула руку и схватила мужа за руку.

— Вали... — начала она, но не знала, как закончить.

Он притянул ее ближе.

— Я знаю, любовь моя. Мы переживем и этот шторм, как уже пережили все остальные. Вместе.

~oOo~

К тому времени, как отряд из замка прибыл к берегу, высадившиеся с кораблей воины уже разбили лагерь. Всадники спешили и отпустили своих коней погнаться — Бренна позаимствовала скакуна Орма, так как тот остался, чтобы приготовиться на случай беды. Эйк вышел им навстречу, следом за ним шел Колдер и чуть позади — следующий по старшинству сын, Эйвинд.

Когда он приблизился, Бренна заметила кое-что любопытное: новоприбывшие были все мужчины и все — тяжело вооруженные. Это само по себе не было необычным; налетчики всегда были готовы к борьбе. До мира с князем Тумасом они строили планы нападения, надеясь на отряды, которые будут усилены за счет возвращения кораблей.

Но Бренна заметила другое: с ними не было женщин, не было детей. Они не привезли ничего, кроме того, что обычно возили в походы. Корабли должны были привезти с собой поселенцев, чтобы устроить им дом на новой земле.

Но не привезли.

У Бренны не было времени на догадки — ярл Эйк стоял перед ними.

Несмотря на долгое время, что он провел на море, Эйк был хорошо одет, на груди — толстые золотые цепи, на плечах — тяжелая медвежья шкура. Он демонстрировал свою власть и свое богатство — и свои владения.

Широко и добродушно улыбаясь, он распахнул объятия навстречу спешившимся всадникам и направился прямо к Леифу.

— Леиф Олафссон! Как я рад тебя видеть. Я скучал по тебе, как по своему родному сыну.

Леиф обнял своего ярла в ответ, а потом почтительно и скромно ему поклонился.

— Ярл Эйк. Зима была долгой. Мы рады, что вы благополучно добрались сюда.

Похлопав его по плечам, ярл повернулся к Бренне, в то время как Колдер и Эйвинд приблизились, чтобы поприветствовать своего друга.

— И Бренна Око Бога. Моя прекрасная воительница. Корабли принесли нам еще больше историй о твоих подвигах в бою. И ты очень хорошо выглядишь. Один был с тобой этой зимой, как я вижу.

Эйк положил руку ей на лицо, пальцем чуть потянув кожу вниз, чтобы расширить ее правый глаз. Она почувствовала напряженность Вали в ответ на эти интимные прикосновения, но Бренна знала, что ярл не позволит себе большего.

Даже Эйк не любил долго смотреть в ее глаза. Бренна уже забыла за эти месяцы, как это больно — быть другой и не совсем человеком. Она прямо посмотрела в глаза Эйка и почувствовала дрожь в груди.

Нет, она никогда не захочет вернуться туда, где родилась, туда, где она была Оком

Бога. Дом ее — здесь, где она просто Бренна.

Ярл ждал, не отводя от нее глаз, и Бренна поняла, что он ждал ее приветствия.

Она наклонила голову в знак покорности.

— Ярл Эйк.

Она больше ничего не сказала, и он отступил. Затем он повернулся к Вали, и ее муж глубоко вздохнул и расправил плечи, чтобы казаться как можно выше и шире. Он был голову выше, чем ярл.

— Вали Грозовой волк. Тебя хорошо знают, и я рад видеть, что твоя история продолжается.

— Благодарю тебя, ярл Эйк, так и есть. Но я хотел бы знать, как поживает мой ярл, Снорри.

Бренна посмотрела на Эйка и увидела, как сузились его глаза — признак опасности. Но он справился с собой и сочувствующе нахмурился, положив руку на руку Вали.

— Снорри пирует с богами в Валгалле. Прости, друг.

Вали все так же стоял, выпрямившись, и не отводил от ярла Эйка взгляда. Он был воин, а не дипломат. Как и Бренна. Хотя Вали никогда не лез за словом в карман, сейчас он молчал и пытался справиться со своими эмоциями. Даже Леиф, который всегда был велегочив, сейчас не сказал ни слова.

После паузы, достаточной, чтобы дать сторонам понять, что ответа не будет, ярл Эйк отступил и раскрыл объятия, приветствуя остальных.

— Мир не таков, как был раньше. Но я надеюсь, что мы останемся друзьями. Нам многое нужно обсудить, я знаю. Но сейчас уже ночь. Позвольте нам показать вам наше гостеприимство здесь, в лагере, а утром на рассвете мы поедем в замок.

Он протянул руку к Бренне.

— Бренна Око Бога, присоединяйся ко мне. Я бы хотел, чтобы ты рассказала мне о зиме.

Она сделала шаг к нему, держа Вали за руку. Эйк остановился и уставился на них с изумлением.

— Я не имею целью оскорбить тебя, Вали Грозовой волк, но я и Око Бога давно знаем друг друга. Я ценю ее дар, и я хотел бы побыть с ней наедине.

— Я останусь с женой, — почти прорычал Вали.

— Мы женаты, ярл, — сказала Бренна одновременно с ним.

Вали выглядел по-настоящему разозленным, он ревновал ее даже больше, чем она ожидала. Эйк не угрожал ей, по крайней мере, сейчас, и она не думала, что когда-то станет угрожать. Он мог быть суровым, и налетчики в его отряде славились своей жестокостью, но он относился к ней достаточно хорошо, когда она была его рабыней, и освободил ее, когда она оказала ему услугу.

Он приказал Леифу обучить ее и дал ей шанс стать Девой-защитницей. Он будет разочарован ее потерей, это так. Но он уважал ее как Око Бога, если не больше. Он верил в ее дар и не станет навлекать на себя гнев Одина, навредив ей.

И ведь она все еще не отказалась от своей клятвы верности, так что причин злиться на нее у него не было.

При их одновременном заявлении Эйк приподнял брови, но быстро справился с собой. Бренна увидела, как вспыхнула тьма в его глазах, но он снова улыбнулся.

— Это благая весть, и мы еще выпьем за добрых богов, решивших так вашу судьбу. И я приветствую великого Грозowego Волка в своем клане.

Чувствуя, что Вали готов возразить, Бренна сжала его руку. Пока было не время. Не в темноте, не в лагере, не в окружении мужчин, подчиняющихся Эйку.

Ее муж расслабился, и они направились за Эйком в его палатку. Колдер и Эйвинд последовали за ними. Бренна хорошо знала их обоих, но все же ей было не по себе оттого, что они идут сзади.

Она встретила со взглядом Леифа и увидела, что ему тоже не по себе.

Очередная буря. Она надеялась, что Вали прав, и они переживут ее вместе.

~oOo~

Разговоры в палатке Эйка были тихими и мирными. Он позвали Леифа, и они все: ярл и его сыновья, и начальники замковых отрядов уселись друг напротив друга. Ярл налил медовухи и вознес молитву о браке Вали и Бренны. Они выпили, а затем он расспросил их о том, как прошла зима. Он был любопытен и казался довольным тем, что они захватили владения Ивана во славу своего ярла.

Он предложил Вали и Бренне свою собственную палатку в качестве шатра венчания, хотя они были женаты уже несколько месяцев. Когда все устроились на ночь, и в лагере стало тихо, Вали улегся спать на спине, полностью одетый, с топорами у бока.

Бренна сидела рядом с ним. Она взяла с собой щит и меч, ведь она встречала своего ярла, как воительница, и теперь они лежали рядом со входом в палатку.

— Что-то здесь не так, — пробормотал Вали низким голосом, чтобы его нельзя было услышать на пределах палатки. — Эйк не намеревается здесь поселиться. Почему мы остановились на берегу? Чего он хочет?

— Колдер назвал эту землю своим владением. Возможно, ярлы не хотели этого.

Она сама не верила своим словам. Когда они в конце лета добрались до этого края, она снова и снова спрашивала себя, почему они двинулись вглубь материка, так далеко, да еще в конце сезона. Это имело смысл только если Эйк — и, в то время, Снорри — хотели разведать территории для возможного поселения.

Вали поднял голову и уставился на нее.

— Ты не веришь в это.

Она вздохнула.

— Нет.

— Снорри был хорошим человеком, Бренна. Он был справедливым и честным, не тщеславным. Но об Эйке я не могу такого сказать.

— Тише, — хотя Бренна и не могла видеть сквозь стены шатра, она посмотрела вокруг и прислушалась. — Эйк жесток, да. Но он не плохой. Он хорошо относился ко мне. Он сделал меня воином.

— Сначала он сделал тебя рабом.

— Я сама предложила себя в качестве раба. Я была голодна, и у меня не было другого выбора.

— Ты была ребенком. Если он хотел позаботиться о тебе, то мог бы предложить что-то получше.

— У меня уже прошла первая кровь. Он мог бы сделать кое-что похуже.

Вали сел и отбросил свою косу через плечо.

— Мы рискуем, любовь моя. Ты должна это понимать. Открой свои прекрасные глаза и признай, что мы в реальной опасности. Снорри умер. Эйк приехал на трех кораблях, и с ним воины, а не поселенцы. Он не имеет мира в своем сердце, и те из нас, кто верен Снорри, оказались в окружении.

Ответ был прост и прямо перед ними.

— Ты сейчас никому не служишь, Вали. Снорри умер. Ты мог бы поклясться в верности Эйку. И опасности бы не было.

Но Вали покачал головой.

— Я не доверю этому человеку и кольца на своей руке, Бренна. Я не буду ему клясться. У меня нет к нему уважения.

— Он был великим воином.

— Но сейчас он не велик.

Сердце Бренны забилося. Слова Вали лишь свидетельствовали об опасности всего происходящего.

— Он присвоит себе эти владения. Он присвоит и владения Снорри. Если ты ему не покланяешься, то мы не можем остаться здесь. И нам нет места на его кораблях. Нам некуда идти.

Мысль о возможности потерять дом, за который она боролась, заставила Бренну ощутить страх, глубокий и холодный, пробравшийся в самые ее кости.

— Как я уже сказал, вокруг полно опасности.

Она схватилась за его тунику.

— Вали, ты должен принести клятву верности. Должен! Я поклялась. Леиф, твой друг, поклялся ему. Разве мы стали бы клясться в верности кому-то столь ужасному?

— Конечно, стали бы. Ты думаешь, что другого выбора нет, потому ты так настаиваешь на клятве. Но я не готов: сначала я узнаю больше о смерти Снорри. Когда я это сделаю, я решу, что делать: стать воином Эйка или убить его.

— Вали.

Он притянул ее к себе и поцеловал.

— Мы не найдем ответа сегодня, Дева. Утро вечера мудренее. Я только хочу, чтобы ты увидела. Теперь ты видишь?

— Да.

Он снова лег, прижимая ее к себе.

— Скажи мне, что ты со мной, что мы выстоим вместе.

Она была готова отказаться от Эйка раньше, когда думала, что Снорри приедет сюда, чтобы заявить о праве на владения. Она всегда была на стороне Вали. Но теперь это означало, что она лишится дома — настоящего дома.

— Я с тобой. Но я боюсь.

— Будь храброй, моя любовь. Поверь, боги с нами.

Бренна подумала, что если бы боги были с ними, рядом с ней сейчас лежал бы их мальчик.

~oOo~

На рассвете они снялись с лагеря и отправились в замок, куда прибыли уже в полдень. Те, кто остался, были готовы к прибытию ярла и к любым новостям — хорошим или плохим. До сих пор настроение было дружелюбное, хотя Бренна знала, что каждый чувствовал то же, что и она — настороженность и бдительность.

Эйк осмотрел замок и земли, затем выехал со своими сыновьями, Леифом и Кнотом, чтобы посмотреть, как строится деревня. Он вернулся довольный проделанной за зиму работой и казался воодушевленным.

Свет дня угасал, и вечером они устроили в зале праздник в честь прибытия кораблей. Бренна сидела между Колдером и Вали за длинным столом. Налетчики и жители деревни пили, ели, разговаривали и веселились. Она почувствовала надежду.

Заметив отсутствие одного из ее друзей, Бренна наклонилась к Вали.

— Где Вигер?

Вали, по-прежнему подозрительный, поставил свой кубок на стол и огляделся.

— Схожу, узнаю.

Бренна положила руку на его бедро.

— Нет. Я уверена, что все нормально. Наверняка занят с Эхой делами. Ярл Эйк будет оскорблен, если ты уйдешь до того, как он скажет речь.

— Мне все равно.

— Но мне нет. Пожалуйста. Не усугубляй.

Он хмуро посмотрел на нее, но снова уселся в свое кресло. Спустя какое-то время Эйк поднялся, и за столом воцарилась тишина.

— Я видел сегодня много хорошего, — начал он. — И узнал еще больше. Те из вас, кто отказался от зимы в родных стенах и охранял здесь наши владения, проделали

хорошую работу. Я знаю, что многие из вас дали клятву верности ярлу Снорри Торссону. Он был великим и благородным человеком, и он умер благородной смертью. Я был бы горд и почел бы за честь принять теперь клятву вашей верности и назвать вас всех своими соплеменниками. Провидцы говорят, что следующее лето будет удачным, и мы добудем золото и хорошо повоюем.

— А что будет с поселенцами?

Эйк повернулся к Вали, его глаза заблестели от раздражения.

— Вали Грозовой Волк задал отличный вопрос. Я не могу использовать военные корабли для того, чтобы везти на них фермеров и семена, но мы могли бы построить новые корабли и решить вопрос этим летом.

— Сейчас идет посевная, ярл.

Эйк перестал притворяться добродушным и хмуро посмотрел на Вали.

— У тебя в деревне есть друзья, не так ли? Некоторые из них сидят среди нас за этим столом. Они и займутся севом на полях. Что тебя беспокоит, Вали Грозовой Волк?

Бренна взяла своего мужа за руку, успокаивая. И поднялась на ноги.

— Вали и я хотели бы остаться здесь и осесть. Это место стало домом для нас. Мы строим дом в деревне.

Она заметила, как ошарашен ее словами ярл. Он уставился на нее — прямо на нее, не отводя взгляда. Бренна смотрела на него, не желая быть тем, кто опустит глаза первой.

Наконец, придя в себя, Эйк заговорил, его голос был более тихим, чем раньше,

— Ты хочешь сложить свой меч и щит, Бренна Око Бога? Ты, моя заклятая воительница.

— Я хочу строить семью, Эйк. Я прошу тебя позволить мне.

Она знала, что Вали не нравится ее тон просьбы, но она знала Эйка лучше него и понимала, что лучше не требовать.

— Я разочарован. Ты думаешь, что Один этого хочет от тебя?

— Да, этого.

Ярл снова уставился на нее. Затем он вздохнул — громко, резко.

— Я не могу игнорировать волю Одина. Ты помогла мне добиться многого, и я хотел бы видеть тебя счастливой. Если это твой путь, то у тебя есть мое благословение.

От облегчения ее колени почти подогнулись.

— Спасибо, Эйк. Спасибо.

Усевшись, она улыбнулась мужу.

— Мы в безопасности, и у нас есть наш дом. Он не плохой человек, Вали. Он стоит клятвы верности.

Брови Вали все еще хмурились.

~oOo~

Бренна поднялась наверх раньше Вали в ту ночь, чувствуя невероятное облегчение. Она и не думала, что сложится так. Вали еще не согласился поклясться Эйку в верности, но он увидел, что это — правильный выбор. У них будет свое жилье и возможность начать новую жизнь.

Когда дом будет готов, она подарит Вали еще одного ребенка. Бренна смотрела в огонь, чувствуя, как ее наполняет уверенность. Она улыбнулась сама себе.

Дверь в коридор позади нее с силой распахнулась, и она отпрыгнула в сторону, готовясь высказать Вали свое недовольство. Наверняка он снова появился пьяным. Стоило оставить его одного — и он снова ввязался в это соревнование по пьянству с Леифом и Ормом.

Но это не был Вали. Это был Колдер.

— Колдер, эту комнату я делю с моим мужем.

Эта мысль почти заставила ее улыбнуться — еще не так давно даже мысли об

уединении показались бы ей странными. Но Бренна не улыбнулась — Колдер подошел прямо к ней, его лицо было пустым.

Она успела осознать надвигающуюся опасность, но ей едва хватило времени бросить взгляд на стену, где висели ее меч и щит.

Колдер замахнулся на нее, но ей удалось подставить руку и заблокировать удар. Бренна бросилась за своим мечом, но ночная одежда запуталась вокруг ног и замедлила движение. Колдер ухватил ее за волосы и потянул обратно, одновременно кулаком ударив ее в висок. Кулак был тяжелым, удар оказался сильным.

Комната закачалась у Бренны в глазах, и она упала.

Она лежала на полу, пытаясь кричать, пытаясь понять, что происходит, а он ударил ее снова, и снова, и, в конце концов, мысли исчезли.

Глава 18

Вали сидел за столом и оглядывал комнату. Компания пьяных и сытых мужчин наслаждалась вечерним отдыхом. Женщин в замке стало меньше, так как в деревне уже было отстроено достаточно домов, и многие семьи вернулись обратно, несмотря даже на то, что приходилось им пока ютиться в неотделанных комнатах. Крестьяне сеяли зерно и пасли свои стада, и у них просто не было времени каждый день приходить в замок. Теперь здесь остались только замковые работницы.

Он был рад этому. Мужчины Эйка были грубы даже с собственными женщинами, и Вали беспокоило то, как они поведут себя с деревенскими. Но остававшиеся на зиму налетчики своим поведением, казалось, сдерживали остальных.

И все-таки, он был не в своей тарелке. Он не верил, что Эйк так легко смог отказаться от своей великой Девы-защитницы. Наверняка он не собирался признавать за собой это владение просто так. Но если он собирался отозвать своих людей обратно, где он намеревался их разместить?

Часто Вали натывался взглядом на Ольгу, разносящую мужчинам напитки и еду. Она была явно уставшей и напуганной, и Вали показалось, что на ее лице он видит грусть. Он догадался, в чем причина: она и Леиф стали близки за эти месяцы и завязали глубокую дружбу. Даже при самых благоприятных обстоятельствах прибытие кораблей означало, что Леиф отсюда уплывает.

Вали несколько раз предлагал Леифу забрать Ольгу с собой. И, кажется, тот начал над этим задумываться, несмотря на то, что считал ее неподходящей для жизни в их суровом мире и слова о том, что они — просто друзья.

Но когда из замка Ивана вернулись ее младшие братья, его решимость, казалось, ослабла. Сейчас Леиф сидел возле очага, с Колдером и Эйвиндом. Вали не верил ни одному из сыновей ярла Эйка. Колдер был жестокий человек, и Вали был этому свидетелем. Но иногда старший сын ярла перечил отцу в тех вопросах, где дело шло о чести. Эйвинд же был еще слишком молод, чтобы твердо отстаивать перед отцом свою точку зрения.

И не было лучшего одобрения для сынов Эйка, чем дружба Леифа. Вали сидел за столом, пил свою медовуху и слушал разговоры друзей. Затем они вместе покинули зал через дверь, шедшую в кухню.

Вали показалось, что Леиф бросил на него взгляд перед уходом, но он так быстро ушел, и уверенности не было. Возможно, Бренна права, и подозрения Вали были необоснованными.

Бренна ушла спать не так уж и давно. Она получила желанное благословение ярла и была рада тому, что он понял ее желание остаться и устроить дом здесь, в Эстландии. Он видел это в ней: как только Эйк произнес слова одобрения, она глубоко вздохнула и разжала руки. Она верила, что они в безопасности. Она отбросила все опасения.

Необоснованно или нет, но Вали чувствовал себя беспокойно в зале, когда Бренна была от него далеко, и когда ни Эйка, ни его сыновей не было видно. Он допил медовуху и вышел из зала, направляясь к жене.

Вали поднялся по широкой изгибающейся лестнице, и из тени бокового коридора ему навстречу вышел старый добрый Леиф.

— Что-то случилось? — спросил Вали, хватаясь рукой за топор и готовый бросить вызов кому угодно, если это будет угрожать безопасности его жены.

— Да, мой друг. Случилось.

И Леиф, скрытый тенью — куда делись все факелы? — взмахнул топором.

~oOo~

Вали очнулся в своей постели, голова болела, руки ломило. Заставив себя сесть, он застонал, когда комната качнулась, но все же справился с собой и спустил ноги с кровати.

В комнате было пусто. Он ранен или болен? Пытаясь очистить свое сознание, Вали уронил голову на руки и поморщился, когда коснулся нежной зашитой раны над ухом.

Пришла боль. Что это, на него напали? В замке?

Бренна. Где Бренна?

Он вскочил, но упал на колени, когда пол резко качнулся под ним. Глубоко дыша и собрав всю волю, Вали наконец поднялся, пытаясь устоять, пока комната плыла вокруг. И пытаясь вспомнить.

Эйк был здесь. Налетки. Колдер и Эйвинд. У них был праздник. Эйк дал им свое благословение.

Леиф. Леиф напал на него. Его друг. Он взмахнул топором; наверное, он ударил его обухом.

И теперь Бренны с ним не было.

— Бренна! — крикнул он и бросился к двери, налетев на стену, комната снова закачалась. — Бренна!

Дверь открылась, и в комнате появились Орм и Ольга. Даже своим затуманенным зрением Вали увидел, что они оба выглядели ужасно. У Орма через всю щеку шли швы, от носа к челюсти, скрытой седой бородой. Губы Ольги были разбиты, и она выглядела так, будто не спала несколько дней.

Орм взял его за руку.

— Вали, хорошо, что ты вернулся к нам. Но тебе лучше лечь и отдыхать. Ты сейчас ничего не можешь сделать.

Ужас в словах Орма был настолько заметен, что Вали пошатнулся и безропотно позволил увести себя в кровать.

— Где Бренна?

— Ты два дня был без сознания. Пусть Ольга присмотрит за тобой, и потом я расскажу тебе все. Нам нужно, чтобы ты выздоровел, Вали Грозовой Волк.

Ольга толкнула его в кровать, но он поймал ее за руки.

— Ольга. Мне нужна Бренна. Где она?

Она задрожала. Слезы навернулись ей на глаза и потекли по щекам.

— Они забрали ее. Мне очень жаль. Я не знаю... я не думаю, что он...

— Он? Леиф? Леиф забрал ее?

Это не имело никакого смысла. Ольга рыдала и ничего не могла сказать, он отшвырнул ее руку в сторону и снова сел, повернувшись к Орму.

— Скажи мне!

— Эйк ушел. Его люди тоже ушли, даже те, кто был с нами этой зимой — те, кто выжил. Леиф был с ними. Тех, кто сопротивлялся воле Эйка, убили или оставили умирать. Мы здесь только семеро, все ранены. Мы нашли тебя в конюшне после того, как все закончилось.

В голове стучало, и мысли по-прежнему путались. Это было похоже на то, чего он боялся, но не имело смысла.

— Где моя жена?

— Я был там, лежал на земле. Они приняли меня за мертвого, и потому я смог увидеть. Эйк забрал ее, Вали. Она была без сознания, избитая и связанная. Колдер перебросил ее через седло и ускакал с ней, — Орм помолчал и глубоко вздохнул. — Корабли исчезли. Уплыли. Нас только семеро сейчас, и все ранены

Вали зарычал в шоке и ярости. И от горя. Нет, только не горе. Он не допустит в свое сердце черных мыслей. Ему не победить их. Он хотел вернуть ее. И он будет убивать всех, кто помогал Эйку похитить у него его Бренну.

Леиф, которому он полностью доверял, будет первым. Он умрет медленно и тяжело.

— Кто остался?

— Ты и я. Дэн. Гаральд. Бьярке. Кнут. И Астрид.

— Астрид и Кнут поклялись Эйку.

— Так и есть. Они сопротивлялись, и он оставил их умирать.

Вали встал и постарался справиться с дезориентацией усилием воли.

— Мы должны их преследовать.

Орм покачал головой.

— Твоя голова еще не совсем здорова, Вали. У нас нет кораблей.

— В селе есть пять рыбацких лодок. Конечно, они могут выделить одну или две.

— В открытом море их разметает, как щепки. Мы не можем плыть, пока не построим хорошее крепкое судно, но на это потребуются месяцы.

— Нет! Нет! ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Что Эйк сделает с воительницей, которая бросила ему вызов и решила строить жизнь за пределами его владений? Что он может сделать с Оком Бога, которое он считал своим личным подарком богов?

Сердце Вали гремело в груди и пыталось вырваться наружу. Боль была такой невыносимой, что заставила его упасть на колени.

— БРЕННА!

~oOo~

Замок был пугающе тихим, в нем почти не осталось людей. Даже воины, которые выжили, перебрались в деревню.

Вали стоял во дворе и рубил бревно, которое должно было стать килем его корабля. Один.

Он никогда не строил кораблей и особенно не умел обращаться с деревом. Он понимал, что держит корабль на воде и знал устройство драккара от носа до кормы, но никогда не задумывался, почему они плавали, как они это делали и как их строят.

Но его отец был кузнецом, и он был у него в учениках в прошлой жизни. Он вырос среди мастеров. И у него была воля. Этого будет достаточно. Он хотел построить корабль и уплыть обратно в Гетланд, даже если ему придется плыть одному.

И потом он будет убивать. И заберет свою жену домой.

Прошло пять дней с тех пор, как Вали очнулся и понял, что его любимую забрали у него, неделя с тех пор, как ее увезли. Он чувствовал пульсацию в голове и еще пошатывался при резких поворотах, но злость придавала ему сил.

Ярость терзала его, во сне и наяву. Он едва мог говорить от гнева, напряжившего его тело. Орм, Дэн и другие пытались вовлечь его в разговоры, но ему не было дела ни до чего кроме постройки корабля и путешествия за женой, и мести.

Дэн и Астрид проскакали через ворота галопом, и Вали прекратил свою работу и проследил за ними взглядом. Произошла беда, он мог видеть это на их лицах, но он не стал спрашивать.

Заговорила Астрид, на той смеси языков, которой они все пользовались даже в пределах своего клана. Ее понимала даже Бренна.

— К нам едет Тумас. Большая вооруженная армия.

— Четыре отряда по моим подсчетам, — добавил Дэн.

Восемьдесят человек. Вали вздохнул, чувствуя полнейшее безразличие. Его кровожадность была направлена в другую сторону.

— Но между нами мир! — зарычала Астрид.

— Должно быть, он узнал, что мы ослабели, — Вали взмахнул топором и вонзил его в одну из опор для балки. — Он заключил мир с сильным соперником, который побил в честном бою двух его товарищей. Мы уже не та сила.

— Они едут в деревню, Вали, — Дэн одарил его тяжелым взглядом.

В деревню, где стоит его наполовину построенный дом. В этот дом он хотел вернуться с женой, чтобы строить с ней свою жизнь. В этой деревне остались его друзья.

— Мы будем драться.

~oOo~

Вали вытащил свою секиру из шеи воина и проследил взглядом, как тот упал. Дорога была усыпана телами, деревня пылала вокруг, пожираемая потрескивающим пламенем.

Поражением было полным, и трупов у него под ногами было без счету и деревенских жителей, и воин Тумаса.

Воины крошили всех без разбору, убивая безоружных женщин и детей так же жестоко, как и мужчин, вышедших, чтобы защитить владения. В лязге оружия Вали слышал воинский клич Астрид и крики тех женщин, которые тренировались вместе с ней.

Ища взглядом свою следующую жертву, он увидел Нигула, десятилетнего мальчика, насаженного на клинок врага. Мальчик пытался бороться, но короткий меч выскользнул у него из рук. Вали взревел и бросил свой топор, прыгнув вслед за ним. Топор воткнулся в руку воина, Вали схватил его, выдернул, сшиб шлем воина свободной рукой и ударил его топором в голову.

Нигул лежал на земле с мечом в груди. Мальчик булькнул и закашлялся, когда кровь потекла с его губ и вниз по подбородку.

Вали присел рядом.

— Большая честь для воина — умереть в бою. Ты молод, и ты будешь долго пировать с богами в Валгалле. Один и Тор встретят тебя с почестями, парень.

Когда свет жизни померк в его глазах, Нигул улыбался.

Вали почувствовал движение за спиной и, все еще на корточках, развернулся и замахнулся топором. Топор воткнулся в живот воина без доспехов, и внутренности вывалились. Вали загнал топор глубже и выдернул его вместе с кишками.

Он постоял на месте некоторое время, глядя на то, что осталось от дома, который он строил для них с Бренной. Его недостроенного дома больше не было, осталась лишь куча пепла. Ни одно здание не осталось целым. Людей было слишком мало, на каждого жителя деревни пришлось по два воина Тумаса.

И вот один из воинов дунул в рог. Вали не знал их сигналы, но бой не прекратился, и значит, это не был призыв к отступлению. Он думал, что это может быть сигналом для подкрепления. Если так, то их просто сметут с лица земли. Даже не придется спешиваться.

Эти воины пришли пешком, и уцелевшие лошади сгрудились, как будто наученные, на краю деревни. Примерно половина погибла. Вали подумал, что животных достаточно, чтобы увезти тех, кто выжил, из горящей деревни. Они могут удерживать замок. Его стены были высокими и крепкими, и они укрепили их на случай возможной осады. По крайней мере, это дало бы им время, чтобы отдохнуть и перегруппироваться. Чтобы наметить план.

— НА КОНЕЙ! Обратно в замок! — завопил он, бросившись бегом через деревню.
— На лошадей! Отступаем!

Знакомый голос раздался сбоку, и Вали повернулся без раздумий. Со щитом в руках там сражалась Ольга. У нее не было оружия, и оставалось только блокировать удары.

Но вот щит раскололся на две части. Когда воин замахнулся для смертельного удара, Вали ударил секирой по восходящей дуге, рассекая воину руку в локте. Тот взвыл и упал на землю. Вали замахнулся снова, брызгая кровью с топора, и раскроил воину грудь.

Ольга смотрела на него широко раскрытыми глазами, как будто разбитый щит вдруг лишил ее отваги и мужества.

— Идем! — крикнул он и схватил ее за руку. Когда он потянул ее за собой, она упала вперед, как статуя. Вали подхватил ее на руки и перекинул через плечо.

Затем побежал к лошадям, призывая друзей следовать за собой.

~oOo~

Воины погнались за ним усиленным отрядом, многие из друзей Вали погибли. Затем солдаты Тумаса сдались и повернули обратно. Когда выжившие отбили и закрыли ворота замка, их осталось всего двенадцать: пять налетчиков и семь эстландцев.

Ольга была среди них, потому что Вали нес ее на своей лошади.

Ее братьев не было.

Она все еще молчала. И даже не моргала. Вали мысленно вернулся к бою, пытаясь вспомнить, что стало с ее братьями. Он видел их в бою. Он видел их рядом с тем местом, где сражалась Ольга. Он видел, как старший из них, Антон, держал расколотый надвое щит Ольги.

— Ольга, — он положил свою окровавленную руку на ее бледную щеку. — Мне очень жаль.

Она не замечала его. Она застыла, как будто сделанная из камня. Но они нуждались в помощи своего исцелителя.

— Ольга. Ты нужна нам. Еще будет время для горя. Сейчас нужно действовать.

После долгого молчания, когда терпение Вали почти кончилось, она моргнула и посмотрела на него.

— У меня никого нет.

— Это не так. У тебя есть друзья. Друзья в беде. Будь с нами. Не сдавайся.

— Леиф сделал это. Он виноват в случившемся.

— И он заплатит. Помоги мне, и я обещаю, что он заплатит.

Она кивнула и вздрогнула. Потом зашагала к раненым.

~oOo~

— У нас нет другого выбора.

Вали наклонился вперед, положив руки на стол. Рядом с ним сидели те, кто остался. Когда-то деревня насчитывала около двухсот человек вместе с перебравшимися туда налетчиками. Сейчас из налетчиков их осталось кроме Вали: Орм, Бьярке, Астрид, Харальд. Из деревенских: Ольга, Яан, Георг, Ганс, Якоб, Анна, и Эха. Четыре женщины и восемь мужчин.

— Мы умрем. Все мы. Утонем в море Эгира, — Орм фыркнул и со стуком поставил свою миску на стол.

— Мы умрем на море, или мы умрем здесь.

— Бегство или борьба. Я буду сражаться, чтобы увидеть своих друзей и предков в Валгалле. Мое время уже давно прошло.

— Ты знаешь меня много лет, Орм. Думаешь, я намерен бежать? Я хочу лишь забрать мою жену и убить всех тех, кто назвал нас братьями и потом бросил на произвол судьбы.

— Вали, ты ослеп? Твоя месть — это хорошо и просто, но рыбацкая лодка не

плавает в открытом море. Она опрокинется при первом сильном ветре. Мы будем барахтаться среди обломков.

— Тогда мы будем просить богов, чтобы они нам помогли. Месть — это хорошо и просто, ты сказал это сам. Я назван в честь сына Одина, того, кто помог отцу упрочить его власть. Я иду, чтобы спасти воительницу, которой Один дал свой глаз. Ты не думаешь, что это облегчит наш путь?

Вали сомневался, что глаз Бренны обладает какой-то силой. Но ее легенда гласила, что это так, и он знал, что Орм и другие налетчики в это верили. И он был назван по имени Вали, сына Одина, который, в свой первый день жизни, отомстил за смерть своего брата Бальдра. Орм, несомненно, верил, что Один ободрил бы эту месть.

— Великий Отец позволил, чтобы Бренну похитили, а нас предали.

— Мы принесем жертву. Один не оставит нас. Не оставит.

Яан заговорил.

— Лодка есть у моего дяди. Она крепкая, и с помощью женщин я могу подготовить для нее парус. Мне нужно два дня и бревно, которое лежит снаружи.

Бревно, которое и так было предназначено для корабля, который должен был увезти Вали к Бренне. Да, этот корабль должен быть разобран, чтобы стать мачтой для маленькой лодки. Он кивнул.

— Даже если Тумас устроит осаду, мы продержимся. Большинству из нас придется покинуть свой дом. Все мы, я думаю, теперь называем это место домом. Но я не могу вас заставить. Если вы хотите остаться и бороться или пытаться мирно все решить, или сдаться, я пойму. Но я намерен плыть за своей женой. Я верну ее и вернусь сам, чтобы снова начать все заново.

— Сейчас тут только смерть, — перебила его Ольга. — Ничего нет, кроме золы и костей. У нас ничего не осталось. Я собираюсь плыть с вами. Мой старший брат много путешествовал в своей жизни и пережил много приключений. Я думала, что его жизнь была опасной. Но он жил по-настоящему. А моя жизнь была пуста, и теперь я потеряла то небольшое, что имела.

— Я думаю, мы все должны плыть, — добавил Яан. — У нас будет больше шансов, если будут руки, чтобы грести. И у нас не так уж много и осталось. Ольга права. Ничего у нас не осталось. Мы все — нищие сироты.

Вали обратился к Орму.

— Что ты скажешь, старик?

Орм вздохнул.

— Жертва должна быть великой.

— И она будет.

Вали знал, какой она должна быть.

~oOo~

Два дня спустя, пока мужчины Тумаса еще стояли лагерем за городскими стенами, Вали вывел Фрейю из стойла. Это была красивая кобыла с золотистой гривой, такой длинной, что иногда путалась в вожжах, когда Бренна пускала ее галопом.

Мачты и паруса были готовы, припасы уже загрузили. Вали и Орм провели переговоры с начальником отряда. Им разрешили отплыть без препятствий, если владения будут отданы Тумасу.

Двенадцать человек были готовы к отплытию. Вали знал, что они, скорее всего, умрут на открытой воде. Первая же буря разобьет их.

Поэтому они нуждались в помощи богов.

Когда последний из его людей поднялся в лодку, Вали подвел к берегу любимую кобылу Бренны. Кобыла тихо заржала и ткнула носом в его руку, выпрашивая лакомство. Он потерял ее нос.

Для него лошадь была просто скотом. Он хорошо относился к лошадям, потому что они должны были быть сильными и здоровыми, чтобы делать свою работу. Он никогда не думал о дружбе с животным. Но его жена была не такой. Она любила животных больше, чем людей, и она любила эту кобылу.

Это было самое большое подношение, которое Вали мог сделать. Фрейя олицетворяла собой Бренну и их жизнь здесь. Свободу и мир, за которые они сражались и почти выиграли.

Он обнажил меч Бренны. Держа его так, чтобы солнце заиграло на клинке и заставило его заблестеть, он возвысил свой голос и сказал:

— Один, отец Вали, рожденного для мести. Фригг, Великая Мать. Тор, бог войны и грозы. Я Вали Грозовой Волк, один из Ульфенаров, и я молю вас. Примите это подношение и помогите нам в море. Наша цель честна и правильна.

Погладив кобылу по шее, успокаивая ее, он ударил ее лезвием по горлу, делая глубокий надрез, и рука его сразу же обагрилась кровью. Фрейя упала на колени, и Вали опустился с ней, нежно шепча ей на ухо ласковые слова. Когда кобыла умерла, ее голова просто коснулась земли, и там и осталась, как будто Фрейя задремала.

Эмоции хлынули из сердца Вали. Он мало заботился об этом животном, но знал, что его жена любила эту кобылу, и он любил свою жену. Он наклонил голову и зарылся лицом в длинные, кремовые пряди гривы.

— Бренна, — шепотом позвал он, его горло сжалось, на сердце было тяжело. — Моя любовь. Будь сильной. Я иду.

Ему не приходило в голову, что ее может не быть в живых. Он даже не думал о таком. Она была жива, и она ждала, и он придет за ней.

Глава 19

Жук неуклюже полз по земляному полу возле лица Бренны, и она дернула своими скованными руками и поймала его, быстро съела и огляделась, надеясь увидеть еще. Ее первая еда за несколько — она уже не знала сколько — дней.

Дневной свет пробирался сквозь щели в стенах. Свет солнца и звезд мог помочь ей отслеживать время, но Бренна не знала, как долго пробыла без сознания, и не могла вести счета дням.

Колдер жестоко избил ее, и она пришла в себя уже на берегу. Бренна попыталась освободиться, но он снова избил ее, и она очнулась уже на корабле в открытом море.

Они даже не одели ее. Бренну швырнули на пол каюты в ночном белье, а сверху накинули меха. Воду ей давали мало и редко, еду вообще не давали. К тому времени, как они высадились в Гетланде, она была почти в бреду от холода, голода и лихорадки.

Леиф был там, но он просто наблюдал за ней и ничего не делал. Он даже не говорил с ней. Да и никто не разговаривал с ней. Она пыталась как-то заговорить и получила пинок в голову. Бренна провела плавание в молчании, полном ужаса и страдания.

Леиф был с Эйком, даже сейчас. Мысль о том, что все они были преданы человеком, которому полностью доверяли, которого они любили, который вел их в их походах, зажгла жаркий огонь ненависти в ее душе. Это был тот самый огонь, что удерживал Бренну в живых и не позволял ей сдаться.

С веревкой на шее и запястьях, в нижнем белье ее вытащили с корабля в Гетланде. Люди всего города собрались, чтобы поглазеть на унижение Ока Бога. Бросив ее в какой-то темный пустой амбар, они сковали запястья и шею Бренны цепями.

Цепь, идущая от шеи, была прикреплена к кольцу, вбитому глубоко в пол. Длина ее была едва ли больше, чем расстояние от кончиков пальцев до локтя. Бренна не могла сидеть. Она едва могла двигаться. Когда ей требовалось сходить по нужде, она делала это

там же, где лежала.

С тех пор, как они оставили ее здесь, никто не навещал ее. Даже воду не приносили. Бренна не знала, сколько прошло времени, но заточение казалось бесконечным. Она знала, что долго так продолжаться не может. Без воды, слабея с каждым днем, она проживет совсем недолго.

Она не понимала цели Эйка. Если он хотел убить ее, то почему просто не перерезал ей горло? Бренна не могла вернуться к нему в качестве Девы-защитницы, он слишком сильно ее унизил. И она боялась, что он убил Вали. Нет, она *знала*, что он это сделал. Бренна слышала разговоры налетчиков во время плавания. Они оставили после себя только разрушения и смерть.

Эйк знал ее; он должен был знать, что она больше никогда не станет ему служить.

Так почему она еще жива? Это из-за ее глаза? Но если это так, если он боялся гнева Одина, то почему она прикована к земле?

Понимая, что ответ ей ничего не даст, Бренна, тем не менее, сосредоточила на нем свои мысли. Ей нужно было чем-то занять свой ум, хоть как-то пытаться сохранить здравомыслие, чтобы не сойти с ума от безнадежности и боли. Она думала и думала, и ждала, пока еще один жук залетит в ее тюрьму, и, наконец, усталость взяла свое, и Бренна уснула.

~oOo~

Скрип и лязг железных петель разбудили ее. Комната была темна; наступила ночь. Прошло несколько часов? Или дней? Она не знала.

Глядя в темноту, в сторону открытой двери, Бренна пыталась разглядеть того, кто пришел. Человек не принес с собой факела, но было достаточно света звезд, чтобы обрисовать очертания коренастого тела.

Мужчина. Зачем пришел? Никто еще не использовал ее как игрушку для утех, но это было неизбежно, и Бренна знала, что рано или поздно это случится. Возможно, это и было наказание Эйка — превратить ее в раба, в шлюху.

Дверь закрылась, свет пропал. Бренна ждала.

Потом она услышала знакомый звук плещущейся воды в деревянном ведре и постукивание ковша о его стенку. Ее пересохшее горло сжалось в предвкушении.

— Бренна.

Голос Леифа убил ее надежды. Если он пришел, чтобы дать ей воды, она не примет ее. Она ничего от него не примет. Бренна не говорила много дней, и жажда ослабила ее голос, но все же, собравшись с силами, она открыла рот и выдавила:

— Нет.

Она услышала шаги и плеск воды в ведре. Леиф приблизился. Присев рядом с ней, он оказался достаточно близко, чтобы она смогла разглядеть размытые очертания его лица.

— У меня есть вода для тебя. И хлеб. И я хотел поговорить с тобой. Ты должна прислушаться ко мне, друг мой.

— Я ничего не возьму от тебя, — казалось, она не говорила, а каркала. — Ты мне не друг. Я бы задушила тебя этой цепью, если бы могла.

И снова Бренна услышала славную и мучительной песню льющейся воды, а затем она коснулась ее губ. Леиф тонкой струйкой полил ей лицо из ковша. Блаженная прохлада освежила ее кожу, просочилась сквозь сомкнутые губы и коснулась распухшего языка. Это было слишком хорошо. Бренна не сдержала стоны.

— Я понимаю твою ненависть. Но, Бренна, я твой друг до сих пор. И это из-за меня Эйк тебя не убил. И Вали. И, я надеюсь, в живых остались наши друзья. Нас было слишком мало, чтобы победить его. Так что я помогу тебе оставаться в живых до тех пор, пока не появится возможность вернуть тебе свободу.

— Вали жив? — ее сумасбродное сердце на мгновение остановилось.

— Он жив. И ты тоже. Эйк считает, что я убил его, но я не убивал. Я лишил его сознания, но он будет жить.

Сказав это, он снова подал ей ковш. На этот раз она подняла скованные руки и поднесла его к губам. Она бы выпила все, если бы Леиф не убрал ковш от ее губ.

— А я? Ты не мог тоже ударить меня, чтобы я потеряла сознания?

Бренна ненавидела мольбу в своем срывающемся голосе, но этот кусочек доброты и луч надежды словно открыл трещину в ее сердце.

Она почувствовала его руки на своем лице. Когда она не отшатнулась, он мягко отвел назад ее спутанные волосы.

— Эйк бы не оставил тебя, живой или мертвой. Я бы не смог тебя спрятать. Ты — его дар богов. Он был взбешен тем, что ты хотела уйти от него. Пожалуйста, прости меня, но это была моя идея, это я посоветовал ему сделать тебя рабыней. Это единственное, что могло не дать ему убить тебя.

— Я не буду служить ему. Вали придет, и мы убьем Эйка и всех, кого он любит.

— У Вали нет корабля, Бренна, и с ним осталось всего несколько мужчин. Я верю, что он придет, но не скоро. Ему нужно сначала построить мореходное судно и собрать войско. Пока ты должна жить. И должна дать Эйку, чего он хочет. Жить — вот, что главное. Возможно, мы найдем способ сами, и к моменту прибытия Вали ты уже будешь свободна.

Он нашел в темноте ее руки и вложил в них небольшой кусок жесткого хлеба. Бренна сунула его в рот и проглотила так быстро, что даже не почувствовала вкуса.

Но запах, прекрасный запах хлеба, остался с ней.

— Еще. Пожалуйста.

Он сначала дал ей попить, а потом протянул еще один кусок.

— Хватит, Бренна. Ты ела давно, если тебя вырвет, пользы не будет. Я приду снова, как смогу, ночью. Я постараюсь принести травы, чтобы облегчить твою лихорадку. Но я должен быть осторожен. Я не могу сейчас потерять доверие Эйка. Он должен доверять мне вплоть до момента, когда мы сможем ему отомстить. И тогда мы оба сделаем это.

Бренна откусывала по маленькому кусочку, стремясь продлить ощущение на языке.

— Я не могу служить ему, Леиф. Я верно служила ему долгие годы, и все же он уничтожил бы все, что я люблю. Он еще может это сделать. Я не могу служить ему, независимо от цели. Я не буду.

— Если ты откажешься, Бренна, сначала он сломает тебя — и тогда, когда ты сломаяешься или ему надоест тобой заниматься, он просто тебя убьет.

Ей нужно было просто заставить его играть по ее правилам — хотя бы до тех пор, пока она не обретет силы, чтобы убить его.

~oOo~

Вода, которую принесли ее тюремщики, была солоноватой на вкус и грязной. Еды не предложили. Но Леиф пришел вечером с чистой водой и хлебом. Он даже принес ей небольшой кусок мяса. И травы, чтобы сбить жар.

Он приносил травы три раза — и ее лихорадка прошла.

Однажды днем один из ее тюремщиков, пухлый, красноносый брюнет по имени Игул — она знала его с детства, он всю жизнь жил в Гетланде — вломился в ее тюрьму, распахнув дверь и ослепив ее ворвавшимся внутрь солнечным светом. Бренна заморгала от резкого света и попыталась разглядеть своего незваного гостя.

Обычно, приходя, он с размаху ставил перед ней ведро воды и проверял цепи, отпуская грубые замечания по поводу ее вида. Бренна отползала назад к стене, насколько могла. У него была жуткая репутация, он очень жестоко обращался с плененными женщинами. Он не касался ее, но она не теряла бдительности. Око Бога давало ей некоторую защиту даже сейчас. Ее собственное отношение к суевериям изменилось во

время жизни в Эстландии. Пока Бренна не поняла, что чужой страх и трепет может быть использован в нужных ей целях, она хотела стать обычной. Но теперь она признала их настоящим мощным оружием и щитом.

Она пришла к пониманию самой себя там, в Эстландии, и больше не была сама себе врагом. Теперь Бренна осознавала силу своего ока, и в нынешнем положении была даже благодарна своей непохожести на других. Она давала ей защиту.

На этот раз она заметила, что вода в ведре была чистой, а вместо ковша в ней плавала какая-то тряпка.

Еще один человек вошел в помещение, держа меч обнаженным. Бренна не узнала его, но тут же поняла, что она в опасности. Она отшатнулась, и цепь тут же снова притянула ее к земле.

Игул нагнулся и схватил ее за волосы, а потом наклонился так, чтобы их лица оказались на одном уровне.

— Ярл хочет тебя видеть. Ты не сможешь появиться в таком виде в большом зале, так что я собираюсь смыть с тебя это дерьмо. Я освобожу тебе руки, но если начнешь драться, мой друг засадит меч тебе в дырку так глубоко, что ты почувствуешь вкус железа. Ты поняла меня?

Голод, лихорадка и цепь, приковавшая Бренну к земле, лишили ее сил на любое сопротивление. Они могли бы делать с ее телом все, что хотели, — и даже если бы ей и дали свободу, она не смогла бы их остановить.

Она кивнула.

Игул расстегнул кандалы на ее запястьях, а затем освободил и шею.

— Ты делаешь, что я говорю, — проворчал он и дернул ее за руку, ставя на ноги.

Ноги Бренны взорвались дикой болью. Колени тут же подкосились, и она упала.

Игул снова присел на корточки.

— Или ты стоишь, или я снова надену цепи и прикую тебя к стене.

Он снова дернул ее вверх, и в этот раз, несмотря на боль и слабость, Бренне удалось устоять на ногах.

Затем Игул порвал прямо на ней ее грязную драную одежду. Бренна стояла голая перед этими двумя мужчинами, и любым, кто проходил мимо открытой двери. Ей уже не хватало сил, но она выпрямила спину и расправила плечи. Она не будет выглядеть жалкой перед этими подлыми людьми.

Когда он посмотрел на ее лицо, она уставилась прямо ему в глаза. Игул не выдержал ее прямого взгляда и отвернулся. Он боялся ее. Даже сейчас.

Вода была ледяной, и Игул особенно не церемонился, отмывая грязь с ее тела. Он был особенно жесток и особенно внимателен к тем частям ее тела, прикосновение к которым, по его мнению, могло ее унижить. Его рука с жесткой и уже грязной тряпкой снова и снова забиралась между ее ног. Он делал ей больно, он был ей противен, но она стояла молча и глядя прямо перед собой. Она заставит его заплатить за это.

Закончив, Игул вылил остатки воды ей на голову. Потом, пока ее тело было еще мокрым, он развернул сверток с легкой шерстяной туникой и приказал ей продеть руки в рукава.

— Ты по-прежнему выглядишь как полудохлая крыса, но пока сойдет.

Он снова сковал ее, только уже длинной цепью, и ощущение прикосновения железа было более болезненным на мокрой коже. Затем он натянул цепь и потащил Бренну за собой на дневной свет.

~oOo~

Большой зал был почти пуст. Эйк сидел в обтянутом мехом кресле, его поза выражала покой. Его подростковые сыновья, Колдер, Эйвинд, и Ульф, сидели рядом. Леиф был с ними. И Вигер.

Бренна не видела Вигера с момента того праздника в Эстландии. Она помнила, что в тот день потеряла его из виду. Она спросила себя, играл ли он какую-то роль в предательстве. Должно быть, играл.

Она долго смотрела на Вигера, окатывая его презрением, пока он не отвернулся. «Да», — подумала Бренна. — «Вигеру тоже придется отвесть кус железа».

Пока у нее не было ни щита, ни меча. Но это было делом времени.

— Бренна, Око Бога, — сказал Эйк, обратив ее внимание на себя. — Как добралась?

Она сглотнула, прежде чем ответить, чтобы удостовериться, что в горле не пересохло, и она сможет говорить.

— Все прекрасно.

Он улыбнулся.

— Ты сильная, я знаю. Лишь немногие мужчины смогли бы держаться на ногах после того, что ты перенесла.

Это был не вопрос, так что Бренна продолжала молчать. Она смотрела и ждала.

— Я приказал привести тебя сюда, чтобы встретиться лично и чтобы сохранить твою гордость. Я позволю тебе снова принести мне клятвы верности. Это все, чего я прошу. И тогда ты будешь свободна, сможешь служить мне так, как служила, когда только пришла ко мне.

— То есть, буду твоей рабыней.

Это был не вопрос. Она знала ответ. И это не имело значения в любом случае.

— Конечно. Неужели ты думала, что я позволю тебе держать меч после того, как ты оскорбила меня? Доверие потеряно, Бренна, Око Бога. Оно должно быть восстановлено. Возможно, когда-нибудь так и будет. Но пока ты будешь служить мне, как служила.

Бренна выпрямилась.

— Я не буду. Я отрекаюсь от тебя.

Самодовольную, лживую доброжелательность с Эйка как ветром сдуло. Его лицо потемнело от злости, он подался вперед.

— Кто сказал тебе, что ты можешь отречься от *меня*? Я — твой ярл!

— Нет. Ты не мой ярл.

Бренна уголком глаза заметила легкое движение Леифа. Ей не нужно было даже отводить взгляд от Эйка, чтобы понять, что Леиф огорчен ее поступком. Но она не собиралась сдаваться. Пусть Эйк попытается сломить ее. У него не получится.

Долгое молчаливое мгновение ярл и его Дева-защитница смотрели друг на друга. Напряжение потрескивало в комнате, как разряды молнии. Наконец, Эйк откинулся на спинку стула, снова обретая самообладание.

— Тебя сломают, Бренна, Око Бога. И я буду смотреть, как это происходит, — он обратился к стоящему позади Бренны Игулу. — Вы знаете, что с ней делать.

Как Игул схватился за цепь, Леиф встал.

— Ярл Эйк.

Все повернулись к нему. Эйк, казалось, был готов отдать приказ схватить и Леифа тоже.

— У тебя есть что сказать, Леиф?

Несмотря на очевидную угрозу, голос Леифа был тверд.

— Она — Око Бога. Вы заставите богов гневаться, причиняя ей вред?

Не отводя от Бренны глаз, Эйк сказал:

— Ты прав. Но боги отдали ее мне, и она нарушила свою клятву. Она лежала в постели с моим врагом и вышла за него замуж. Боги согласятся, что такое предательство должно быть наказано, — он кивнул Игулу. — Подготовь ее. И приготовь прутья. Посмотрим, есть ли предел силы у Ока Бога.

~oOo~

Бренне было страшно. Страх гнезвился в самой глубине ее живота ледяной глыбой, но она не пыталась с ним справиться. Не пыталась бороться с Игулом. Она была слишком слаба, чтобы победить, и ее попытка вырваться была бы просто свидетельством отчаяния.

Игул отвел ее в зал, где Эйк обычно проводил допросы. Справедливость в их мире означала демократию, и решения должны были приниматься сообща, но Эйк уже давно решал все сам, не советуясь с народом.

Она снова была раздета, а затем привязана к столу, окрашенному темной кровью тех, кто побывал здесь до нее. Она знала, что Эйк имел в виду, когда сказал «прутья». Лежа лицом вниз, с руками и ногами, привязанным к ножкам стола, она ждала, что будет дальше.

За какое-то время, показавшееся ей бесконечностью, ничего не произошло. Игул разжег огонь, и комната начала согреваться. Но вот дверь открылась, и внутрь ворвался холодный свежий воздух, Эйк подошел к столу, встав так, чтобы она смогла его увидеть.

— Тебя сломают, Бренна, Око Бога. Ты будешь умолять о милости.

Она посмотрела на него и не ответила. Нет, она не будет. Гордость — единственное, что у нее осталось. Она не должна сломаться.

— Леиф.

Повисла гробовая тишина. Бренна почувствовала, как в ее твердой решимости появилась крошечная трещинка. Если Леиф будет ее наказывать, она вряд ли это выдержит.

— Эйк, нет.

— Ты отказываешь мне?

— Я хотел бы просить тебя, как тот, кто любит тебя, как сына любит отец, пожалуйста, не заставляй меня это делать. Я выбрал тебя и снова принес тебе свою клятву, но ведь именно ты когда-то сделал Око Бога моим другом.

Еще одно долгое молчание. Бренна сосредоточилась на дыхании, пытаясь оставаться воительницей, которая знает только ярость — но не боль.

Голос Эйка разорвал молчание.

— Вигер, тогда ты. Ты мне окажешь?

— Нет, ярл. Я служу твоей воле.

Когда первый раскаленный докрасна железный прут прошелся по спине Бренны, чуть выше лопаток, его жар был настолько сильным, что сначала она ощутила почти холод. А потом пришла боль. Она была абсолютно дикой и безумной, как будто разом целая стая животных накинута на нее и начала грызть и кусать ее тело. Она не кричала. Ей даже не пришлось бороться с желанием закричать. Боль была настолько сильной, что она не смогла выдавить из себя даже писк.

Зал быстро наполнился запахом ее горелой плоти. Когда Вигер потянул прут вверх, он уже охладился настолько, что к нему прилипла кожа.

Другой прут Вигер положил чуть ниже линии лопаток. Пока он держал его там, Эйк наклонился и уставился в глаза Бренны. Внутри себя она заходила криком, просила и умоляла. Ее руки вцепились в ножки стола. Но она не позволила своему лицу исказиться от боли, а ее правый глаз так и сверлил его лицо.

— Снова, — он встал и махнул Вигеру рукой.

Вигер поднял второй прут и положил третий. Но ее тело уже настолько было охвачено агонией, что третий прут уже ничего не изменил.

Однако пятый прут почти сломал ее. Вигер положил его на ее бедро, чуть ниже ее талии. Кожа там была такая нежная, что боль, охватившая Бренну, стала просто запредельной. Хотя ее глаза были открыты, хотя она могла слышать и чувствовать запахи, и, *великие боги*, ощущать боль, внутри Бренны была только пустота. Только чернота.

— Достаточно, — она услышала слово, но не поняла, что оно значит.

Когда разум вернулся, Бренна уже лежала в своей тюрьме, прикованная на этот раз запястьями к стене, лицом к ней. Она все еще была без одежды, но это была наименьшая из ее проблем.

Боль, которую причинили ей раскаленные железные прутья, казалась ничем в сравнении с болью, которую она чувствовала сейчас, когда поднятые руки натянули кожу на ее располосованной спине.

— Ты сильная и своенравная, Бренна, Око Бога, — Эйк был здесь. Он ждал и наблюдал, пока она была без сознания? — Это и сделало тебя отличным воином. Я горжусь тобой. Я презираю, что ты заставила меня сделать это. Прекрати свои страдания сейчас. Повтори свою клятву и служи мне. Я приведу тебя в зал, залечу раны и приму тебя как родную дочь. И ты обретешь свое прежнее положение. Я не был жестоким учителем. Не с тобой.

— Никогда, — ее голос дрогнул от слабости, взгляд оставался твердым.

Он вздохнул и ткнул пальцем в ее свежую рану. Новый взрыв боли — и еще один — заставили ее задыхаться и дергаться, но она сдержала крик.

— Если ты не станешь служить мне, как я хочу, я, наверное, отдам тебя Колдеру. Ты ему всегда нравилась, он несколько раз просил меня позволить прийти к тебе. Он будет рад, что запрет снят. Но, к сожалению, с рабынями он не церемонится.

— Я убью его, если он тронет меня.

Пальцы Эйка впились в рану, и Бренна почувствовала, как уплывает во тьму.

— Тогда доведем дело до конца, — сказал Эйк и отнял руку.

Он повернулся и ушел, и Бренна открыла свой разум и с радостью позволила тьме его заполнить.

~oOo~

Бренна почувствовала болезненное жжение целебной пасты и услышала свой собственный стон, прежде чем поняла, что проснулась. Она открыла глаза и тут же замолчала. Эйк не должен слышать, как она хнычет от боли.

Она лежала ничком на полу, но лежала на чистой соломенной подстилке, и без цепей. Бренна попыталась приподнять себя на локтях, но боль была слишком велика, и она была слишком слаба.

— Спокойно, Бренна.

— Леиф. Ты в безопасности?

Он нанес еще немного пасты на рану.

— Да, но Эйк что-то подозревает, и он недоволен моим поведением вчера.

— Только вчера?

Казалось, она провела здесь уже годы, если не больше. Каждый день казался ей вечностью с тех пор, как ее забрали из Эстландии.

— Бренна, пожалуйста, послушай. Я немного смогу для тебя сделать, если ты будешь упрямится. Я принес тебе мазь и подстилку, но только потому, что выпросил их у Колдера. Я припугнул его тем, что его отец наверняка навлечет на себя гнев богов, если будет с тобой так обращаться. Но я сомневаюсь, что сдержанность Эйка безгранична. Насчет тебя с ним говорить бесполезно. Если ты хочешь обрести свободу и воссоединиться с мужем, то ты должна жить. Подчинись, Бренна.

Но мысль о том, чтобы сдаться Эйку, была для нее невыносима.

— Я не могу, Леиф. Я не могу служить ему, неважно, что он будет делать, чтобы попытаться заставить меня.

— Я не хочу сказать, что ты сдашься. Подчинись на деле, а не в душе. Какие возможности у тебя в этой тюрьме? Но если ты окажешься в зале, у тебя может появиться шанс. А здесь его не будет. Так скажи ему, что ты подчинишься. Он будет доволен, и тебе

это сыграет только на руку. Он исцелит тебя и будет обращаться с тобой, как с любимой собакой. И здесь есть люди, которых мы можем привлечь к нашему делу. Пусть видят, что Эйк сделал с Оком Бога, пусть знают. Там у тебя будет шанс. Но оставаясь тут, взаперти, в одиночестве, ты его лишаешься.

Даже сквозь боль, разрывающую ее разум, она чувствовала его правоту. Эйк попытался сломать ее, и если ему это не удастся сделать, то вскоре они дойдут до той точки, за которой останется только смерть. И тогда он победит.

Сможет ли она притвориться, что сдалась? Сможет ли она вести себя с ним, как если бы она была приручена, пока не наберется сил, пока не сможет извернуться и укусить его? Сможет ли она дожидаться Вали и оставаться сильной, чтобы помочь ему расквитаться с Эйком?

Хватит ли у нее сил?

Да. Хватит.

Глава 20

Вали сидел на носу их ветхой лодочки и смотрел на горизонт. Куда бы он ни глянул, мир был одинаков: тяжелое, темно-серое небо и тяжелая, темно-серая вода. Так было вот уже несколько дней. Небо посветлело, но не настолько, чтобы проглянуло солнце. Ночь казалась совершенно бескрайней, непроницаемо-черной.

Не имея ориентира, ничего не видя за этой сплошной серой стеной, они могли как стоять на месте, так и ходить по кругу. Разум его метался, пытаясь найти решение.

Вали наклонил голову и закрыл глаза, заставляя свой разум сосредоточиться на одной мысли. Когда головокружение утихло, его воображение нарисовало ему образ Бренны в лесу Эстландии. Она сидела на берегу ручья, как в тот день, когда они поговорили в самый первый раз.

Этот образ успокоил его, и Вали смог подумать.

Они плыли вот уже много дней — слишком много дней. Они уже должны были достичь дома. Но не было слышно птиц, не было видно земли.

Они заблудились в открытом море, как и предсказывал Орм. Даже строго распределенные запасы еды и воды через несколько дней подойдут к концу.

Боги покинули их. Он не вернется за своей женой, не спасет ее, не увидит ее в этой жизни.

Он думал о ночи, когда их сын родился и умер. Леиф сказал тогда, что Вали может разгневать богов своей яростью. Возможно, так и было.

Леиф. Вали затошнило при мысли о том, кого он называл другом. Он верил Леифу, как самому себе — и тот предал их — и особенно Бренну. Вали понимал, что вряд ли сможет отомстить Леифу, но надеялся, что кара богов все же настигнет его.

Он повернулся и сел на дно лодки, упершись спиной в борт. Перед ним сидели девять измученных и отчаявшихся душ, и все прекрасно понимали то, что понимал и он сам. И теперь они все просто ждали, пока море придет и заберет их.

Они потеряли двоих — Анна и Еха умерли во время нескончаемой бури, когда волны снова и снова бросали лодку вверх и вниз.

Те, кто остались, — пятеро налетчиков и пять деревенских; две женщины и восемь мужчин — все, кроме Ольги, были опытными моряками того или иного рода, пираты или рыбаки. Ольга обессилела от качки, мучаясь рвотой, как недавно Анна и Еха, но она была тверже и сильнее духом, чем они, и она крепилась, даже когда сам Вали начал терять веру в успех.

Лодка была небольшая и имела только три комплекта уключин (*Прим. Уключина — элемент гребного судна, в котором подвижно закрепляется либо судовой руль, либо*

весло). Когда море и воздух были спокойны, они двигались слишком медленно, и даже налетчики выбивались из сил. Слишком маленькая лодка, слишком мало гребцов.

Но это было уже неважно.

Несмотря ни на что, его отряд был жив, отдыхал, даже слышались разговоры. Ранее Орм решил, что видит проблеск солнца за непрозрачной пелериной облаков. Вали не видел его, но они все равно поставили парус, надеясь, что плывут на запад. По крайней мере, теперь ветер вел их вперед, и движение лодки поднимало команде дух.

Орм встал и пересек лодку, присев возле Вали. Он предложил ему воды из кожаной фляги. Вали покачал головой.

Старик не отступил.

— Ты сегодня еще не пил. И это не первый раз, когда ты так делаешь, Вали. Я вижу, ты отказываешься есть, чтобы мы поели. Но так нельзя делать. Ты должен оставаться сильным, Вали. Мы потеряем всякую надежду, если лишимся тебя.

Надежда уже была потеряна, и он это знал, и Орм знал. Но истинный воин сражался, пока не умер, с надеждой или без нее. Поэтому он кивнул и взял флягу.

Едва вода смочила его пересохший язык, Вали увидел, как парус в одно мгновение из наполненного превратился в пустой. Лодка замедлилась и остановилась. Он вернул Орму флягу.

— Спустить парус. Быстро

Орм кивнул и встал.

— Спустить паруса! — закричал он, направляясь в центр лодки.

Пока его команда пыталась убрать паруса, Вали встал и повернулся, пытаясь отыскать взглядом надвигающийся шторм.

И вот — он не знал, какая сторона света это была — где-то сбоку он увидел, как чернильное небо сливается с морем. Шторм двигался слишком быстро, море накрывала тьма. А потом он ощутил это: вкус дождя, запах воды и привкус соли на языке.

Он повернулся и бросился на помощь команде. У них было мало времени, чтобы убрать паруса и сделать из них укрытие. Это все, что они могли сделать, чтобы уберечь их крохотное суденышко в мире, где богам до людей не было дела.

~oOo~

До этого дня и ночи они не знали пьяного гнева Эгира (*Прим. Эгир — в германо-скандинавской мифологии йотун мирового моря; его супруга Ран своей сетью ловит мореплавателей и останавливает корабли*); это была милость богов, которую они себе вымолили жертвой. Но одна буря — и от милосердия не осталось и следа. Вали и его крохотная команда забились под паруса, которые они собрали и сложили, как можно быстрее. Пока дождь и ветер были вокруг них, пока буря вонзала свои когти в борта лодки, Вали успел попрощаться с надеждами.

Проклиная свой эгоизм, он надеялся только на то, что, умерев, он встретит Бренну и своего сына в мире мертвых. Да, он больше всего на свете хотел, чтобы Бренна была жива, и ошибкой было думать о ней, как о мертвой. Но чем оставаться в плену у Эйка, чья жестокость была неизмерима, для нее и вправду будет лучше умереть.

Ветер низко завыл, проносясь через их укрытие, подхватил и вздернул вверх парус. Какое-то мгновение паруса мотало из стороны в сторону, а потом они упали обратно на дно лодки.

Сверкнула молния. Вали увидел Якоба, который стоял, пытаясь поймать отвалившийся кусок паруса. В следующий миг паренек с криком свалился за борт.

Он едва ли был мужчиной, у него не было даже шанса начать творить свою историю героя. Не думая, Вали прыгнул за ним, ныряя в ледяную воду. Она была слишком черная, слишком мутная, слишком бурная, чтобы ему удалось найти мальчика, но он нырнул и поднялся наверх, и поплыл вперед, не думая о том, что его поиски с самого начала

обречены на провал.

Вали уже не знал, в какой стороне осталась лодка, он плыл, чувствуя, как с каждым гребком, с каждым погружением вода тянет его вниз. По крайней мере, его смерть была бы правильной и доблестной.

Затем его руки ухватили какую-то ткань. Он потянул и вытащил из воды худое тело парня. Якоб. Не понимая, где верх, где низ, Вали позволил себе отдаться на волю волн. Ему оставалось лишь надеяться, что одежда не утянет его в глубину.

Он чувствовал направление волны и поплыл в ту сторону, держа Якоба в одной рукой и болтая ногами изо всех сил. Оказавшись на поверхности, Вали втянул в себя воздух, дождь бил его в лицо так сильно, что, казалось, нет разницы, где быть — над водой или под. Затем молния озарила ночь и указала ему, где лодка. Он подплыл к ней, чувствуя, как его мышцы — уставшие после долгих дней почти без пищи и сна, уставшие бороться — начинают отказывать, а он снова отгородил свой разум от физической боли и сосредоточился на своей цели. Так он делал и в бою. Так становился кем-то другим, кем-то более сильным. Становился берсерком.

Ночь снова была черная, кто-то потянул Якоба наверх, и Вали не сразу понял, что добрался до лодки. Он отпустил паренька, и почти сразу же Эгир, морской етун (*Прим. Ётуны или йóтуны в германо-скандинавской мифологии — великаны (турсы) семейства Гримтурсенов, дети Имира. Ётуны жили в Ётунхейме, отличались силой и ростом и были противниками асов и людей*), потянул его за ноги вниз.

Он поддался, закрыв глаза, чтобы не видеть черной ночи, вызывая в памяти светлый образ своей воительницы, стоящей на берегу ручья, хмуро глядя на свое отражение. Что-то было в ее облике, что-то, что показало ему, насколько она одинока. Что-то, что показало ему всю глубину ее сердца. Кажется, с того дня Вали ее и полюбил.

Он знал, что это так.

Может, она будет ждать его. Если нет, то он будет ждать ее, держа их сына на руках.

В его легких больше не осталось воздуха, внутрь хлынула вода, и сознание стало покидать Вали, и Эгир обхватил его за плечи и потащил прочь.

Он надеялся, что откроет глаза в Валгалле.

~oOo~

Он проснулся, задыхаясь, и его вырвало морской водой на дно лодки. Легкие жадно втягивали воздух. Вали не понимал, где он. Подняв голову, он попытался оглядеться, но буря все еще бушевала, и он не смог ничего увидеть, пока не сверкнула молния. Ольга держала голову Якоба на коленях. Орм сидел возле головы Вали.

— Он выживет? — спросил он Ольгу.

Его голос звучал странно и резко где-то в голове, но никто не ответил, очевидно, не услышав его из-за шторма. Он попытался снова, протискивая крик сквозь саднящее горло и грудь.

— Он выживет?!

В свете вспышки он увидел, что Ольга улыбается ему. Так странно было видеть красивую женщину, которая улыбалась посреди всего этого злого хаоса.

— Да! — крикнула она в ответ. — Ты спас его!

От чего? Вали удивился. Он не подумал, прежде чем прыгнуть. Возможно, спасая мальчика от одной смерти, он уготовил ему другую.

Как и тот, кто спас его самого.

— Кто меня вытащил? — спросил он сидящего рядом Орма.

Еще одна вспышка молнии озарила хмурое лицо старика.

— Никто. Никто из нас не смог бы. Мы думали, что потеряли тебя, а потом ты вынырнул и влез в лодку.

Но это было невозможно. Он был уже на глубине, он чувствовал, как тянет его ко дну

промокшая обувь и одежда.

Он подумал о том, что Эгир в последний момент отпустил его на волю.

А может, это был не Эгир. Один из богов? Бренна?

Вали не знал. Но он верил, что спасся не просто так. Он должен был умереть. Его не могла спасти его команда, и сам он в одиночку тоже бы не справился.

Шторм бушевал, море пенилось вокруг лодки, но Вали чувствовал, что в душе его проснулась надежда.

~oOo~

Шторм закончился за ночь, и на рассвете взошло солнце. Лодка выдержала, но паруса разорвались в клочья, так что их перспективы оставались мрачными. Но они выжили, и появилось солнце, и Вали считал это добрым предзнаменованием.

Видя солнце, они могли определить, где запад. Он давно уже не знал, где они могут быть, и приведет ли их запад к материку, но это направление было верным. Там был дом.

И потом он услышал самый прекрасный звук, который когда-либо слышал в своей жизни. Сначала — он мог бы поклясться перед богами — ему показалось, что это был мягкий, дрожащий хриплый смех Бренны. Звук раздался прямо над ухом, и Вали замер, но потом понял, что слух обманул его.

Он снова услышал его, слабый и далекий: крик чайки. Поднявшись и скинув с себя остатки паруса, которым он укрывался, Вали встал на ноги и оглядел горизонт, обращая все свои надежды на запад.

И да — он смотрел туда, пока не понял, что это не сон. На западе вспыхнула и пропала неровная полоска суши.

Горы.

— Земля! — закричал Вали, но голос подвел его. Он пытался проглотить, но во рту было совсем сухо. Найдя кожаную флягу, он выжал несколько капель в рот и попытался снова. — Земля! Земля!

Все зашевелились, задвигались, даже Якоб, который ударился головой о борт, когда его доставали из воды. Они скинули парус, а потом Вали, Бьярке, Ханс, Яан, Астрид и Харальд стали грести с силой, которую у них Вали даже и не подозревал.

Прошло несколько часов, они работали на износ. Вали оставался на веслах с одной стороны, с другой греб силач Бьярке.

Солнце било в глаза, но земля уже перестала быть просто полоской и стала действительно реальной. Вали перестал грести и осмотрел побережье, оглядел его в одном, потом другом направлении.

Он знал, где они оказались.

Шторм заставил их сменить направление — и так даже было лучше.

Бьярке, заметив, что Вали перестал грести, позвал его:

— Вали?

Вали повернулся к своему товарищу и улыбнулся ему.

— Смотри. Ты знаешь, где мы находимся?

Бьярке посмотрел. Теперь все перестали грести. Озвучил их мысли Орм. Старик указал на густые заросли на вершине скалы. Густой, такой знакомый лес.

— Это лес Вердани! Мы дома!

Ольга посмотрела на Вали.

— Дома?

Вали улыбнулся и снова начал грести, чувствуя, как в тело вливается сила. Все гребцы последовали его примеру.

— Не там, где мы хотели быть. Севернее. Но для тех из нас, кто поклялся в верности ярлу Снорри Торссону, это дом.

Она нахмурилась.

— Но это не земли Эйка? Это как будто мы приехали к вашему народу? Эти земли захватили и бросили?

— Да, — ответил Орм. — Но наш народ воевал с Эйком задолго до того, как случилось то, что случилось. И Снорри был почтенный и любимый ярл. И эти земли могут дать нам силу. Наш дом находится далеко от города, где властвует Эйк. Он здесь не хозяин. Захватчик, да, но не хозяин. И если эти земли его, мы их освободим. Возвращение Грозового волка станет началом сопротивления.

— Боги привели нас к нашим войскам, Ольга, — добавил Вали. — Мы пойдем к Эйку, чтобы спасти Бренну и отомстить, и мы пойдем с сотнями воинов в наших рядах.

Боги все-таки не оставили их.

Глава 21

Эйк солгал, а Леиф ошибся. Ни одно из этих открытий Бренну не удивило.

Она сдалась, но Эйк не принял ее в зал и не лечил ее так, будто она была его родной дочерью. Он обращался с ней не как с любимцем, а как с диким зверем.

Он держал ее в том же амбаре, правда, приказал привязать на более длинную цепь и разрешил оставить соломенную циновку. Лечить ее раны должен был Игул — что он и делал, жестоко, но достаточно эффективно. И он напоил ее водой и принес хлеба. Этого было достаточно, чтобы выжить. Даже лучше, чем было, потому как с тех пор, как ее похитили, она редко получала даже хлеб и воду.

Когда Эйк решил, что Бренна здорова, ей поручили работу. Не в зале, не ту работу, которую она выполняла прежде. Вместо этого Бренну поставили выполнять самую грязную, черную работу, которую только могли поручить женщине. Она ухаживала за скотиной и резала ее. Она чистила горшки и стирала белье. Когда начался дождь, и снаружи делать оказалось нечего, ее поставили варить краску. От полоскания ее руки покрылись красным, казалось, на пальцах осталась старая кровь, и она еще долго не смогла полностью смыть ее.

Она сделала свою работу и жила в цепях. Эйк не доверял ей — Бренна знала, что он ее боится. Якобы для того, чтобы она не смогла сбежать, он приказал кузнецу запечатать наглухо ее ошейник. Длинная цепь тащилась за ней по полу. Ночью Бренну приковывали к стене. Днем она обматывала цепь вокруг талии, как пояс.

Тяжелое железо тянуло ее книзу и натирало кожу шеи до крови. Кровь текла беспрерывно несколько дней, окрашивала красным ее одежду. Потом кожа начала заживать, и к ощущению цепи на шее Бренна привыкла. В конце концов, она уже однажды была рабом.

Пока не нашла способ освободиться.

В прошлый раз ее освободили со страхом и опаской. На этот раз в суеверной болтовне вокруг слышалось еще и недовольство. Многие были уверены, что, держа Бренну рабой, ярл навлекает на себя гнев бога.

Все они знали рассказы о богах, которые иногда ходили среди людей, надевая на себя мужские и женские тела, и те, кто считал ее глаз даром Одина, а не проклятием, говорили, что это он послал своей воительнице тяжелое испытание, но послал его далеко не просто так. Люди как обычно, искоса поглядывали на нее, видели кровавые следы от цепи на ее шее, видели шрамы от глубоких ожогов на спине, и старались держаться поодаль, словно пытались спрятаться от гнева Одина, который непременно вскоре обрушится на их ярла.

Бренна снова была одинока.

Леиф держался на расстоянии. Она понимала, почему. Он слишком подставил себя, пытаясь спасти ей жизнь, и рисковать быть убитым не хотел. Они лишь изредка обменивались взглядами. Пока Бренне не разрешили вернуться в зал, действовать они не

могли.

Это была ее первая задача: снова войти в зал. Она знала, что ей надо оставаться спокойной и покорной, и однажды Эйк может захотеть увидеть ее — хотя бы чтобы просто позлорадствовать. Она провела годы в его зале, и она хорошо его знала. Эйк верил в то, что сказал Леифу, верил в то, что Один на его стороне, и свидетельством его огромной силы и справедливости было то, что Бренна теперь оказалась в его власти.

Если бы она могла как-то проявить себя в нужный момент, если бы могла показать друзьям, что не сломалась — это могло бы сыграть на руку. Не только рабы беспокоились из-за возможного гнева Одина. Наверняка. Если бы люди Эйка увидели, что она сохранила свою силу, несмотря на жуткие испытания, которые пережила, они бы задумались дважды над своей верностью Эйку.

И это могло дать им шанс убить его.

~oOo~

Она справилась с первым заданием уже скоро, в один прекрасный день. Свободные люди Гетланда и окрестных деревень собрались для того, чтобы вершить правосудие, для заключения торговых сделок, для того, чтобы молодые воины получили свои кольца и поклялись в верности ярлу Эйку, для того, чтобы запланировать новое плавание за добычей.

Бренна ожидала большого притока людей, ведь Эйк захватил еще и земли Снорри, но в городе было мало новых лиц. Эйк либо решил оставить часть своих новых владений в руках своего народа, либо просто не стал считаться с интересами покоренных. Последнее казалось более вероятным, чем первое. Если бы она могла попасть в зал, она могла бы узнать наверняка.

В конце дня Уилфрид, одна из домашних рабынь, подбежала к Бренне, которая как раз несла от колодца полные ведра воды. Это было одно из самых тяжелых занятий для Бренны. Коромысло давило на кандалы и било по едва зажившей спине, и ей почти всегда приходилось собирать все силы Девы-воительницы, чтобы донести ведра через город.

Впрочем, ожоги больше не причиняли ей невыносимую боль. Шрамы еще были совсем свежими, и они протестовали против растяжения, но после сводящей с ума агонии в первую неделю эта боль казалась слабой. Но от трения коромысла она иногда готова была кричать.

Теперь Бренну мучил зуд. Постоянное жжение прямо под кожей. Часть струпьев уже отпала, и Бренна надеялась, что зуд постепенно начнет стихать. Жжение злило ее и делало нетерпеливой, но это ей не мешало. Все равно с ней никто не разговаривал, если не считать людей, которые отдавали приказы.

Но Уилфрид подбежала так быстро, что Бренна едва успела затормозить, чтобы не столкнуться с ней. Вода выплеснулась из ведер, и коромысло ударило ее прямо по спине.

— Ш-ш-ш! — Бренна зашипела от боли и злости. Но другая рабыня не была виновата.

Уилфрид наклонила голову.

— Извиняюсь, Бренна Око Бога. Прости меня. Тебя зовут в большой зал. Сам ярл Эйк хочет, чтобы ты пришла.

Он хотел устроить представление, она знала.

— Я возьму коромысло, — Уилфрид протянула руку, не глядя Бренне в глаза.

— Моя благодарность, — Бренна подняла коромысло над головой повесила его на плечо Уилфрид.

Затем она подошла к залу, держа спину прямо, глядя вперед. Она не удосужилась даже оправить платье. Она хотела, чтобы все видели, как Эйк пытался унижить ее. Она не сможет сегодня отомстить, но она сможет посеять нужные семена в плодородную почву.

Эйк сидел с семьей и близкими друзьями и соратникам за длинным столом во главе зала. За длинными, но меньшими по размеру столами восседали свободные мужчины Гетланда. Остальные сидели по краям зала, с блюдами на коленях.

Атмосфера была яркой и жизнерадостной, как всегда в такой праздник. Бренна вышла из кухни и встала поодаль, ожидая, пока Эйк ее вызовет. Склонив голову якобы в молитве, Бренна уголком глаза оглядела зал, ища лица друзей.

Леиф сидел за главным столом, но в конце, далеко от Эйка, а не среди детей ярла. Он все же был наказан за то, что посмел возразить ярлу, хотя это было всего лишь наказание, а отлучение навсегда. Он не сразу заметил Бренну, и она воспользовалась моментом, чтобы изучить его лицо и увериться лишний раз в том, что он действительно был ее союзником.

Леиф тоже наблюдал, оглядывал зал и делал выводы. Она подождала, пока их глаза встретятся. После паузы Леиф чуть наклонил голову, дав ей знать, что он с ней.

Всего один союзник — и Бренна уже почувствовала, что не все потеряно. Да, пока она была бессильна, и знала это. Но это был первый шаг к возможности побороться на свою свободу.

В зале стало тише, когда люди заметили Бренну. Она опустила глаза, но ее все равно узнали. Она была единственной из рабов Эйка, кого держали в цепях. Рассказ о том, как унизил ярл Око Бога, уже гулял далеко за пределами города.

Когда тишина стала заметной, Эйк увидел ее и поднялся, заставив разговоры стихнуть совсем. Глядя на нее, как будто только его взгляд мог удержать ее на месте, он поднял руки, готовясь произнести речь.

— Мои друзья. Мы сделали хорошую работу. Наш мир находится в равновесии, и наша сила и мощь растут. Сейчас мы готовимся к новому путешествию, и мои трое сыновей впервые все вместе поплывут искать добычу. Я спрашивал совета провидца, и он сказал мне, что у нас есть Око Бога, и значит, боги на стороне Гетланда, и он вскоре станет истинно великим.

Раздались радостные крики. Эйк вытянул руку вперед и щелкнул пальцами, глядя Бренне в глаза.

— Подойди, девушка, — сказал он, и зал снова притих, наблюдая, как Бренна идет через зал, глухо гремя цепями.

И вот, наконец, она встала напротив ярла.

Он схватил висящий конец цепи и дернул Бренну вперед. Потом заговорил снова.

— Я знаю, что здесь говорят о том, что мое обращение с Оком Бога может вызвать гнев богов. Но знайте — я не забыл, какой силой она владеет. Это она забыла, что Один дал ее мне, чтобы она мне служила. Я дал ей свободу и позволил ей сражаться на моей стороне, а мои кузнецы выковали для нее щит и меч, и она заслужила свою славу по моей милости. Затем она отвернулась от богов и отреклась от меня.

Теперь он схватил ее за волосы, за длинную грязную косу и дернул ее голову вверх так, чтобы ее лицо было видно всем в зале.

— Не бойтесь ее. Она — не более чем сосуд. Ее сила — сила Одина, а она хотела присвоить ее себе. Именно она искушает богов. Ей стоит бояться их гнева, а не мне.

Бренна широко открыла глаза и посмотрела на людей вокруг. Эйку удалось их убедить, она видела это в их глазах. Если они действительно поверили, что он действовал в соответствии с волей богов, то союзников ей здесь точно не найти.

Но они снова собираются в путь. Поплывут сильнейшие из мужчин, и трое его взрослых сыновей. И Вали, возможно, все-таки приедет за ней. Бренна не хотела терять надежду. Даже сейчас, когда Эйк резко потянул ее косу и ее цепь, заставив ее опуститься пред ним на колени, она не теряла надежды.

Когда она опустилась на колени, он побренчал ее цепью.

— Боги с нами, друзья. Мы идем к величию!

Когда зал разразился овациями, Эйк заставил Бренну подняться.

— Возвращайся к своим помоям, раб, — зарычал ей в ухо.

И оттолкнул ее.

Идя к двери, Бренна повернула голову, чтобы поглядеть на Леифа. На его лице была написана безмерная жалость. Она нахмурилась и подарила ему взгляд воина, короткий, почти мимолетный — сейчас было не время показывать кому-то, что она еще сильна — и он моргнул от неожиданности, а потом поклонился ей.

Она была достаточно сильна. Она не сдалась. Она не сдастся до тех пор, пока не насадит голову Эйка на копье.

~oOo~

Той ночью Игул приковал Бренну цепью, как обычно, а затем, вместо того, чтобы уйти, опустился на подстилку рядом с ней. Она встретила его плотоядный взгляд и поняла, чего он хочет. Слова ярла убедили Игула в том, что Бренну не стоит бояться.

Он толкнул ее на подстилку и задрал вверх тунику, обнажая ниже талии. Затем развязал свои бриджи и навалился на нее своим пахнущим потом телом. Бренна мало, что могла сделать, она уставилась на Игула, молча перебирая в уме все кары, которые потом падут на его голову.

Но его червяк никак не становился твердым. Игул беспомощно потерся об нее, а потом схватил ее за руку.

— Возьми меня в руки, раб, и если ты попытаешься что-нибудь сделать, я воткну тебе в дырку бревно.

Она дернулась под ним, сдерживая отчаянное желание ухватить его чахлый отросток и оторвать совсем. Его сиплое дыхание щекотало его ухо, но червяк все равно оставался мягким.

Он ухватил ее за подбородок, и Бренна поняла, что будет следующим. Но на этот раз она не собиралась подчиняться.

— Я откушу его.

Игула ударил ее по лицу, и кровь хлынула из ее носа. Тогда он ударил ее между ног, и Бренна задохнулась от боли, пронзившей ее тело и поднявшейся куда-то вверх. Она не могла даже вздохнуть.

Затем он встал, а Бренна все еще лежала, не в силах даже ахнуть, чувствуя, как кровь струится по ее лицу.

— Ни еды, ни воды, — рявкнул Игул, завязывая бриджи.

А потом он ушел.

Бренна перекатилась набок, обхватив себя руками и сжав ноги, и выплюнула на землю кровь. Когда дыхание восстановилось, она ощупала свое лицо и резким отточенным движением вправила вывихнутый нос. Такое случилось с ней не впервые.

У нее хватит сил, чтобы пройти через это. Хватит.

Хватит.

Должно было хватить.

Глава 22

Двести тридцать мужчин и женщин в трех ладьях. У Вали было его войско.

В Карлсе находилась часть доверенных людей Эйка. С помощью местных жителей, недовольных присутствием захватчиков, Вали и его друзья расправились с ними и даже не потеряли ни одного человека, несмотря на то, что очень ослабли после путешествия.

Несколько дней они провели в покое. Успели подлечиться, восстановить свои силы и убедить членов клана Вали, что против ярла Эйка надо идти войной. Найдя союзников, жаждущих мести за смерть Снорри, Вали и его друзья через несколько дней уже были готовы идти в новый поход.

Два дня на воде, и вот Гетланд вынырнул из тумана перед ними.

Вали стоял на носу главного корабля, его грудь была обнажена, топоры висели на бедрах. Паруса цветов ярла Снорри Торссона были наполнены ветром, воины и Девы-защитницы стояли за спиной Вали. Приближаясь к берегу, они начали стучать мечами о щиты.

Пусть Эйк не обманывается насчет их намерений; это был не мирный визит.

Оглядывая город, Вали увидел, что Эйк не спешит реагировать на надвигающуюся угрозу. Их корабли были почти у причала, когда впереди появились вооруженные люди. Лучники стреляли первыми, и по знаку Вали воины подняли свои щиты.

Он застыл на месте, без защиты, с топорами на бедрах. Стрела коснулась его груди, он поймал ее и бросил в воду. Ни один выстрел не попал в него, хотя стрелы летели градом, осыпая спрятавшихся за щитами.

Он не давал команды открыть ответный огонь, хотя лучники на каждом корабле стояли наготове, держа стрелы на тетиве.

Еще один залп с берега — и он услышал стон и плеск, когда стрела поразила кого-то из воинов. Вали стоял молча. Он чувствовал беспокойство вокруг себя, но он знал, что делает.

Так как вода была достаточно мелкой, вскоре воины попрыгали с кораблей и двинулись к берегу. Лучники Эйка замерли, не решаясь стрелять. Они застыли на берегу, ожидая приближения противника.

Вали привел свой корабль прямо к причалу и соскочил с него на помост сразу же, как корабль ткнулся в дерево носом. Не оглядываясь, он зашагал вперед, а люди Эйка стояли с поднятым оружием и ждали, пока он подойдет.

Он оглядел толпу, но не увидел ни Бренну, ни Леифа. Первую он хотел спасти, последнего — убить.

Ступив на землю, он остановился.

— Я бросаю вызов ярлу Эйку Иварссону, я вызываю его на поединок!

Пока он говорил, его войско высаживалось на землю и строилось плотными рядами по всей береговой линии города. Впервые в жизни Вали не сражался в меньшинстве.

Он оглядел толпу, на этот раз не ища взглядом чье-то конкретное лицо, и понял. Эйк уже отправил корабли в новый поход. Его самые сильные воины уплыли. Захватить город будет легко. Вали уже выиграл.

Но, возможно, его планы насчет Леифа придется отложить. Леиф был могучим воином, и ярл наверняка отправил в поход и его.

Но Вали сомневался, что сам старый ярл пережил бы второе путешествие в этом сезоне. Он надеялся и знал, что надежды его оправданы.

— Я вызываю ярла! Здесь и сейчас! — снова крикнул он.

Город был тих. Вали стоял и ждал. А потом толпа перед ним — толпа, в которой было поровну воинов и мирных жителей — раскололась надвое, и его бывший друг, Леиф Олафссон, вышел к нему навстречу, с мечом в руке и в доспехах.

Все-таки его оставили здесь. Любопытно.

Вигер шел следом, чуть позади, и нес щит Леифа. Вали мысленно сделал зарубку. Вигер тоже участвовал в том лживом нападении. Но Вигер был не таким близким другом, как Леиф, и Вали не думал, что он стоит особой мести. Пусть Вигер просто умрет, неважно, как.

Вали вытащил свои топоры, его бойцы выступили вперед.

Леиф остановился.

— Вали Грозовой Волк. Ярл Эйк принимает вызов и посылает меня, Леифа

Олафссона, как своего лучшего воина.

Приемлемый ответ, особенно учитывая возраст Эйка, но Вали он не удовлетворил. Если ярл был достаточно силен, чтобы совершить эти ужасные вещи, он должен быть достаточно сильным, чтобы отвечать за них.

— Я с удовольствием убью тебя, Леиф, чтобы отомстить за предательство, которое ты совершил. Но я хочу видеть Эйка, и пусть он выйдет и сражается как воин, или я убью его, как трусливую собаку.

И тут Леиф сделал кое-что странное: он улыбнулся.

— Я понимаю. Я бы предложил другой план.

Через мгновение Леиф выпрямился и схватился за меч. Он полоснул Вигера по горлу так быстро и аккуратно, что тот умер стоя, все еще держа щит, и только спустя долгое мгновение упал на землю лицом.

Леиф вернулся к Вали.

— Я твой друг, Вали. Всегда им был.

У Вали не было времени, чтобы понять, что происходит. Леиф развернулся лицом к воинам Эйка и вступил в схватку. Вокруг воцарился хаос, и вот уже его бывший друг сражался за свою жизнь.

Вали дал сигнал к атаке.

~oOo~

Воины Эйка, сражающиеся за свой дом, были намного слабее орды Вали, пришедшей, чтобы отомстить. Горожане сражались или бежали, и Вали приказал своим воинам не догонять тех, кто струсит. У них не было необходимости вредить Гетланду. Главной задачей было найти тех, кто помогал Эйку в нападении в Эстландии. Пока он не увидел ни одного, кроме Вигера и Леифа — и, как казалось, Леиф не предавал его.

Но он *предал*. Он оглушил Вали и позволил похитить Бренну. Настоящий друг предупредил бы об опасности и стал бы воевать на его стороне — как сейчас. Вали был настолько полон черной злобы, что просто не мог поверить Леифу, пусть они и сражались сейчас бок о бок. Но пока он рубил и резал, времени обдумывать не было. Но он не отводил от Леифа взгляда и не поворачивался к нему спиной.

Когда врагов стало меньше, Вали на секунду смог отвлечься от боя.

— Бренна?

Запыхавшийся и забрызганный кровью, Леиф кивнул.

— Ей пришлось пройти через многое, мой друг, но она жива. В ее груди бьется сердце могучего воина. Она была сегодня утром в конюшнях.

Сердце Вали замерло, когда его накрыла волна облегчения. Бренна была в безопасности. Он кивнул.

— Сначала Эйк. Я не собираюсь дать ему возможность скрыться. Я обмотаю его кишки вокруг своей шеи.

Они вместе побежали в сторону большого дома. Орм, Бьярке и Астрид присоединились к ним. Подойдя к дому Эйка, Вали огляделся. Он знал, что они победили. Из людей Эйка выжили немногие.

Вали повернулся к Астрид.

— Бренна в конюшне. Ты приведешь ее ко мне?

Астрид одарила Леифа яростным взглядом, потом кивнула.

— Я приведу. Следи за тем, что у тебя за спиной, — она плюнула Леифу под ноги и пошла прочь с топором в руке.

Астрид поклялась в верности Эйку, как и Леиф и Бренна. Она была оставлена умирать там, в Эстландии. То, что она плевала под ноги бывшему соратнику и лидеру, говорило о многом. Вали подумает о том, что делать с Леифом, потом. Сейчас он открыл двери большого зала и вошел внутрь.

Зал был пуст, в углу блеяли несколько коз, на лавке лежала пара кошек. Он думал, что Эйк будет сражаться, но здесь не было никого, ни воинов, ни семьи Эйка. В личных покоях тоже никого не нашли.

Трус уже сбежал? Даже если так, Вали успеет его нагнать.

Он повернулся к Леифу.

— Это еще одно предательство?

— Он был в своем кресле, когда я ушел, Вали. Я клянусь кольцом на своей руке.

— Кольцом, которым ты клялся Эйку?

Леиф издал разочарованный звук.

— Я с вами. Я оставил тебя в живых. И Бренну тоже. Это был единственный способ.

Бренна. Без лишних слов и колебаний, Вали выбежал на дневной свет и побежал к конюшне.

Он увидел испуганных горожан, в основном женщин и детей, скрывавшихся внутри домов или в погребках. Но все они были теперь в безопасности. Он слышал, что сражение закончилось. Вокруг были слышны только стоны раненых.

Недалеко от конюшни стояла Астрид. Она была напряжена, рука сжимала топор. Вали подошел. Он увидел то, что видела она, — и вспышка гнева ударила в его голову. Вали зарычал и рычал так долго, как позволили ему легкие.

Эйк схватил Бренну. Он держал ее перед собой, обвинив одну руку вокруг ее тонкого горла. Другой рукой он держал длинный, изукрашенный кинжал, кончиком которого давил на ее плоть под ухом. Из ранки текла, исчезая под ошейником, алая кровь.

Бренна была скована. Тяжелая цепь была обернута вокруг ее талии, как пояс. Она была грязная и худая, лицо все в синяках, и Вали видел ужасную рану от железа на ее прекрасной бледной шее.

— Бренна!

Глаза Бренны встретились с его глазами, но когда она попыталась ответить, Эйк надавил сильнее и зарычал,

— Она моя!

Вали старался сохранять спокойствие.

— Она не твоя. Она моя — моя жена. Более того, она свободна. И ты заплатишь за все зло, что ты причинил ей.

— Нет. Ты обещаешь отпустить меня с кораблем и припасами, или я всажу этот кинжал в ее мозг.

Он нажал сильнее. Чуть сильнее — и он убьет ее. Вали пытался понять, как спасти жену.

Бренна повернула голову в сторону. Движение заставило лезвие скользнуть по ее шее, и кровь потекла из широкой раны. Как будто вдруг растеряв все жизненные силы, Бренна покачнулась. Это заставило Эйка дернуться, попытаться подхватить ее, и затем Бренна просто упала на землю.

Вали не терял времени. Он издал еще один могучий рев и всадил свой большой топор в голову ярла Эйка Иварссона. Тот упал сразу, тупое удивление навсегда застыло на его лице.

Пока тело ярла еще дергалось, Вали опустился на колени и поднял жену на руки.

— Бренна!

Леиф протянул ему кусок ткани, и он прижал его к ее ране, чтобы унять кровь. Проклятый ошейник — Вали хотел бы, чтобы Эйк снова ожил, чтобы у него появилась возможность сделать его смерть медленной и мучительной.

Бренна положила свою руку на его.

— Вали. Когда Леиф сказал мне, что ты жив, я поняла, что увижу тебя в этой жизни. Но я хотела сама убить Эйка.

Вали хмыкнул — странный звук.

— Настала моя очередь спасать, воительница.

Она улыбнулась.

— Кажется, нет.

Кровь проступила сквозь ткань.

— Тебе нужен лекарь.

— Это не смертельно. Мне доставалось и посильнее, — она схватила его за руку. — Ольга?

Присевший рядом с ними Леиф оживился при звуке этого имени, но Вали даже не взглянул в его сторону.

— С ней все нормально. Она в Карлсе.

— В Карлсе? — спросил Леиф. — Она прибыла с тобой?

Вали проигнорировал его. Ответил он Бренне.

— У нас ничего не осталось в Эстландии. Но не будем об этом. У нас есть все время мира, чтобы рассказать. А пока тебе нужно исцеление и покой.

Но его жена покачала головой и оттолкнула его, чтобы сесть. Забрав у Вали кусок ткани, она сама прижала его к ране. Затем повернулась к Леифу.

— Я хочу Игула. Я хочу его живым, я хочу убить его своими руками.

Леиф кивнул, но сказал:

— Бренна, Вали прав. Тебе нужны силы. Если он до сих пор жив, мы приведем его, но пока ты должна думать о себе.

Она попыталась встать. Вали сжал зубы, когда ее цепи загремели.

— Нет. Мне нужен кузнец, чтобы снять эту проклятую цепь, а потом я хочу, чтобы Вигера и Игула приковали к столу.

— Вигер мертв. Я раскроил его горло.

Леиф, казалось, вдруг смутился.

Прижимая руку к ране, Бренна одарила обоих мужчин взглядом, полным царственной ярости.

— Ты не оставил мне никакой мести? Если Игул мертв, я все равно сниму с него кожу.

И она вышла из конюшни, расправив плечи.

Коса Бренны лежала на плече, и Вали показалось, что он заметил шрам в верхней части спины. Да, они расскажут свои истории, и скоро. Он достал свой топор из головы Эйка и плюнул в лицо мертвеца. Не видать ему Валгаллы. Он был когда-то великим воином, но он умер трусом. Его заберет Хель (*Прим. Хель (др.-сканд. Hel) — в германо-скандинавской мифологии повелительница мира мёртвых (Хельхейма), дочь коварного Локи и великаниши Ангрбоды (Вредоносной), одно из трёх хтонических чудовищ*).

~oOo~

Вали уставился на стертую в кровь кожу на шее Бренны. Теперь он знал, что это была наименьшая из ее ран. Чтобы разогнуть скобу, кузнец попросил Бренну снять одежду, и, когда обнажилась спина, Вали увидел на ней шрамы, все еще нежные и розовые, спускающиеся от ее плеч и до бедер. Разум его затуманился от ярости, и он никак не мог с ней справиться.

Эйк умер слишком легко. Как и Вигер, который пытал Бренну. Он и Леиф лишили ее возможности отомстить. Он думал только о своей мести, думал о том, что случилось с Бренной — и то, что он себе представлял, не шло ни в какое сравнение с тем, что было на самом деле — и он осуществил свое возмездие. Ему надо было просто оглушить Эйка и оставить его для Бренны, но тогда он даже не подумал об этом. Он действовал по велению гнева.

Леиф поймал Игула, и ему далеко не так повезло, как другим. Толстый ублюдок был прикован к столу в комнате для допросов.

Поскольку Игул был теперь в их власти, Бренна попросила друзей отдать его ей.

Теперь — без ошейника, без цепи, одетая в хорошее платье, с перевязанными ранами — она, засучив рукава, подошла поближе и взяла со столика, на котором лежали орудия пыток, маленький кинжал.

Она приказала раздеть Игула. Вали почувствовал, как сжимается сердце при мысли о том, что здесь делали с его Бренной. Но он стоял в стороне и молчал; он не будет прерывать или вмешиваться.

Бренна хотела, чтобы и Леиф был с ними. Вали в некотором роде ревновал; ему не нравилось, что между ними существует легкость, несмотря на то, что Леиф причинил им столько бед. Бренна верила мужчине, который называл себя другом, но ее тело рассказывало слишком страшную историю о страданиях, через которое оно прошло из-за него.

Игул задрожал, заставляя цепи греметь, но он еще не говорил, не молил о милости. Когда Бренна подошла к столу с кинжалом в руке и встала рядом с ним, он только крикнул:

— Нет.

Бренна уставилась на лезвие.

— Я сказала тебе однажды, что откушу его, но у меня нет желания брать в рот такую гадость. Так что вместо меня поработает клинок.

Вали сжал кулаки так сильно, что проткнул ногтями кожу ладоней.

— Нет, — снова сказал Игул, в его голосе звучал бесконечный страх.

Когда она взяла в руку его вялого червя, Игул обмочился. Бренна не обратила на это внимания и резким движением руки отсекла ему член.

Игул истошно заорал, широко открыв рот, затем сделал большой вздох и снова заорал. Бренна взяла то, что отрезала, и сунула ему в рот, и звук его агонии сменился приглушенными рвотными позывами.

Она повернулась и положила клинок на стол, потом подошла к миске и вымыла руки. Отмыв кровь, она снова опустила рукава и повернулась к Леифу.

— Ты проследишь за его смертью?

Леиф наклонил голову.

— Да, Бренна. Насадить его голову на пику?

Она настояла на том, чтобы головы Эйка и Вигера выставили в воротах города.

Она уставилась на умирающего мужчину на столе.

— Нет. Он не достоин. Отнесите его в лес, пусть гниет там.

Леиф кивнул, и Бренна подошла к Вали. Чувствуя больше, чем смог бы выразить словами, он провел пальцем по ее щеке. Такая бледная и худая, в синяках. И такая красивая. Его воительница.

— Бренна.

Она положила руку ему на грудь.

— Я знала, что ты придешь. Я знала, что наша история не закончилась.

Он схватил ее в объятия и поцеловал.

— И она не кончится никогда. Я хотел бы найти место, чтобы побыть с тобой.

Она напряглась, и Вали почувствовал, как злость накатывает на него при мысли о том, через что Бренна прошла. Он наклонил голову и приложил свои уста к ее уху.

— Не для этого. Я хотел только обнять тебя и поговорить. Я скучал по тебе, Дева-защитница.

— Иди в покои ярла. Они теперь твои, Вали, — сказал Леиф.

Удивленный, Вали повернулся к Леифу, забыв, что не доверяет ему.

— Что?

— Ты убил Эйка, — ответила Бренна. — Ты вторгся и победил его. Никто не бросит тебе вызов. Теперь ты ярл, Вали

Конечно. Но Вали не хотел этого. Это не его дом. Он не был лидером, а был просто воином.

Должно быть, лицо его отразило бурю эмоций, потому что даже Леиф улыбнулся.

— Мы можем позже обсудить эти вопросы. Сейчас просто будь со своей женой. Вы оба боролись друг за друга и за то, чтобы быть вместе.

Друг или нет, но Леиф был прав.

Вали взял жену за руку и вывел прочь из этой комнаты смерти.

Глава 23

Бренна позволила Вали привести ее в пустой большой зал. Там редко было пусто, и сейчас темное помещение казалось странным и почти незнакомым, несмотря даже на то, что прошло уже так много времени с тех пор, как Бренна была здесь желанным гостем. Когда они вошли в покои ярла, она остановилась. Заметив колебания жены, Вали повернулся и сжал ее руку.

— Что?

— Хильда? Турид? Дети?

Эйк имел трех жен, которые родили ему двенадцать детей. Его первая жена, Торунн, умерла, рожая Умо, третьего ребенка. После ее смерти он взял Хильду. Но она рожала только девочек, и Эйк привел к себе в постель Турид.

У Эйка было шестеро взрослых детей. Трое сыновей, Колдер, Эйвинд и Умо, были в походе. Никто из троих не был еще женат. Три старшие дочери Хильды были замужем. Дома оставалось шесть детей — четыре дочери и два сына. Мальчики, единственная забота Турид, были совсем маленькими — один ребенок до сих пор сосал грудь, не намного старше, чем мог бы быть их сын, другой только начал ходить.

Старшей из дочерей Хильды было одиннадцать. Когда Бренна только начала служить Эйку, она была приставлена к Хильде и ее дочерям. Спасая их жизни, она и освободилась от рабства — так она думала в то время. Бренна по-прежнему была привязана к ним, даже несмотря на то, что за самыми маленькими никогда не ухаживала.

Теперь, когда Эйк был мертв, его семья тоже наверняка была убита. Так полагалось, но Бренне все равно было больно думать об этом. Она надеялась, что все случилось быстро.

Бренна посмотрела на Вали.

— А что с женами и детьми Эйка?

Вали склонил голову и подвел ее к стоящему чуть поодаль креслу. Когда она уселась, он опустился перед ней на корточки и взял за руки.

— Эйк выслал их из города, но их схватили и заставили вернуться. Мы держим их в доме на окраине города, пока решаем их судьбу. Что бы ты сделала?

— Так их не убили?

— Это твое решение?

В замешательстве она нахмурилась.

— Дети, скорее всего, враги. Их матери будут воспитывать их в ненависти к тебе. Нам придется их убить.

— Нет, Бренна. Врагом был Эйк. Он был жесток и нетерпелив. Мой ярл, Снорри, сказал бы, что если мы убьем всех, кто мог бы быть врагом, то кто же останется жить, чтобы стать другом?

— Так что ты хочешь сделать?

Он взял ее руку и поцеловал пальцы.

— Я бы предложил им убежище в городе и разрешил бы остаться свободными, чтобы жить дальше, как они захотят.

— Хильда — гордая женщина. Она не станет жить как слуга в доме, где когда-то была хозяйкой.

Он вздохнул.

— Тогда я бы предложил им взять немного продуктов с собой и отправиться искать новый дом.

— А если она и Турид посеют ненависть в сердцах своих детей? Трое старших сыновей скоро вернутся, а Гетланд очень изменился с момента их отъезда.

— Колдер и его братья? Мы сразимся с ними, когда они вернутся. Мы будем их ждать, будем наготове. Что касается ненависти в сердцах младших детей Эйка, то время покажет. Только провидцам под силу угадать, что будет дальше.

Вспомнив слова Эйка, сказанные несколько дней назад, на празднике, Бренна рассмеялась.

Вали улыбнулся в ответ.

— Что веселит тебя, любовь моя?

— Эйк сказал кое-что перед тем, как отправить своих людей в поход. О провидце, который обещал ему и Гетланду процветание, потому что с ними Око Бога. Он думал, что пророчество развязывало ему руки, и потому он мог делать со мной все, что хотел. Но он был неправ. Я прибыла сюда, чтобы погубить его. И ты — тот ярл, что принесет Гетланду славу.

Вали напрягся и встал.

— Я не хочу этого, Бренна. Это не мой дом, и я не лидер. Мы потеряли Эстландию. Я хотел вернуться в Карлсу. Это мой дом. Я хочу забрать тебя туда и хочу попробовать стать земледельцем, как ты и хотела.

Она встала и снова взяла его за руку.

— Но ты — лидер. Даже сейчас, со мной, когда говоришь о семье Эйка. Твои слова и мысли — мудрые и правдивые. Ты действуешь дальновидно и обдуманно. Ты прислушиваешься к советам тех, кому доверяешь. И люди доверяют тебе. Они восхищаются тобой. Они следуют за тобой. Я думаю, что ты уже великий вождь.

Он покачал головой.

— Я не хочу этого. Я хочу просто поехать домой.

Бренна была неожиданно очарована тем, что ее большой, храбрый, сильный муж говорил сейчас, как мальчик, скучающий по дому. Мысль о том, что в Эстландии у них почти уже был достроен их маленький домик, заставила и ее сердце заболеть. У нее теперь не было места, которое она могла бы назвать домом.

Бренна, конечно, не была привязана к Гетланду, где дважды была рабыней и подверглась насилию и унижениям. Карлса была далеко на севере, дальше, чем она когда-либо уезжала, но если Вали любит этот город, сможет полюбить и она. Возможно, там люди будут видеть в ней только женщину, а не Око Бога.

У нее появилась идея.

— Раздели владение с Леифом. Восстановите территории — мы пойдем на север, и ты займешь место Снорри в Карлсе. Леиф может оставить себе Гетланд. Это его дом.

Вали отошел прочь, к роскошной кровати, потом остановился и обернулся.

— Ты ему доверяешь? После всего этого?

— Я доверяю ему. Он наш друг. Он спас нас обоих.

Было странно стоять в этой комнате, по-прежнему полной личных вещей Эйка и его семьи. Она уставилась на лежащий на столике кусок ткани с вышивкой. Такая невинная обыденная вещь в этом море насилия и крови.

Но Вали заботило другое.

— Нет, Бренна. Он предал нас. Он позволил нам попасть в беду там, в Эстландии. Он позволил захватить тебя. Он позволил причинить тебе боль!

— Вали. Что еще он должен был сделать?

— Он должен был предупредить нас. Мы могли бы сразиться с Эйком и победить. Он должен был защитить тебя!

Он ударил кулаком по ладони, подчеркивая последние слова.

— Он защитил.

Муж подошел к ней сзади и коснулся пальцем еще такого свежего следа от ошейника.

— Нет. Он не защитил тебя.

Она поймала его руку и удержала.

— Он был щитом между Эйком и мной. Он не позволил ему причинить мне еще большее зло. Он помогал мне выжить, чтобы я могла бороться.

— Я хочу знать все, Бренна. Все, что случилось с тобой. Я хочу знать все.

Она не собиралась потакать его любопытству, но еще меньше у нее было желания ссориться с ним.

— Нет. Ты видел шрамы и раны. Этого вполне достаточно.

Вали вздрогнул.

— И больше ничего?

Бренна знала, что на самом деле его беспокоит. Даже если он и не думал об этом, то, как она убила Игула, несомненно, заставило его задуматься.

— Нет. Ничего другого. Игул пытался, но он не смог... поднять свой меч. Когда он попытался заставить меня сделать кое-что еще, я пригрозила ему, и он избил меня. Справедливое наказание.

Ярость все еще горела в глазах Вали.

— Я не могу простить Леифа. Именно из-за него Эйку удалось схватить тебя. Я не могу простить его, и я не понимаю, как ты можешь называть его другом.

— Я знаю его давно. Он обучил меня ремеслу воина. Я знаю его, Вали. Он наш друг. Возможно, мы бы сделали другой выбор, но он сделал свой выбор из любви и верности. И он рисковал не меньше нас.

Вали нахмурился и снова покачал головой.

— Он не мой друг.

Вздыхнув, Бренна сдалась. Она подошла к мужу и обняла его за талию.

— Но он может быть твоим союзником?

Он обнял ее, глядя в глаза. Затем наклонил голову и прижался губами к распухшему носу.

— Ты ему веришь.

Вали не спрашивал, но она ответила.

— Я верю. Я доверила бы ему свою жизнь.

— Тогда я последую твоему совету. Если Леиф захочет занять место ярла здесь, ты и я пойдем в Карлсу. Мы будем союзниками, — он пальцем чуть приподнял ее лицо за подбородок. — Но он не мой друг.

Это была неправда, но Бренна не стала спорить.

— Я понимаю. Я надеюсь, что однажды ты сможешь найти в себе силы простить его.

Вали снова коснулся пальцами ее шеи и покачал головой.

~oOo~

— Все земли Эйка по праву твои, Вали. Твой топор убил его. Тебе и Бренне он причинил страдания.

Вали посмотрел через стол на Леифа. Перед ними стояли чашки с медом, блюда, наполненные мясом и фруктами. Рот Бренны наполнился слюной, когда Уилфрид внесла их. Прошло так много времени с тех пор, как она ела вдоволь.

Мужчины сидели по обе стороны от нее и напряженно молчали.

Они уже вызывали Хильду и Турид в зал, чтобы предложить им убежище в Гетланде. Хильда отвергла предложение с высоко поднятой головой. Турид удивилась и даже заколебалась, но склонила голову и сказала, что останется с Хильдой. Женщинам и их детям дали лошадь и телегу, человека в сопровождение и провизии на неделю. Они хотели уехать на рассвете.

— Вали, — сказала Бренна, прося его все-таки успокоиться и поговорить.

Он взглянул на нее, потянулся вперед и отпил из рога.

— Я не хочу становиться ярлом. Я не хочу в этом участвовать. Я ненавижу это место всем сердцем. Бренна тебе верит, и я верю ей, так что мы предлагаем тебе вот такой выход.

— Разделить землю надвое? Но это разделит и наши силы. Ты уверен, что хочешь этого?

— Меня мало интересует власть. Но раздел земель означает раздел силы только в том случае, если ты не хочешь быть моим союзником. Это так?

Леиф вздохнул и опустил голову, как будто ему вдруг стало тяжело держать ее поднятой. Наконец, переведя на Вали взгляд, он заговорил.

— Я твой союзник, Вали. Я твой друг и друг Бренны. Всегда буду. Я принимаю это соглашение. Гетланд и Карлса будут союзниками так долго, как ты захочешь. Если ты согласен, завтра мы проведем церемонию, и ты и члены твоего клана сможете вскоре отбыть на север.

Бренна вмешалась, чуть наклонившись вперед, чтобы мужчины обратили на нее внимание. Они не могли уехать. Не сейчас.

— Налетчики вернутся. Три корабля воинов и сыновья Эйка не обрадуются, найдя своего отца мертвым, а владение в руках чужака. Колдер очень похож на Эйка в своей опрометчивости и ярости. Вам нужны воины Карлсы. Мы нужны вам, чтобы выиграть войну.

Леиф повернулся к ней.

— Ты — Око Бога, Бренна. Колдер знает о том, что ты больше не служишь его отцу, и он слышал пророчество. Он поверит, что гибель отца — это твоих рук дело, что не далеко от истины, кстати, и он будет винить в этом силу твоего глаза. Вы должны быть далеко отсюда, когда он вернется.

Бренна ошетичилась.

— То есть, ты думаешь, что я не смогу сразиться с ним и победить?

— Не теперь, когда ты так истощена. Я бы сказал, что пока в тебе недостаточно силы. И я бы сказал, что ты уже сражалась, и Эйк причинил тебе достаточно зла, — он обратился к Вали. — Вот что я вам предлагаю. Увози свою жену подальше отсюда. Если Гетланд станет моим, я сам буду заботиться о нем.

Вали кивнул.

— Вали! Мы не можем! Без воинов Карлсы Леифу не победить.

Муж и жена долго смотрели друг на друга. Бренна взглядом пыталась заставить Вали понять, что так рано уходить не стоит.

Он повернулся к Леифу.

— Я поговорю с моим народом. Если они останутся и будут сражаться, то мы оставим их и корабли, правда, возьмем один из ваших взамен.

Повернув голову в ее сторону, он добавил:

— Но мы уходим. Я заберу тебя отсюда как можно скорее.

Она выпрямилась и скрестила руки на груди.

— А если я не пойду?

Его голубые глаза затуманились.

— Тогда я перекину тебя через плечо и унесу.

— Как сделал Эйк?

Вали отшатнулся при этих словах, словно получив пощечину. Заговорил Леиф

— Бренна. Пожалуйста. Я с удовольствием приму помощь от любого другого, но я хочу, чтобы ты уехала. Я видел, что ты пережила. Тебе нужно обрести дом и новую жизнь. Я смогу удержать Гетланд. А если нет — то я недостоин того, чтобы быть ярлом.

Бренна сидела между двух сильных, доблестных мужчин. Ее муж и ее друг, один злой, а другой кающийся. Она повернулась к Леифу. Усталость накатила на нее волной. Как же больно ей было, как же близко она была к тому, чтобы сдаться. Она проснулась в

плени, прикованной к земле. А вечером того же дня все изменилось. Вали был с ней снова. Ее враги были мертвы. И она была женой ярла.

— Ты этого достоин.

Ее голос сорвался, слезы защемили глаза. Она с трудом сглотнула и провела рукой по лицу. Леиф перегнулся через стол и сжал ее руку.

— Тогда позволь мне доказать это.

~oOo~

В ту ночь Бренна и Вали заняли небольшой дом, который Эйк построил когда-то для почетных гостей. Они разрешили женам и детям Эйка остаться в покоях ярла, под охраной, до их отъезда следующим утром.

Наверняка другие бы просто сожгли хозяйский дом вместе с людьми. Но время, проведенное в Эстландии, где у них была собственная комната, да и дни в одиноком амбаре изменили Бренну, и пока ей было тяжело привыкнуть к тому, что вокруг постоянно находятся люди. Так что она и ее муж удалились, чтобы побыть в одиночестве.

Свечи уже были зажжены, и кровать расстелена. В комнате были еда и питье, и в яме горел огонь. Бренна подошла к нему и уставилась на красные угли.

Осознав, что все кончилось, она вдруг снова ощутила, как же устала, как же болит ее спина и глаза.

Вали подошел к ней сзади и легко потянул за завязку, расплетая косу. Она закрыла глаза и смаковала его нежное прикосновение. Он просунул пальцы сквозь сплетенные пряди, и вот уже волосы рассыпались свободно по ее плечам. Затем он отвел тяжелые пряди в сторону и коснулся ее плеча, отстегивая брошь, удерживающую хангерок.

Бренна почувствовала, как сжимается сердце, и задержала его руку, останавливая.

— Вали, я... — слишком многое пережило ее тело. Она вряд ли бы выдержала интимное прикосновение, каким бы любящим и нежным оно ни было. Пока нет.

— Я не хочу заниматься любовью с тобой сегодня вечером. Но я хотел бы видеть твоё тело и лечь с тобой голым. Пока я ничего не хочу. Слишком многое было между нами. Целые моря и даже больше, — он поцеловал ее в макушку. — Пожалуйста. Пусть будет, как было в нашу первую ночь. Это тоже первая ночь для нас.

Вспомнив о красоте той ночи, когда Вали обнимал ее, когда он дал ей все, что нужно, и ничего не попросил взамен, когда он держал ее в объятьях, а она плакала, потрясенная его любовью, Бренна опустила руки и позволила ему отстегнуть брошь. Он расшнуровал ее хангерок и потянул, позволив ему упасть на пол.

Бренна не остановила его, когда он снял с нее платье и нижнее белье. Она стояла неподвижно и тихо, пока он разглядывал ее израненную спину.

Когда Вали заговорил, голос его был наполнен печалью и гневом.

— Ах, Бренна. Что они сделали с тобой. Прости меня за то, что не дал тебе отомстить.

Она кивнула. Эйк был мертв. И Вигер. И Игул. Она была свободна, и Вали был с ней. Этого было достаточно. Отомстив принцу Ивану в Эстландии, она не испытала удовлетворения. Их сына его смерть не вернула. Эту пустоту вообще нельзя было заполнить.

— Я прощаю.

Он скользнул пальцем по ее позвоночнику, аккуратно касаясь свежих шрамов. Больно не было, по крайней мере, физически. Но Бренна почувствовала другую боль, и эта боль пронзила ее сердце и ударила в нее. Все эти недели она пыталась выживать, оставаться сильной, заставляя себя ждать возможности обрести свободу. Бренна построила стену между собой и своими чувствами. Но теперь, когда грубые пальцы Вали нежно ласкали поврежденную плоть, эта стена начала рушиться.

— Вали, — всхлипнула она, и в этом звуке вырвалась наружу вся ее боль. — Вали.

Вали. Вали.

Она не могла перестать повторять его имя. Даже когда слезы прорвались наружу рыданиями, она все повторяла и повторяла его, как заклинание.

— Вали, Вали, Вали.

— Я здесь, любовь моя. Моя жена.

Вали развернул ее к себе лицом и поднял на руки. Долгое время он просто стоял посреди комнаты, прижимая ее к своей груди, как ребенка, а она плакала. Затем он подошел к кровати и положил ее, снял с нее туфли, а затем разделся сам. Вали лег с ней рядом, прижал ее к себе и накрыл их обоих мехом. Бренна плакала, пока не уснула в его объятиях.

Она просыпалась среди ночи много раз, и каждый раз он гладил ее спину и убаюкивал ее снова. Каждый раз.

И утром он был с ней. Был с ней.

~oOo~

На следующий день в большом зале воины и горожане собрались, чтобы пить и веселиться. Сначала все было довольно напряженно, но потом, после речи Вали и Леифа, в которой они рассказали, что намерены объединить земли, дружба восторжествовала. Почти все из клана Карлсы решили остаться и бороться; многие хотели отомстить за смерть Снории. Те, кто не собирался оставаться, мотивировали это тем, что новому ярлу нужна поддержка.

А потом они принесли жертву богам, прося их даровать благословение новым ярлам. И теперь они пировали.

Бренна, все еще не вполне осознавая, что свободна, тихо сидела в углу и наблюдала, как Вали и Леиф принимают поздравления, как мужчины и женщины приносят им клятвы верности. Вали выглядел так, словно смущен происходящим.

Но он будет великим ярлом. Он был хорошим человеком и мудрым. Сильный и жестокий воин, настоящая легенда среди своего народа. Но проявляющий жалость, когда это нужно. Проницательный. С Леифом и Вали у руля их мир непременно станет великим.

Они постоянно встречались взглядами, и вот ее муж уже с трудом вырвался из плена просителей и желающих принести поздравления и подошел к ней. Он вытащил ее из кресла и уселся сам, ее же посадил к себе на колени. Улыбаясь дразнящей улыбкой, Бренна принялась играть с завязкой на его косе.

— И так будет всегда? — проворчал, когда к ним начали подходить снова. Их уединение кончилось, не начавшись.

— Ну, если ты захочешь побыть в одиночестве, придется потрудиться.

Недовольный вздох был ей ответом.

Сидя в одиночестве, Бренна раздумывала. С тех пор как она проснулась в то утро в его руках, в удобной кровати, в уютной комнате, она думала. Сегодня Бренна была одета в красивое, блестящее голубое платье, заплела волосы, вдела в уши красивые подвески с голубыми камнями. Она смотрела на своего мужа и хорошего друга, каждый из которых был великим ярлом, и думала.

О будущем.

Она никогда не была в Карлсе. Никогда не видела города, куда Вали хотел ее отвезти, но она чувствовала себя легко, зная, что там ее ждут, и все будет хорошо.

Дом.

Сейчас посреди большого зала, сидя на коленях мужа, чувствуя его твердость внизу, она наклонилась и коснулась губами его уха. Его руки крепко ухватили ее.

— Я готова родить еще ребенка.

Он отстранился и пристально посмотрел на нее.

— Бренна? Но прошлой ночью...

— Прошлой ночью я хотела твоих объятий, но сегодня я пришла в себя. Ты всегда даешь мне то, что мне нужно. Теперь мне нужны дом и семья. Я хочу твоё семя у себя внутри.

Его глаза засветились — казалось, в них была та магия, которой не было в её глазах. Он коснулся её щеки рукой.

— Я не хотел торопить тебя.

— Я знаю. Ты всегда давал мне то, что нужно. Мне *это* нужно.

Она повернула голову и прикоснулась губами к его ладони. Затем встала и протянула руку.

Вали нахмурил брови.

— Сейчас?

— А ты не хочешь?

— Ты уверена?

— Да.

Ухмылка появилась на его красивом лице. Он встал и схватил её за руку.

— Тогда я тоже.

Глава 24

Бренна сидела на краю кровати. Она была обнажена, волосы рассыпались по плечам. Уставившись в одну точку на полу, она размышляла. Раздеваясь, Вали смотрел на неё, и его сердце ныло от любви к ней — и от бессильной ярости, с которой он не мог совладать.

На светлой коже его жены калёным железом была написана история её страданий. Она была тощая, ребра, ключицы и скулы настолько выпирали, что казались странными. Её колени и локти были исцарапаны, ноги и руки покрыты синяками. Да она вся была в синяках. Нос был сломан, из-за голода и усталости под глазами появились круги. Руки были стёрты в кровь от цепей. Её шея — о, её шея. Эйк оставил напоминание о себе на всю жизнь.

И спина.

Вали потребовал, чтобы Леиф рассказал ему о пытке, которую перенесла Бренна. Горячие прутья укладывали на спину. И они лежали там, остывая, пока плоть под ними жарилась и пеклась. Когда Вали впервые увидел длинные шрамы на спине Бренны, то едва не обезумел от ярости и горя. Но он был с ней, и она плакала, снова и снова произнося его имя, нуждаясь в его силе и его спокойствии. Поэтому он проглотил свою ярость и дал своей жене то, что было ей нужно.

Леиф был в той комнате и позволил этому случиться. Он просто стоял и смотрел. Вали было плевать, почему так вышло. Нет, настоящий друг не стоял бы на месте. Бренна сказала, что поняла поступок Леифа. Она ему доверяла. Она даже сказала, что Леиф спас её, защищал её.

Но Вали смотрел на свою любимую жену, на её искалеченное голодом и пытками тело, и понимал, что никогда не простит человека, который позволил ей это выдержать, который просто стоял рядом и смотрел, как её делают рабой, как её унижают и бьют.

Никогда.

— Где витаешь? — спросила Бренна, и Вали вернулся мыслями обратно в комнату, чтобы увидеть, как она улыбается.

Он был рад видеть её улыбку, хоть и исчез из неё тот блестящий, сияющий свет, который он обещал ей в день свадьбы. Сейчас улыбка Бренны была горькой.

— Я мог бы задать тот же вопрос, — он подошел к кровати и встал перед женой на колени. Взяв её руки, коснулся губами следов от оков на запястьях. — Ты тоже мысленно была не здесь.

Она повернулась, переплетая свои пальцы с его.

— У меня голова кружится, когда вокруг тихо.

Он нахмурился и внимательно взгляделся в ее лицо.

— Тебе нужно отдохнуть. Может, нам стоит подождать с ребенком, пока ты не восстановишь силы.

Глядя кончиками пальцев его брови, она покачала головой.

— Я не о том. Я чувствую себя хорошо. Я чувствую себя сильной. Просто, понимаешь, мне пока трудно приспособиться к изменениям, которые произошли за эти два дня. Еще вчера я была в цепях. Сегодня я надела самое красивое платье в своей жизни, — она качнула головой, и подвески затанцевали. — Я ношу *драгоценности*.

Бренна отпустила его руку и потянулась, чтобы вытащить сережку из уха, но Вали удержал ее. Он не замечал раньше, что ее уши проколоты, но она вдела крючки сережек совсем легко.

— Ты наверняка не впервые носила украшения в ушах. Иначе зачем бы они были проколоты?

— Я носила стеклянные бусины. А это камни. Драгоценные. И не мои. Они принадлежали Хильде, — как и платье, которое она надевала. — Я не знаю, как быть женщиной, которая носит драгоценности и красивую одежду.

— Изменились только обстоятельства. А мы — нет. Ты красивая женщина, Бренна. Более того, ты — великая женщина. Ты воин. Ты можешь быть одета в грубую одежду или дорогую, в шерсть или мех, в хлопок или кожу, можешь быть в цепях или носить драгоценности, это не важно. Этого и не понял Эйк. Даже в той цепи ты не была рабом. Ты всегда была только женщиной.

Она улыбнулась и наклонилась, их лбы соприкоснулись.

— Прекрасная сказка с красивыми словами.

— Спасибо тебе, что спасла мой язык, чтобы он мог рассказать ее тебе.

— Твой язык может делать и другие красивые вещи.

Она поцеловала его, коснувшись кончиком языка уголков его рта. Просто легкое касание, но кровь Вали закипела в жилах. Но она была так изранена. Эйк не сломил ее, но он наверняка пытался.

— Ты уверена? — выдохнул он, скользнув губами по ее губам. — Я не хочу причинить тебе боль.

— Я уверена, и ты не причинишь мне боли. Я хочу чувствовать твоё нежное прикосновение. Я хочу почувствовать блаженство, которое ты мне даришь. Я хочу сама подарить тебе блаженство. Я хочу оставить все это позади, и пусть с нами будет только наше будущее.

Бренна упала на кровать, освобождая место, чтобы Вали смог присоединиться к ней.

— Дай мне увидеть наши звезды.

Он взял ее на руки и любил ее медленно и нежно, прижимая к себе аккуратно и бережно, не спуская с нее глаз. Сладкие, нежные звуки ее удовольствия сказали ему, что боли нет, и когда она сжала его и вцепилась пальцами в мышцы его спины, и ее дыхание стало рваным и глубоким, он позволил себе отдаться страсти и получить свое собственное удовольствие.

Когда Бренну накрыл оргазм, ее глаза закатились, а тело затряслось. Сладкие спазмы ее освобождения были такими сильными, что Вали едва не излился сам. Он замедлил толчки, удерживаясь глубоко внутри Бренны, пока она не ощутила все свое блаженство.

Затем она расслабилась и посмотрела на него с легкой игривой улыбкой. Она чуть подтолкнула его, и Вали понял. С ухмылкой он перевернулся на спину, и жена оседлала его. Когда экстаз настиг его, он с ревом опрокинул ее на спину и выстрелил в нее своим семенем.

А потом Вали опустил рядом с женой и обнял ее. Так они и лежали, приводя в порядок дыхание. Бренна спросила:

— Как думаешь, сегодня мы сделали еще одного сына?

Он отвел с ее лица влажные пряди светлых волос.

— Я не знаю. Но мне пока все равно. Я снова с тобой. У тебя есть моя любовь, и у меня есть твоя. Мы делаем наше будущее, неважно, зачали мы сегодня ребенка или нет.

~oOo~

В последние две ночи сон Бренны был беспокойным, полным кошмаров. Вали знал это, потому что она снова стала просыпаться, открывая глаза и напрягаясь, готовая защитить себя. Так и лежала несколько минут, пока не понимала, что она с ним и в безопасности. Затем снова медленно засыпала.

На следующий день рано утром они уезжали в Карлсу на маленькой лодке с небольшим количеством людей, среди которых был и Яан, ставший теперь частью их клана. Георг и Ганс решили остаться и бороться с Колдером. У них в прибрежной деревне были семьи, и еще после первого набега в них жило желание мести. Они заключили мир с Вали и другими налетчиками, но Колдер с самого начала причинял им только зло.

Вали тоже имел зуб на Колдера; сначала его избили, а потом украли его Бренну. Но его желание убраться подальше было сильнее желания увидеть голову Колдера на пике рядом с головой его отца. Пусть им займется Леиф.

А что, если эти двое — между прочим, дружившие всю жизнь — решат заключить союз? Что, если Леиф снова предаст доверие Бренны? Вали ему не верил. Он подготовится, и если придется, даст отпор обоим.

Он уже начал планировать.

— Ты опять в раздумьях, — прошептала Бренна. Ее голова лежала на его руке, и он улыбнулся ей.

— Я думаю о нашем путешествии. Ты отдохнула?

— Да. Но я все равно переживаю, что Леифу придется бороться с Колдером в одиночку.

— Не в одиночку. Две сотни моих людей останутся, чтобы сражаться с ним.

Она кивнула, но больше ничего не сказала.

— Бренна, я хотел бы поговорить с тобой кое о чем. Леиф и я говорили вчера вечером в зале, и я хотел бы немного продлить наше путешествие. Нам стоит навестить ярлов, живущих по дороге отсюда до Карлсы, рассказать им, что изменилось в их мире.

Это не было ложью. Он и Леиф решили вчера, что Ивар и Финн, которые совершенно справедливо были недовольны властью Эйка, будут рады узнать, что он больше не их хозяин. Это было бы еще и визитом уважения.

Но владением Ивара был Халсгроф, город, где родился Вали. Бренна тоже родилась поблизости. Они встретились в лесу за Халсгрофом. Вали не знал, как жена воспримет известие о том, что они окажутся так близко к ее родительскому дому. Она сбежала оттуда давно и не возвращалась.

— Ты и Леиф говорили и решили это вместе?

— Мы так решили, да. Но не обманывайся. Я готов считать его союзником. Ничего больше. Мы пришли к согласию по этому вопросу.

И Вали намеревался укрепить связи между собой и этими двумя ярлами во время поездки так, чтобы Леифу в будущем было невыгодно отказываться от их союза.

Бренна легко улыбнулась.

— Хороший план, и я рада, что вы договорились. Каждый раз, когда ты и Леиф приходите к согласию, ты чуть больше ему доверяешь.

Он не хотел отвлекаться на разговоры о Леифе.

— Что скажешь о возвращении в Халсгроф?

Ее улыбка угасла; она явно не думала об этом.

— О, — Бренна отвела взгляд, потом снова посмотрела на него. — А ты что скажешь? Ты ведь там жил. А как насчет твоего отца?

— Любовь к медовухе и ненависть ко всему остальному давным-давно жили моего отца со свету. Я не переживаю по поводу возвращения в Халсгроф, — он улыбнулся. — Я ведь встретил там тебя, и ты изменила мою жизнь.

— Я хотела бы снова увидеть это старое дерево.

Он не понимал, но Бренна, казалось, просто думала вслух, и он не стал расспрашивать. Вали спросил о том, что его волновало:

— Ты бы хотела отыскать мать?

Бренна нахмурилась.

— Я не уверена, если она еще жива. Мои родители были уже в возрасте, когда я родилась.

— Если бы Дагмар Дикое Сердце умерла, мы бы наверняка об этом узнали.

— Наверное, — она вздохнула и снова положила голову на его руку. — Я ее любила, а она меня. Она хотела для меня ужасной судьбы, но не желала мне плохого, нет. Я не уверена. Подумаю по пути в Халсгроф.

— Ладно. Если ты отдохнула, я бы хотел приняться за сборы. Хочу, чтобы мы отплыли из Гетланда уже сегодня

Приподнявшись на локте, Бренна улыбнулась мужу.

— Нам уже пора вставать? Я тоже кое-чего хочу, но речь не о плавании.

Она ткнулась носом в его бороду и потом, словно чтобы намерения стали окончательно ясными, поднялась выше и втянула мочку его уха в рот.

Вали хмыкнул и дернул ее так, что она оказалась сверху.

— Ты моя распутная жена. И я уже встал.

~oOo~

Вали, Леиф и Бренна стояли на причале рядом с лодкой. Все те, кто хотел отправиться в Карлсу, уже погрузились на борт.

— Легкой дороги, — сказал Леиф. — Я дам вам знать о себе после возвращения Колдера. Если смогу и если мне будут рады в твоих владениях, я сам приплыву, чтобы рассказать.

— Конечно, тебе будут рады.

Бренна подалась вперед и обняла его. Вали видел, что Леиф, как и он сам, удивлен таким импульсивным проявлением любви.

Когда Леиф обнял ее в ответ, Вали почувствовал странную смесь ревности и сомнения. Он не сомневался в Бренне, но вот Леиф... Бренна была скупа на проявления чувств. Увидев, что вера в Леифа в ней поистине безгранична, он задумался о том, а стоит ли ему самому быть к нему настолько подозрительно настроенным.

Но затем она отступила, и он увидел ее шею. Она не делала никаких попыток скрыть свои новые шрамы, ведь это были боевые шрамы, их стыдиться не стоило. Но они напомнили Вали, что их «друг» не сделал ничего, чтобы защитить его. Нет. Бренна была ахиллесовой пятой Эйка, и кто поручится, что Леиф — не ее ахиллесова пята?

Леиф протянул Вали руку, и тот принял ее после долгой паузы, достаточной, чтобы недоверие стало ощутимо.

— Я сожалею, что частично был виноват в том, что случилось с вами, но я сделал все, что мог сделать, чтобы спасти вас. Я хотел бы, чтобы мы снова стали друзьями. Если тебе нужно подтверждение моей верности, Вали Грозовой волк, оно у тебя будет.

Вали кивнул и отнял руку.

Затем Леиф указал на незнакомого Вали молодого человека за своей спиной. Юноша приблизился и подал сверток, завернутый в белую ткань. Леиф развернул его.

Длинный меч, который Леиф и другие мужчины преподнесли Вали в день свадьбы. Чтобы Бренна хранила его для своих детей. Леиф взял меч и протянул его ей. В глазах Бренны бушевали чувства.

— Спасибо, — мягко сказала она.

Леиф улыбнулся ей, а затем обратился к Вали.

— Эйк забрал его, когда похитил Бренну. Я только вернул его законному владельцу.

Вали был тронут; он это не отрицал. Меч был важным, это был символ прочности его союза с Бренной. А еще символ их дружбы в Эстландии.

Но он не был настолько тронут, чтобы забыть о шраме, охватывающем горло его жены или о бороздах, оставленных прутьями на ее спине, или о криках Бренны в ночи. Как Леиф и сказал, он только вернул меч тому, кто не должен был его терять. Как не должен был терять и Бренну.

Вали просто кивнул. Затем повернулся и помог своей жене взойти на лодку, чтобы они могли оставить Гетланд с его новым ярлом позади.

~oOo~

Как они и ожидали, остальные ярлы уже готовились к битве с Эйком. Прибытие нового ярла помогло восстановить хрупкое равновесие. Тот факт, что новый ярл был Вали Грозовой Волк, а супругой его была Бренна Око Бога, шел только на пользу.

Вали упрочил отношения с Финном и затем с Иваром, а жены ярлов поговорили с Бренной о Колдере. Колдер был лишь тенью своего отца, у них было мало общего. Потом Вали во всеуслышание объявил, что если между Карлсой, Гетландом и владениями ярлов будет заключен альянс, ярл Вали будет верным другом и союзником.

Ярл Вали. Так странно это звучало.

Приходилось обдумывать каждую фразу, чтобы убедить мужчин в том, что союз с сильным и могущественным другом будет им нужен. Но Вали всегда умел выбирать слова.

Когда Бренна и жена Ивара, Алва, вернулись в зал, Вали перевел разговор на более нейтральную тему, а затем встал, чтобы взять свою жену за руку. Бренна на лодке носила кожаные бриджи и тунику, но в зал снова надела элегантное женственное платье — из вещей Хильды, которые той были больше не нужны. Вали был бы рад увидеть жену в зале их собственного дома, в ее собственном, новом платье.

— Мы можем прогуляться по городу после обеда, если позволишь, — сказал Вали, притянув Бренну к себе.

Ивар, пожилой мужчина со снежно-белой бородой, спускающейся на большой живот, но все еще крепкий и пронизательный, несмотря на возраст, улыбнулся и положил узловатую руку на плечо Бренны.

— Конечно. Я помню вас маленькими детьми. Вы были сильны, вы оба стали легендами. Мне приятно, что я могу называть вас друзьями и равными.

— Могу я спросить, ярл Ивар... моя мать еще жива?

Ивар потемнел лицом.

— Дагмар Дикое сердце. Да, я верю, что она еще жива. Она не была в Халсгрофе много лет, но я уверен, если бы она ушла из этого мира, вести об этом достигли бы моих ушей. Вы ничего не знаете о ней?

— Нет. Не знаю ничего о ней с тех пор, как умер мой отец, уже давно.

— Бренна Око Бога. Наверняка тебе было трудно жить с даром Одина. Я видел, как ты росла, и позволю себе сказать, что понимаю тебя. Я понимаю, почему ты сбежала. Но ты причиняешь своей матери страшную боль все эти годы. Возможно, ты теперь равна мне, но я намного старше тебя и мудрее, и я говорю тебе: потерять одного ребенка — очень тяжело. Потерять всех — я даже не могу представить эту боль. Потерять ребенка, зная, что он жив? Даже боги сходили с ума от такой потери.

Вали почувствовал, как Бренна выпрямилась, защищаясь, и он не удивился надрыву в ее голосе, когда она ответила:

— Я знаю, что такое боль от потери ребенка.

Выражение лица Ивара смягчилось.

— Тогда я глубоко сочувствую вам обоим, — он повернулся и протянул руку Альве, которая подошла и взялась за нее. — Но, возможно, зная, что это за боль, ты могла бы найти в сердце сочувствие к своей матери?

— Спасибо за твою мудрость, ярл Ивар.

Тон Бренны был холодным, но Вали понял, что Ивар задел ее гораздо глубже, чем она хотела признать.

~oOo~

Она была спокойной, пока они шли через Халсгроф в сторону леса. Вали заметил кузницу, но едва взглянул в ту сторону. Это больше не была кузница его отца. Звуки и запахи заставили его внутренности сжаться, но так было всегда, когда он проходил мимо кузницы, в любом месте. Просто воспоминание.

Уже в лесу, недалеко от береговой линии, Бренна остановилась у большого старого дерева. Вали не понимал, в чем дело, но его жена присела у корней и погладила их, как будто кора могла почувствовать ее прикосновения.

— Такое маленькое.

Он присел рядом с ней.

— Я не понимаю, моя любовь.

— Когда мы приезжали в город, мать и отец отправляли меня погулять, пока сами занимались делами. Мама давала мне немного денег, чтобы я купила сладости, но я не тратила их. Никогда. Я ненавидела бывать там, где могли быть другие дети. Взрослые боялись или считали меня подозрительной, но дети были по-настоящему злы. Так что я приходила сюда и забиралась вот в эту яму у корней. Я проводила тут целый день, закрыв глаза, рассказывая себе истории о том, какой могла бы быть моя жизнь. Я представляла себя великой воительницей и путешественницей. Я даже думала, что смогу быть ярлом.

— И ты добила все этого.

Она улыбнулась.

— Ты — ярл, а не я.

— Я могу отдать тебе этот титул до того, как мое сердце сделает еще один удар.

— Нет. Я не хочу этого. Когда я была девочкой, я видела богатство и комфорт. Теперь я знаю, чего все это стоит. И я не умею говорить с людьми. Я буду стоять рядом с тобой, ярл, — она снова погладила дерево. — Я не могу поверить, что могла поместиться в таком маленьком пространстве.

— Ты была очень маленькой, когда я впервые увидел тебя. Ты выросла высокой и сильной, но тогда ты была совсем малышкой.

— Я была в своем маленьком убежище, когда слышала тебя и твоего отца. Ты и он были там.

Она указала на лесок неподалеку, и события вдруг вспыхнули в его голове с необычной четкостью. Вали закрыл глаза и покачал головой, когда воспоминания ударили в него.

— Вали?

Воспоминание о жестокости отца и его собственном ужасе, ощущение прикосновения кончика ножа к языку сменились звуком молодого голоса Бренны, громкого и уверенного, полного праведного огня и ярости.

— Вали? — Бренна положила ладонь на его руку, и он открыл глаза.

Маленькая девочка, спасшая его от ужаса в тот день, стала великой женщиной, и она была рядом с ним сейчас. Легендарная Дева-защитница. Его жена.

— Я люблю тебя, Бренна Око Бога.

Обычно Бренна вздрагивала, когда кто-то произносил это имя, но на этот раз улыбнулась — первая настоящая улыбка с тех пор, как она была освобождена из плена.

— И я люблю тебя.

Он скользнул рукой в ее волосы и сжал, сплетая пряди пальцами.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Он поцеловал ее.

Снова и снова он повторял эти три слова, перемежая каждое признание поцелуем, утверждая этим свою власть над ней. И Вали положил свою жену на землю, на мягкий мох и опавшую хвою, и поднял ее платье, обнажив покрытые шрамами сильные и красивые ноги.

Там, в лесу, где они впервые встретились, он любил ее глубоко и долго.

~oOo~

На следующее утро Ивар с радостью дал им пару прекрасных, сильных лошадей для поездки в деревню, где родилась Бренна. Бренна спросила о Фрейе, и, хоть Вали и думал, что стоило сказать ей, что с кобылой все хорошо, он не смог заставить себя солгать.

Ее глаза заблестели от слез, но она кивнула.

— Это была хорошая жертва. Боги были с тобой, потому что они видели, чего она стоит.

Вали думал так же. Они страдали — Бренна страдала — а теперь они снова были вместе, еще сильнее, чем раньше, и даже сделали больше, чем просто спасли свои жизни.

И может, там, в лесу они создали еще одну жизнь.

Было уже за полдень, когда они добрались до холма, на котором стоял десяток домиков. Осанка Бренны изменилась, как будто она пыталась что-то разглядеть вдали.

— Это твоя деревня?

— Это место, где я родилась, да. А если спуститься с этого холма, можно дойти до хижины, где живет Ойли. Если она до сих пор жива. Она была старой еще когда я была ребенком. Она целительница и вельва — и мать хотела, чтобы я тоже ей стала. Но если мой глаз — это дар Одина, и если в нем есть сила, то это явно не сила взгляда.

— Нет. Это сила духа. Твой дух сильнее, чем у других, Дева-защитница. А тебе есть дух богов.

Она повернулась к нему.

— И ты веришь, что глаз дан мне свыше?

— Я не думаю, что это так важно. Однако ты родилась такой, и в твоем глазу виден Иггдрасиль. Подарок ли это Одина или просто случайность — неважно. Ты сильна духом, Бренна. Если глаз — это способ показать другим твоё величие, то так и будет. Возможно, это и правда дар Одина — не мистическая сила, а сила, которая ведет тебя через трудности.

Она вздернула голову, размышляя над его словами, а затем улыбнулась.

— Мне нравится твоя мысль. Она правильная. Всю свою жизнь я пыталась понять себя, но мне кажется, ты понял меня лучше.

Бренна направила лошадь на восток, в сторону лесистого холма. Они приблизились к небольшой постройке, которая выглядела так, словно никто не ухаживал за ней. Деревня и так казалась процветающей, но этот дом выглядел совсем ветхим.

Бренна послала лошадь вперед и остановила ее уже у двери. Прежде чем она успела спешиться, дверь открылась, и на свет вышла пожилая женщина. Тусклые седеющие волосы были сплетены в косу. На женщине было простое шерстяное платье и кожаные туфли, но она стояла прямо и гордо, накинув на плечи простой шерстяной платок.

Это была Ойли, старая вельва?

Женщина застыла в дверях и уставилась на Бренну, широко открыв глаза и раскрыв рот.

Вали заметил, что ее глаза были точно такого же цвета, как левый глаз Бренны — голубого, как летнее небо.

Это была Дагмар Дикое сердце.

В миг, когда Вали узнал ее, она упала на колени.

— Бренна.

Бренна спешила и протянула ей руку.

— Мать.

Дагмар Дикое сердце, легендарная Дева-защитница, протянула руку и сжала руку дочери, но на ноги не поднялась. Вместо этого, стоя на коленях перед своим единственным живым ребенком, она заплакала.

~oOo~

Не было потока извинений, не было уверений во взаимной любви. Бренна попросила мать встать, и Дагмар взяла себя в руки и поднялась. Они неловко обнялись, а затем Бренна представила свою мать Вали.

Затем они вошли в ветхий дом, и Дагмар угостила их скудной пищей.

Вали сидел и наблюдал за этими двумя сильными женщинами. Бренна явно была сильнее. Может, Дагмар и сражалась в молодости с троллями, может, билась в Етунхейме с гигантами — по крайней мере, так говорили легенды — но она была сломлена. Она потеряла детей, потеряла мужа и просто сдалась, закрывшись в собственном доме, чтобы сгнить вместе с ним.

Вали не думал, что что-то могло заставить Бренну утратить волю к жизни.

Очевидно, Дагмар умрет здесь; она ждала здесь своей смерти. Сам не зная, зачем, Вали предложил ей поехать с ними в Карлсу. Обе женщины согласились, почти не колеблясь. Бренна с удивлением посмотрела на него, но потом кивнула. Они улеглись спать на соломенной циновке на полу, решив, что свою козу и пять кур Дагмар оставит Ойли, а утром они соберут ее пожитки и поедут в Халсгроф.

~oOo~

На следующее утро, пока женщины одевались, Вали вышел на улицу и прямо в дверях столкнулся лицом к лицу с низенького роста старухой с всклокоченными белыми волосами.

— Здравствуй, — сказал он удивленно.

— Ты — волк, — сказала старуха. — И гроза.

— А ты вельва, — легко было догадаться, что это Ойли.

— Ты привез Око Бога домой, а теперь хочешь забрать Дикое сердце с собой.

Он спросил себя, а называет ли старуха хоть кого-то по имени.

— Да.

— Это хорошо. Ее сердце уже долгое время не было диким. Она расскажет вам много историй, но это не те истории, которые нужно рассказывать здесь.

Он почувствовал руку Бренны на спине и отступил в сторону, чтобы она могла пройти. Старуха охнула, ее беззубый рот широко открылся, и она бросилась к Бренне, хватая ее за плечи своими скрюченными когтистыми руками.

Вали вклинился между ними.

— Смотри, что делаешь, старухи.

— Все нормально, Вали, — сказала Бренна. — Она не навредит мне.

Она потянула мужа за руку, и Вали снова отошел в сторону. Он чувствовал себя немного нелепо, защищая Бренну от этой крошечной старой женщины, но она была вельва, и только Один знал, на что она могла быть способна.

— Здравствуй, Ойли, — сказала Бренна и протянула ей руку.

Старуха схватила ее и повернула ладонью вверх. Ойли стала водить по ладони Бренны скрюченным пальцем и бормотать себе под нос. Затем ахнула и уставилась ей прямо в лицо. Отпустив ладонь, Ойли приблизилась к Бренне вплотную и положила руку

ей на живот.

— Твое чрево цветет и плодоносит, Бренна Око Бога. Ты воспитаешь великого воина. О ней будут слагать песни и легенды. Ее свет будет ярким и теплым, как солнце.

Вали смотрел на жену, его сердце бешено колотилось от радости. Бренна положила руку на руку Ойли.

— Я уже ношу ребенка?

— Не часто боги дают мне возможность увидеть это так четко. Легко не будет, но если ты будешь сильна, ты справишься. Тебе поможет твоя мать. Идите на север и постройте там ваш дом. Ты и Волк наполните его дочерьми и сыновьями. Вся твоя семья снова будет вместе.

Бренна покачала головой и отпустила руку Ойли

— Не вся.

Ойли потрепала ее по щеке.

— Твой сын грома ждет тебя, Око Бога. Боги позаботятся о нем до тех пор, пока ты не присоединишься к нему после смерти.

Вельва отстранилась и, покопавшись в складках своего поношенного хангерока, вытащила из кармана маленький мягкий кожаный мешочек на шнурке. Она сняла его с шеи и протянула Бренне.

— Отдай это своей матери. Скажи ей, что я благодарю ее за козу и кур.

Потом старуха повернулась и зашаркала прочь.

Вали и Бренна ошеломленно смотрели ей вслед. Потом Вали пошел к жене и встал перед ней, положив свои руки на ее живот. Она все еще была такой худой.

— Как думаешь, это правда? — спросил он, касаясь лбом ее лба.

Бренна положила руки ему на голову.

— Ойли — настоящая вельва. Думаю, она все знала о нас. И это правда.

Он взял ее за подбородок.

— Она сказала, что беременность будет тяжелой. Я хочу, чтобы ты была в безопасности и комфорте. Я хочу, чтобы ты позволила мне помочь. Пожалуйста.

— Она сказала, что я должна быть сильной, и что наша дочь будет сильной. Не пытайся сделать меня слабой. Но я обещаю быть осторожной. И я обещаю терпеть тебя и твою заботу.

Вали ухмыльнулся.

— Этого вполне достаточно. Сейчас я хочу отвезти тебя домой. К нам домой.

Его прекрасная жена обхватила его лицо своими руками и взглянула на него.

— Ты — мой дом, Вали. Мне не нужно ничего другого.

ЭПИЛОГ СОЛНЦЕ *НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ*

Ойли не преувеличила сложность этой беременности. К моменту, когда Бренна сошла на берег Карлсы, она чувствовала себя невероятно плохо. Младенец лежал высоко, и с течением беременности все сильнее давил на легкие и желудок. Она едва находила в себе силы дышать и едва могла удерживать в себе еду.

Ольга и Дагмар суетились вокруг Бренны, не покладая рук, а Вали просто сходил с ума. Бренна к концу беременности была настолько больна и слаба, что готова была принять любую помощь. По правде говоря, даже несмотря на пророчество, она боялась.

Гораздо легче было оставаться сильной в темном амбаре, куда ее заточил Эйк.

Она постоянно переживала, что Ойли ошиблась, или в ее словах был какой-то скрытый смысл, и она поняла его не так. Пророчества были туманными, и они не всегда сбывались буквально. Она думала о том, как Эйк воспринял свое последнее пророчество. Он думал, что оно означало его успех, но оказалось — ужасный провал.

Пока она боролась и страдала, Карлса возрождалась. Они были встречены как герои, и когда Вали сообщил, что не только Эйк разгромлен, но сам он теперь стал их новым ярлом, в городе устроили большой праздник.

Буквально через несколько недель после прибытия Вали, Бренны и Дагмар в Карлсу, когда на землю лег первый снег, из Гетланда прибыли остававшиеся там воины. Колдер и его корабли вернулись, и Леиф убил Колдера в единоборстве. Эйвинду, Умо и остальным воинам был дан шанс присягнуть Леифу и сохранить свои головы. Эйвинд отказался. Умо поклялся Леифу в верности.

Гетланд постепенно обретал предсказанное провидцем величие.

Но сам ярл Гетланда не приплыл в Карлсу. Несмотря на то, что Леиф убил Колдера, лучшего друга своего детства, несмотря на казнь Эйвинда, Вали считал, что этого недостаточно, чтобы доказать ему, что Леиф — настоящий друг.

Когда Бренна предположила, что новый ярл пока занимается восстановлением своих владений, да и близкая зима — не время для путешествий, его убеждение не поколебалось. Вали продолжал хранить в себе свой гнев и недоверие, и Бренна знала, что растопить этот лед сможет только встреча лицом к лицу.

Однако следующим летом Бренне стало не до раздумий над чужими судьбами.

~oOo~

Когда схватки начали терзать ее тело, и Дагмар помогла ей сесть, Бренна взмолилась о том, чтобы пророчество исполнилось так, как она его поняла.

Боль была сильнее всего, что она когда-либо чувствовала. Она уже проходила через это, но воспоминания о том, как родился их крошечный сын, были милосердно стерты из ее памяти. Это было хуже всего, хуже даже, чем раскаленные прутья. Более того, это была работа, много работы, а сил у нее за предыдущие месяцы совсем не накопилось.

Бренна всегда больше была воином, нежели женщиной. Всегда было так. Это заставило ее беспокоиться о том, справится ли она.

Волна боли была сильна настолько, что она закричала.

— Боги! Помогите ей! — завопил Вали.

Дагмар уложила Бренну обратно на кровать и подскочила к ее мужу.

— Выйди вон, Вали! Ты ей лучше не сделаешь! — сказала она, толкнув его в грудь.

Когда схватка отпустила, Бренна упала навзничь, глядя на мать и мужа, словно пытаясь найти в них свою силу.

Она увидела, что Вали поднял руки, как будто хотел отодвинуть ее мать в сторону, но

потом остановился.

— Я не оставлю их! Я не уйду!

Стоя между ног Бренны, Ольга сказала:

— Он неисправим, Дагмар. Он может нам помочь. Вали, займи место Дагмар. Дагмар, ты мне нужна здесь, — мать Бренны отошла к другому концу кровати, и ее подруга улыбнулась ей. — Я знаю, это долго и тяжело, Бренна. Твоя дочь — жадная девочка, и она забирала все, что ты давала ей. Она большая и сильная, и ты должна быть сильной, чтобы подтолкнуть ее вперед. Помни, что пророк сказал тебе.

Когда очередная волна боли обрушилась на нее, Вали нагнулся к кровати, приподнимая жену.

— Бренна, посмотри на меня. Смотри на меня.

Она уставилась ему в глаза, не отрывая взгляда от этих блестящих синих огней. Пытаясь найти в себе воительницу, она зарычала от усилий и боли, и он улыбнулся.

— Ты родишь сегодня великого воина. Великого — как ее мать. И мать ее матери.

Бренна кивнула и стала тужиться.

~oOo~

— Ее зовут Сольвейг, — сказала Бренна, зевая.

Лежа между ними, их дочь крепко спала.

— Хорошее имя, — сказал Вали. — Путь солнца. Да. Она — наше солнце и наш путь.

Он провел пальцами по мягкому белому пушку на голове спящей девочки.

— Она — самое лучшее, что я видел когда-либо в жизни.

Они остались одни в своей комнате, все было убрано, постель поменяли. Были лишь они, их маленькая семья, все вместе в одной постели.

Бренна поцеловала затылок дочери, задержавшись, чтобы вдохнуть волшебный запах. Сердце ее щемило от нежности. Этот запах заставил ее грудь сжаться, а чрево — заболеть. Как будто так пахла сама любовь. Она больше не беспокоилась о том, какой матерью будет. С момента, когда ей подали новорожденную дочку, Бренна знала, что она сделает все, что потребуется, чтобы вырастить девочку сильной и смелой.

На задней части правого плеча Сольвейг была родинка. Маленькое красноватое пятнышко, размером с кончик пальца Бренны.

Казалось, там отпечаталось солнце

— У нее твои глаза.

Чувство усталости, счастья и уюта накрыло ее, Бренна прижалась к своей дочке под одеялом. Ее тело все еще болело, и живот казался огромным и пустым, но ей никогда в жизни не было так хорошо.

— У нее свои собственные глаза, — ответил ее муж, наклонившись и целуя Бренну в висок. — Она великолепна. Как и ее мать.

Он снова поцеловал ее, и она вздохнула.

— Спи, моя любовь. Я буду здесь, когда вы с Сольвейг проснетесь.

— Ты мой, — пробормотала она, чувствуя, что засыпает.

— И всегда буду, — прошептал ей на ухо муж.

КОНЕЦ